

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

122

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

122

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1970

Выпуск содержит материалы конференции, посвященной изучению истории Средней Азии, состоявшейся в марте 1968 г. В него включены статьи, отражающие узловые проблемы среднеазиатской археологии, основные итоги и задачи в изучении первобытной археологии, античного и средневекового периода истории Средней Азии.

Ряд статей посвящен истории развития кочевых племен, археологическому изучению их памятников.

В выпуск включены также статьи по исследованию истории религии, искусства, ремесла, денежного обращения в Средней Азии.

Книга рассчитана на широкие круги археологов, историков, этнографов, искусствоведов.

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Крушликова (ответственный редактор), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем выпуске «Кратких сообщений» публикуются доклады и сообщения, прочитанные на V совещании по проблемам археологии Средней Азии, которое состоялось в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР в апреле 1968 г.

В совещании приняли участие археологи Средней Азии и Казахстана, сотрудники институтов археологии, этнографии и географии АН СССР, Государственного Эрмитажа, музеев, вузов и других учреждений — всего 150 человек. Было прочитано около 50 докладов; они были сгруппированы по следующим разделам: 1) итоги и проблемы археологии Средней Азии; 2) первобытная археология; 3) археология античного (древнего) периода; 4) средневековая археология и 5) археология и естественные науки. Значение таких региональных симпозиумов состоит не только в оперативном обмене информацией, но прежде всего в определении степени разработки важнейших научных проблем и координации усилий соответствующих коллективов. На совещании 1968 г. были подведены итоги по ряду актуальных вопросов археологии Средней Азии, чему и посвящены доклады, помещенные в настоящем выпуске.

Так, в области первобытной археологии одними из наиболее острых проблем, обусловленных интенсивным накоплением материалов, являются вопросы выделения культур, локальных вариантов и культурно-исторических общностей. Этой проблематике посвящены статьи Г. Ф. Коробковой и А. В. Виноградова. Для памятников эпохи бронзы эти вопросы классификации тесно связаны с различным подходом к генезису отдельных культур, их происхождением и ориентацией связей, что нашло отражение в статьях М. П. Грязнова, М. А. Итиной, Е. Е. Кузьминой, И. Н. Хлопина. Специальные сообщения были посвящены именно вопросам культурных связей (А. Я. Щетенко) и интерпретации новых материалов (А. Аскарров).

Ход дискуссий об общественном строе докапиталистических формаций, развернувшихся в советской исторической науке, вызвал необходимость вновь вернуться к рассмотрению этих вопросов на среднеазиатских материалах. Постановке этой проблематики посвящена статья А. М. Беленицкого, высказывающего ряд справедливых критических замечаний по поводу традиционной трактовки этих вопросов. Важным аспектом решения этих ответственных вопросов могут явиться массовые археологические мате-

риалы (статья М. Г. Воробьевой). Памятники кочевых племен древнего периода рассматриваются в статье А. К. Абеткова.

Традиционным объектом среднеазиатской археологии являются памятники средневековой эпохи. Статьи О. Г. Большакова и В. И. Распоповой ставят интересные вопросы развития средневековых городов и их связей с миром кочевых племен. Новым археологическим материалам посвящено сообщение Г. А. Брыкиной, а в статье А. А. Иванова дается новая интерпретация проблемы локальных центров средневековой корoplastики. Особое внимание на совещании было уделено и методическим вопросам, особенно в связи с анализом массового керамического материала (Н. Г. Горбунова).

В практике среднеазиатской археологии все шире привлекаются методы естественных наук, большое значение имеют работы, ведущиеся в области смежных дисциплин (статьи Я. А. Шера, А. С. Кесь, М. А. Итиной, А. В. Виноградова, Г. Н. Лисицыной, В. В. Гинзбурга). Дискуссия, проходившая на совещании в связи с обсуждением отдельных докладов и групп проблем, отражает отдельные точки зрения и намечает пути решения спорных вопросов. Редакция надеется, что публикация материалов совещания послужит дальнейшему развитию всех отраслей среднеазиатской археологии¹.

В настоящей информации аннотируются доклады, не вошедшие в сборник.

По первому разделу после доклада В. М. Массона «Узловые проблемы археологии Средней Азии» были прослушаны доклады заведующих секторами археологии институтов истории республик Средней Азии и Казахстана².

По первобытной археологии было сделано 13 докладов. Кроме напечатанных в настоящем сборнике были прочитаны еще два доклада: М. Касымовым — «Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак» (раскопки дали материал от времени финального ашеля до верхнего палеолита) и Г. Ф. Коробковой и В. А. Рановым — «Неолит горных районов Средней Азии». Докладчиками исследовано многослойное поселение гиссарской культуры — Туткаул. Нижние слои поселения восходят к мезолиту — X — IX тыс. до н. э., верхние к VI тыс. до н. э.

Х. Мухитдинов в докладе «Памятники эпохи бронзы в низовьях Кизил-Су (Южный Таджикистан)» сообщил о раскопках могильника Маконимор близ р. Цпархар. Здесь расположено около 60 курганов.

¹ В настоящем выпуске публикуются тексты сделанных на совещании сообщений и докладов, заблаговременно представленные авторами. Тезисы докладов были изданы к совещанию отдельной брошюрой «Проблемы археологии Средней Азии». — «Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии». Л., 1968. Некоторые доклады будут изданы в других выпусках КСИА.

² О достижениях и задачах археологов в республиках Средней Азии см.: Б. А. Литвинский. Археология Таджикистана за годы Советской власти. СА, 1967, № 3; К. А. Акишев. Археология в Казахстане за советский период. СА, 1967, № 4; Е. Атагарриев, О. Бердыев. Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти. СА, 1967, № 3.

Состав сопровождающего инвентаря говорит о том, что это памятник позднего этапа эпохи бронзы. Часть керамики находит себе аналогии в материальной культуре земледельческих племен юга Туркменистана (Намазга VI). С другой стороны, формы погребальных сооружений сближают могильник с могильником Заман-Баба.

Вблизи могильника раскопано поселение, материал которого несколько отличается от материалов могильника и представляет собой следующий этап развития этой культуры. Здесь раскопана полуземлянка с центральным очагом. Весь комплекс датируется первой четвертью I тыс. до н. э.

На заседании, посвященном археологии античного (древнего) периода, было заслушано пять докладов, в том числе доклады Н. И. Крашенинниковой «Основные результаты археологического исследования городища Старая Ниса» и А. В. Гудковой «Могильник Базар-Кала».

В могильнике Базар-Кала (в Турткульском районе) зафиксировано 22 погребения. Трупы были захоронены в вытянутом положении в овальную грунтовую яму и лежали на спине лицом вверх. Ориентация ССВ — ЮЮЗ. Погребальный инвентарь состоит из одного-двух сосудов, украшений и ножа. Керамика — кувшинчики, миски, бокалы — представляет собой типичную хорезмийскую керамику первой половины или середины кангуйского периода III—II в. до н. э.

Судя по материалу могильника, можно предположить, что в Хорезме в это время существовало население, не придерживавшееся зороастрийских представлений.

С. С. Черников в докладе «Особенности исторического процесса у кочевников» подчеркнул решающую роль накопления богатства в классовом образовании. А. Д. Бабаев сообщил о раскопках сакских курганов на Западном Памире.

Проблемы археологии средневековья рассматривались на совещании в 9 докладах. Кроме публикуемых здесь М. К. Пачос сделал доклад «Новые находки оссуарных захоронений на Афрасиабе».

В 1967 г. на г. Афрасиаб были обнаружены остатки оссуарных захоронений и захоронения в хумах. Обилие фрагментов оссуариев и костей свидетельствует о наличии большого городского некрополя и о длительности его функционирования — с V по VIII в.

Некрополь расположен за стенами города. Оссуарии орнаментированы изображениями голов человека и несторианского креста.

О. Оразов сообщил об изучении археологических памятников Серахского оазиса в 1965—1966 гг. Раскопки на городище Серах дали материал XI—XII и XIV—XVI вв.

Д. И. Альбаум в докладе «Росписи Афрасиаба» дал интерпретацию росписей на стенах дворца. После доклада выступил В. А. Лившиц с сообщением о работе по чтению надписей, сделанных на росписи. В большой надписи на поле кафтана говорится о том, что в Самарканд прибыл чаганианский писец от чаганианского государя. Надпись относится к последней трети VII в. или к началу VIII в. Не исключено, однако, что надпись сделана после завоевания Самарканда Кутейбой, а разрушение могло быть сделано не сразу, а позже, в IX в.

Н. И. Негматов в докладе «К истории средневекового скотоводческо-земледельческого хозяйства горной Уструшаны» сообщил о раскопках горного селения Хон Яйлов, которые дали сплошные хозяйственно-жилые постройки, загоны и погребальные сооружения. Находки — керамика, каменные зернотерки, железо — датируются периодом IX—XIII вв. Селение Хон Яйлов представляло собой поселок эпохи развитого феодализма со скотоводческим, частично зерноводческим укладом.

«Археологическое изучение средневекового Мерва» — доклад С. Б. Луниной об исследованиях на городище Султан-Кала. Раскопки в северо-западной части городища выявили остатки четырех зданий богатых горожан, одно из которых имеет разнообразный декор: резьбу по ганчу, по глине, глазурированные кирпичи, роспись по штукатурке. Датируется здание XII—началом XIII в. Жилища рядовых горожан располагались близ крепостной стены. На основании новых материалов подтверждается возобновление жизни в Мерве с середины XIII в. Изучение рабада показало, что сюда были вынесены объекты, связанные с жизнью города: караван-сарай, мечеть-намазгох, мавзолеи, кладбища и кварталы керамистов.

Е. Г. Шейнина, заведующая мастерской реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа, доложила о работе реставраторов в археологических экспедициях — в Пенджикенте, Варахше, на Аджина-Тепе и на Красной Речке. За 20 лет работы на раскопках извлечено более 1300 фрагментов живописи и скульптуры, значительная часть которых обработана и экспонирована. Преимуществом системы консервации является применение синтетических смол, которые могут быть приспособлены к различным материалам в различных условиях.

По разделу «Археология и естественные науки» было заслушано 11 докладов.

По антропологии кроме В. В. Гинзбурга выступила Т. А. Трофимова с докладом «Череп из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-Гыр на территории Юго-Западного Приаралья». В курганном могильнике первых веков н. э. были обнаружены черепа — 22 мужских и 22 женских. Сравнение мужских черепов из Туз-Гыра с черепами скифо-сарматского времени из Средней Азии, Казахстана, Приуралья и Нижнего Поволжья приводит к выводу об их морфологической близости. Предполагается, что население, погребенное в могильнике Туз-Гыр, относилось к одной из сарматских или аланских групп, имевшей контакт с местным земледельческим населением.

В докладе «Костная патология ранних кочевников Алая» Э. Б. Альтман сообщил, что им изучено при помощи рентгенографии 49 скелетов из раскопок в Киргизии. Патологические изменения отмечены на 13 скелетах, на 5 скелетах обнаружены травматические изменения, например множественные костные переломы, которые могли образоваться при падении с высоты. Боевых травм не обнаружено.

В докладе В. А. Булатовой, И. Г. Горбуновой и Г. Н. Пшенина «Геоморфология на службе археологии» говорилось о том, что естественный процесс повышения засушливости климата подгорных среднеазиатских равнин в голоцене определил расселение человека и характер земледелия. Экстенсивный характер хозяйства способствовал разрушению пер-

вичных ландшафтов и ускорял природный процесс нарастания засушливости. В конце концов данный процесс сделал невозможным в этих районах существование людей (Керкидон XII). Изменение природных условий под влиянием человека определяло миграцию населения основных поселений.

И. В. Богданова-Березовская и А. М. Мандельштам доложили о своем исследовании на тему: «Бронза и латуни античной Бактрии».

Заключительное заседание совещания было посвящено разработке и обсуждению проекта резолюции, в которой отмечены достижения и задачи советской археологии. В резолюции отмечается следующее.

1. Широкий размах археологических работ как в Средней Азии и Казахстане, так и в Сибири, Иране, Индии, Афганистане приводит к постановке исторических проблем, решение которых возможно в масштабе всей Средней Азии. Для координации и объединения работ республиканских научно-исследовательских учреждений и институтов АН СССР может быть создан проблемно-тематический совет, проводящий ежегодно совещания для взаимной информации, разработки программ и подведения итогов. Особенно необходим такой совет по «античному» периоду.

2. Одной из главных задач археологии Средней Азии является учет и систематизация исследованных памятников. Лучше всего это сделать в виде подготовки и публикации карт.

3. Для разработки первоочередных проблем необходима полная публикация материалов таких памятников, как: Оби-рахмат, Самаркандская стоянка, Чустское поселение, Старая Ниса, дворец Топрак-Кала, Тали-Барзу, Кызыл-Кыр, могильники Карабулак и Кетмень-Тюбе, средневековый могильник Ток-Кала.

4. Признать желательным создание общесреднеазиатского археологического музея, где были бы собраны образцы памятников всех культур и областей Средней Азии. Создание такого музея в одном из древних культурных центров, например в Самарканде, имело бы научное и пропагандистское значение для развития науки и культуры в целом. Совещание отмечает большую работу центральных, республиканских и областных музеев.

5. Совещание обращается к республиканским обществам по охране памятников с призывом усилить надзор за существующими и раскапываемыми архитектурными и археологическими памятниками.

6. Для усиления археологических работ в Туркменской и Киргизской ССР необходимо расширить сектора археологии в институтах республик. Первоочередной задачей является создание при них республиканских мастерских по реставрации археологических памятников.

7. Желательно осуществить по всем республикам ежегодную публикацию предварительных отчетов о раскопках. Необходимо поставить вопрос об издании общесреднеазиатского журнала или сборников, в которых будут ставиться узловые проблемы и вопросы общего значения.

8. В области первобытной археологии важнейшими задачами являются: поиски домустьеvских памятников и памятников раннего металла в Средней Азии и Казахстане, применение современных типологостатистических методов к массовым коллекциям, применение методов естественных наук, особенно координация геологических и палеолитических исследований, изу-

чение палеоэкономики древних общин; систематические работы по эпохе бронзы и раннего железа в связи с проблемой расселения индо-иранских племен, поиски и изучение доандроновских памятников в Казахстане.

9. Начиная с эпохи бронзы узловыми темами изучения оседлых и кочевых районов Средней Азии являются зарождение и развитие города и взаимоотношения кочевников и земледельцев. При исследовании памятников кочевых племен наиболее важным является изучение формирования раннекочевнических обществ и их социальной дифференциации.

10. По проблеме существования рабовладельческой формации в Средней Азии требуется строгое и объективное истолкование археологических данных. Для этого необходима организация широких раскопок античного (древнего) периода.

11. Совещание приветствует применение естественнонаучных методов в археологии — технологический анализ керамики, строительных материалов, металлических изделий, палеогеография, аэрометод, статистический анализ. Эти методы должны иметь систематический, организованный порядок. Необходимо подготовить кадры для математической обработки массовых коллекций и унификаций систем описания археологических объектов. Просить ИА АН СССР и республиканские академии наук создать группы для выработки единой системы описания и классификации керамики с составлением картотек.

12. В палеоантропологии задачей является заполнение территориальных и хронологических лакун в антропологических материалах.

13. Необходимо более регулярное проведение конференций и совещаний по археологии Средней Азии с публикацией их трудов.

И. ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В. М. МАССОН

УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Выдающиеся открытия, количество накопленного материала, степень и характер его обработки и интерпретации в настоящее время вывели среднеазиатскую археологию далеко за рамки сугубо регионального явления, когда каждое новое исследование расценивалось лишь как шаг в познании прошлого той или иной республики. Среднеазиатская археология является важнейшей составной частью археологии Евразии, ключевой позицией для решения многих важнейших проблем прошлого Азиатского материка, доставляет ценнейшую информацию для изучения общих закономерностей исторического процесса. Тешик-Таш, культуры Анау, Ниса, Пенджикент, Хорезм являются гордостью советской и мировой археологии. Значительно расширился и кадровый состав лиц, работающих в области археологии Средней Азии, сложились крупные археологические центры на местах, особенно в Ташкенте и Душанбе. Интенсивное накопление материала привело к отраслевой дифференциации — в самостоятельные разделы выделяются работы по изучению первобытных памятников, античной эпохи, средневековой археологии. Из археологии статей, какой она была в 30-х годах XX в., среднеазиатская археология превратилась в археологию книг; теперь уже десятки томов фундаментальных публикаций и обобщающих исследований составляют надежный фундамент дальнейших изысканий.

В ходе этих изысканий особенно важно правильное сочетание стадии накопления и источниковедческой обработки материала и стадии исторических обобщений. Одну крайность составляет голое вещеведение с типологией и классификацией предметов как самоцелью. Нередки и случаи поспешных обобщений, бесплодных пустоцветов и односторонних. От степени соотношения и взаимной уравновешенности этих двух этапов археологических изысканий во многом зависит правильное перспективное планирование как полевых исследований, так и кабинетных обобщений. Естественно, что в различных отраслях среднеазиатской археологии взаимодействие этих двух факторов различно. Остановимся кратко на существующем положении в основных подразделах археологии Средней Азии.

Изучение палеолита и мезолита Средней Азии едва перешагнуло за грань первоначального накопления фактического материала. По количеству известных памятников Средняя Азия далеко отстает по степени изученности от Европейской части СССР, не говоря уже о Франции. В Средней Азии пока не известны остатки жилищ, нет памятников искусства, антропологические находки единичны. Поэтому следует привет-

ствовать всякое расширение полевых изысканий, особенно в области изучения домустьерских памятников, пока представленных лишь единичными находками. Следует отметить, что степень исторических обобщений в этой области, стимулированная созданием работ по археологии Средней Азии и истории отдельных республик, как правило, находится в соответствии с имеющимся материалом, хотя нередко и опережает их публикацию. Возможно, правда, в связи с существенным удревнением возраста появления человека в свете олджувейских находок придется пересмотреть традиционный тезис о вхождении Средней Азии в зону очеловечения обезьяны, особенно учитывая ранее установление здесь аридного континентального климата. Одним из важнейших направлений исследований является разработка вопросов хронологии в связи с геологическими периодизациями, предлагаемыми для времени антропогена. Быть может, лучше других периодов изучена эпоха мустье, для которой уже известно несколько десятков памятников и встает проблема выявления локальных вариантов или технических традиций. В перспективном плане принципиально важно осуществить монографическое издание основных памятников, особенно с хорошо выявленной стратиграфией (Ходжакент, Обирахмат, Самаркандская стоянка, Ошхона и др.). Это издание необходимо осуществить на уровне современной методики с применением функционального анализа, статистических методов, метрического анализа. Это позволит в дальнейшем минимально возвращаться к реанализу материала и избежать любительско-краеведческую стадию, которая, например, заметно ощущается в изучении каменного века Афганистана.

К числу сравнительно хорошо изученных разделов среднеазиатской археологии относятся неолитические памятники. Число известных стоянок и местонахождений уже приближается к тысяче, и как закономерное явление с особой остротой встает вопрос о выделении культурных общностей, отдельных культур и локальных вариантов. К сожалению, в этой области еще слабо разработаны устойчивые методические критерии, что приводит порой к «интуитивному» решению этих проблем. Следует признать перспективной постановку вопроса об удревнении возраста неолита, и в частности кельтеминара. Степень изученности неолитических памятников Средней Азии позволяет ставить на среднеазиатских материалах важные теоретические вопросы, подходить к изучению узловых проблем мировой истории. Таков, в частности, вопрос о двух путях неолитической революции — преимущественно земледельческом и преимущественно скотоводческом. Новые материалы свидетельствуют о том, что неравномерность развития Средней Азии в эпоху неолита имела несколько иные формы, чем это представлялось ранее. Наличие костей мелкого домашнего скота в целом ряде памятников VII—IV тыс. до н. э. вне зоны джейтунской культуры (Дам-Дам-Чешме II, Гари-Мар в Северном Афганистане, некоторые памятники гиссарской культуры и др.) свидетельствует о раннем зарождении элементов производящей экономики и в ареале «архаических» культур. Вместе с тем весьма интересен тот факт, что сочетание этих элементов с традиционными формами присваивающего хозяйства не привело, в отличие от оседлого земледелия Джейтуна, к резким изменениям в области культуры. В частности, в Западном Таджикистане архаические и застойные формы гиссарской культуры сохраняются чуть ли не до времени появления здесь комплексов андроновского круга.

Целый комплекс важнейших исторических проблем связан с исследованием памятников эпохи бронзы. Здесь довольно резко выступает неравномерная изученность территории Средней Азии. В Южном Туркменистане сравнительно всесторонне изучены раннеземледельческие поселения типа Анау, рисующие картину постепенной эволюции от неолита через яркие энеолитические комплексы к протогородской или раннегородской цивилизации конца III — начала II тыс. до н. э. Здесь принципиальное

значение имеют широкие раскопки поселений этой цивилизации, дающие важный материал для изучения процесса формирования раннеклассового общества древневосточного облика. Другие области Средней Азии (например, для времени ранней бронзы) практически остаются белым пятном за исключением низовий Зеравшана с такой интереснейшей культурой, как Заман-баба. Для более позднего периода памятники степной бронзы сравнительно хорошо изучены в Хорезме и за последнее время в Юго-Западном Таджикистане. Правда, здесь к числу «болезней роста» относится стремление к выделению культур и вариантов при сравнительно ограниченном объеме конкретных данных, в результате чего иногда происходит перенапряжение материала. Следует иметь в виду, что поиски научного авторитета и приоритета в терминологических новшествах отнюдь не способствуют разработке существа проблемы. Важным теоретическим вопросом является изучение экономики племен степной бронзы, особенно ее скотоводческой отрасли, в соотношении с имеющимися данными о весьма раннем зарождении скотоводства в зоне вне пределов южнотуркменско-таджикского центра производящей экономики. Возможно, лишь какие-то формы подвижного скотоводства, утвердившиеся во II тыс. до н. э., привели здесь к коренным качественным переменам, соответствующим торжеству неолитической революции в земледельческих оазисах. Для конкретного изучения этого вопроса необходимы целенаправленные исследования остеологических данных и палеогеографии.

С изучением памятников степной бронзы связана и важнейшая, хотя и во многом запутанная проблема расселения племен индо-иранской лингвистической общности. Не приходится сомневаться в том, что II тыс. до н. э. для всей Средней Азии — это эпоха значительных перемещений, сдвигов, смещения различных племенных массивов. Возможно, именно к этому периоду восходят истоки смены долихоцефального европеоидного населения, представленного в анауских памятниках, Заман-бабе, чустской Фергане, брахикефальным типом среднеазиатского междуречья. Не исключено, что явная активизация племен степной бронзы была стимулирована демографическим взрывом, явившимся одним из последствий утверждения производящей экономики в этой зоне. Видимо, аналогичная ситуация сложилась и в степях Восточной Европы в эпоху распространения древнейшей культуры. Вместе с тем нельзя не признать, что конкретный материал для разработки проблемы расселения индо-иранских племен еще весьма ограничен, в связи с чем особенно важна правильная теоретическая ориентированность в этом вопросе. Прямолинейность уравнения андроновцев и ариев, вторгшихся в Индию, приводит лишь к малорезультативным поискам андроновских черепков на территории Индостана. Высокую степень сложности конкретного исторического процесса рисует картина, наблюдаемая на юго-западе Таджикистана, где мы имеем дело по крайней мере с двумя комплексами, дающими различное сочетание черт степной и оседлой культур. Едва ли перспективны поиски арийской археологической общности. Судя по уже имеющимся данным, можно заключить, что различные группы индоязычных и ираноязычных племен обладали различными культурами, характеризующимися как разным положением в системе культур степного круга, так и разной степенью ассимиляции оседлого населения. Для территории Средней Азии, Ирана, Афганистана и Северо-Западного Индостана середины II — начала I тыс. до н. э. мы явно получаем весьма пеструю археолого-этнографическую карту, причем в лингвистическом отношении большинство оставивших эти культуры племен будет принадлежать к индо-иранской группе.

В весьма сложном положении находится разработка проблем археологии древнего периода, или эпохи античности. Здесь весьма существенно возобновление достаточно широких работ на памятниках IX—V вв. до н. э., рисующих процесс формирования раннеклассового обще-

ства и государства в основных оседлых оазисах Средней Азии. Пока этот вопрос рассматривается в общих трудах на основе традиционных данных, извлекаемых из Авесты и археологических материалов десятилетней давности.

Однако главным и основным вопросом для всего этого периода является проблема рабовладельческой формации, существовавшей, согласно большей части сводных работ по истории Средней Азии, в пределах VI в. до н.э. — IV—V вв. н. э. Успехи среднеазиатской археологии в изучении этого периода бесспорны и очевидны. Открыты первоклассные памятники придворной и народной культур этой эпохи, вырисовывается культурное своеобразие отдельных областей, найдены и дешифрованы первые письменные документы, среди которых особый интерес представляют архивы Нисы и Топрак-Калы. Вместе с тем наблюдается известная неустойчивость схем относительной и абсолютной хронологии, особенно сказывающаяся при изучении памятников Согда, Бактрии и Ферганы. Недостаточно четко выделяются комплексы греко-бактрийского времени. Многолетние раскопки в Самарканде привели к своеобразному афрасиабскому нигилизму, когда выражаются сомнения в существовании здесь в рассматриваемое время крупного центра, несмотря на значительное количество происходящих с Афрасиаба конкретных материалов, в частности терракот.

Состояние вопроса о наличии в Средней Азии, да и в других странах Востока рабовладельческой формации является примером того, как новый конкретный материал нарушает графаретную привычность устоявшихся формулировок. Совершенно ясно, что прежнее прямолинейное, можно сказать семантическое, понимание рабовладельческого общества как системы, где основной идеей ли не единственную производственную силу составляют абсолютно бесправные рабы, должно подвергнуться существенному уточнению. На Древнем Востоке в большинстве случаев основную массу непосредственных производителей составляли общинники, подвергавшиеся различным формам эксплуатации. Вместе с тем нельзя и уменьшать значение института рабства как первой формы разделения общества на классы, что было в свое время бесспорно прогрессивным явлением. Терминологическое разнообразие обозначений рабов по уже имеющимся среднеазиатским материалам скорее всего отражает значительную вариабельность и соответственно, надо полагать, распространенность этого института в социальной структуре общества. Другое дело средневековое гулямяство — этот вид среднеазиатского ландскнехта. При терминологическом тяготении, казалось бы, к рабскому укладу эта группа занимала в обществе совершенно иное социальное положение, примыкая к административно-феодальной верхушке. Представляется, что качественные отличия среднеазиатского общества VI в. до н.э. — IV—V вв. н.э. в тех проявлениях, которые доступны археологии, достаточно велики для выделения этого времени в особый период. Классовый характер этого общества сомнений не вызывает, но конкретная характеристика его социально-экономической структуры во многом является делом будущих изысканий, тесно связанных с расширением фактологического фундамента. Вместе с тем следует предостеречь от противоположной крайности, от тенденции к восприятию истории Востока, как некоего единого потока с изначальностью всех явлений, без качественного развития, без перерыва постепенности.

В этой связи первоочередной задачей среднеазиатской археологии является организация широких многолетних раскопок на городе античного времени, возможно с захватом тяготеющей к нему сельской округи. Выбор объекта в достаточно богатом районе с расчетом на высокий процент грамотности древнего населения позволит надеяться и на получение письменных документов. Это было бы конкретным вкладом среднеазиатской археологии в решение важнейших проблем мировой истории, столь остро поднятых в последние годы возобновлением дискуссии о так называемом

азиатском способе производства. Отсутствие таких достаточно целеустремленных и широких работ по этой проблематике является буквально вопиющим пробелом среднеазиатской археологии.

Одним из важных аспектов этой проблемы является изучение археологии кочевых племен. Количественно число раскопанных памятников этого круга весьма велико. Как и памятники неолита, они известны в настоящее время практически во всех основных районах Средней Азии, хотя по большей части осуществлялись выборочные раскопки курганов, а не вскрытие полностью целых могильников. Однако при такой обширной базе фактического материала исторические выводы, предлагаемые исследователями, в ряде случаев опережают уровень археологической систематизации. Важнейшей задачей является изучение памятников ранних кочевников, их генезиса на основе комплексов поздней бронзы, этногеографии сакских племен, как, вслед за ахеменидскими текстами, можно обобщенно именовать среднеазиатских кочевников середины I тыс. до н. э. В этой области особенно остро ощущается необходимость целевых полевых изысканий, поскольку имеющийся фактический материал весьма ограничен, зачастую происходит из бедных периферийных районов. Несклько удивляет и отсутствие богатых погребений знати, стоявшей во главе этих могущественных военно-политических объединений своего времени. Весьма обширный фактический материал характеризует кочевые племена первых веков до н.э. и первых веков н. э. Здесь основное внимание исследователей не без оснований сосредоточено на отождествлении археологических комплексов с племенами и народностями, упоминаемыми письменными источниками и сыгравшими решающую роль в таких узловых исторических событиях, как падение Греко-Бактрии, сложение Парфянского государства и Кушанской державы. К сожалению, здесь нередко наблюдается если не прямая путаница, то применение скользящих критериев, допускающих весьма широкие толкования. Возможно, лучше всего обстоит дело с отождествлением усуньских и юечжийских комплексов, если считать Тулхарский и Аруктауский могильники в Северной Бактрии принадлежащими юечжам. Размещение на археологической карте Приаралья одновременно и сакараваков, и апасиаков, и аугасиев, и тохар несет следы известной поспешности. Определенные успехи достигнуты в разработке вопросов связи кочевых племен с населением оседлых оазисов, по границам которых располагались их могильники и в Казахстане, и в Киргизии, проблемы комплексного хозяйства кочевников. Первоочередной задачей является издание массовых уже накопленных материалов и их тщательная археологическая систематизация, без которой многие исторические заключения остаются малоубедительными.

Едва ли не наиболее преуспевающим разделом среднеазиатской археологии является исследование памятников поры раннего средневековья, которую с полным основанием можно назвать пенджикентским временем. Систематические раскопки Пенджикента, этих подлинных среднеазиатских Помпей, дали количественно столь значительный материал, что наступил этап качественного скачка— появилась возможность от предварительных публикаций перейти к важным историческим обобщениям. Наряду с бесспорной необходимостью продолжения раскопок Пенджикента, возможно, настала пора подумать о фундаментальном издании добытых материалов с выпуском отдельных томов, специально посвященных отдельным категориям предметов материальной культуры от керамики до бус, с тщательной разработанной классификацией и систематизацией. Такая работа, которая пока проводится только в отношении монет, могла бы закрепить за Пенджикентом значение эталонного памятника. Массовые находки настенных фресок предарабского времени в целом ряде пунктов ставят вопрос о необходимости их развернутого искусствоведческого анализа, не ограничивающегося интерпретацией сюжетов, а широко поднимающего вопросы стиля, эстетических канонов, локальных школ. Не исключено,

что пенджикентские материалы позволят, в частности, поставить вопрос о выявлении если и не мастеров (например, «мастер сцен оплакивания»), то художественных мастерских.

Весьма обширны имеющиеся материалы и по традиционной среднеазиатской тематике — археологии развитого средневековья. В каждой из республик производятся раскопки средневековых памятников, сравнительно хорошо изучена керамика этого времени, что для Хорезма и Южной Туркмении подкреплено достаточно обширными публикациями. Значительные успехи достигнуты в изучении истории отдельных городов и их топографии, в нумизматике, технологии некоторых видов производств и в исследовании архитектуры. Вместе с тем, если в археологии древнего периода существующие концепции видоизменяются под напором нового материала, в средневековой археологии, наоборот, ощущается необходимость в обобщающих концепциях, суммирующих накопленные данные. Представляется, что центральной проблемой, объединяющей эти исследования, будет по-прежнему оставаться проблема города во всех ее многочисленных аспектах. Изучение динамики роста и закономерностей развития городов домонгольского периода в этой связи приобретает особенно большое значение. Возможно, потребуется уточнение сложившихся представлений о соотношении уровня развития городской жизни в X и XI—XII вв. Весьма существенно исследование вопроса о соотношении городов с сельскохозяйственной сферой производства, необходимо уделить больше внимания изучению городов XVII — первой половины XIX в., их значению как центров товарного производства в связи с проблемой эволюции позднефеодальных отношений. Во всяком случае блеск пенджикентских фресок отнюдь не должен заслонять этот важнейший период в истории народов Средней Азии.

Разумеется, можно без конца перечислять задачи и проблемы, которые хорошо было бы поставить или разрешить. При проблемно-перспективном планировании весьма важно намечать круг вопросов первоочередного значения, исходя из степени актуальности стоящих задач и реально существующих возможностей. Представляется, что при дальнейшем развертывании работ в области археологии Средней Азии необходимо обратить особое внимание на следующие три группы вопросов.

1) Разработка проблем и тем общесреднеазиатского масштаба. Наличие тем и проблем, которые можно результативно разрабатывать и решать лишь совместными усилиями археологов, работающих во всех среднеазиатских республиках, сомнений не вызывает. Организационной формой объединения таких усилий могло быть создание проблемно-тематических советов, проводящих свои заседания по окончании полевых сезонов поочередно в каждой из столиц среднеазиатских республик с систематическим обменом информацией и разработкой конкретных тематических планов на следующий год. Первоочередным и особенно остро необходимым является создание проблемно-тематического совета по вопросам античной археологии с разработкой, например, проблемы так называемого «кризиса рабовладельческого общества» на реальных фактах и материалах.

2) Повышение методической вооруженности среднеазиатской археологии. Наряду с повышением уровня полевых работ, их документации и публикации все более насущно необходимым является широкое использование методической вооруженности естественных наук. Надо по возможности избегать скоропалительных обобщений, опережающих стадию детальной археологической систематизации и классификации. Совершенно ясно, что обработка массовых коллекций, получение объективных критериев требует применения методов математической статистики. Конкретным шагом на пути к осуществлению этих задач может быть разработка во всех республиках типологическо-классификационных схем для керамики с последующим созданием общесреднеазиатской систематики. Серьезным пробелом

является недооценка истории скотоводства, особенно учитывая большую роль скотоводческих племен и кочевников в истории Средней Азии. Необходимо перейти стадию первичного определения остеологических материалов, заняться разработкой истории породообразования, оценивать экономический потенциал различных видов скота. Для эпохи первобытного общества большой интерес представляет изучение следов орудий на костных материалах.

3) Уровень и оперативность публикации материалов. Следует иметь в виду, что наряду с фундаментальными монографиями огромное значение имеет оперативный ввод текущей информации путем публикации предварительных сообщений. В этом отношении особенно ценной является серия «Археологические открытия», издаваемая Институтом археологии АН СССР в масштабе всего Советского Союза. Представляется вполне реальным выпуск отчетов о проделанных работах в виде брошюр небольшого тиража в кратчайший срок еще до начала следующего полевого сезона. Бурный прогресс среднеазиатской археологии делает весьма актуальным вопрос об издании специального среднеазиатского журнала с налаженным реферативно-библиографическим отделом.

При всех условиях расширение проблемно-целевых изысканий, усиление продуманного планового элемента в археологических работах являются залогом дальнейшего подъема среднеазиатской археологии.

П. Н. КОЖЕМЯКО

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ КИРГИЗСКОЙ ССР

В Киргизии, как и во всех республиках и областях нашей страны, археологические исследования получили наибольший размах в последнее время. Соответственно выросла и научная значимость их результатов.

Первые исследования каменного века на территории Киргизии были осуществлены А. П. Окладниковым, открывшим интересные памятники как в горных, так и в долинных районах, в том числе орудия шельского времени в долинах рек Он-Арча и Ходжа-Бакирган-Сай, а также наскальные изображения неолитического времени в пещере Ак-Чункур на р. Сары-Джас. В настоящее время эти работы продолжаются В. А. Рановым и М. Б. Юнусалиевым. За два полевых сезона выявлено более сорока местонахождений памятников эпохи, в том числе с культурным слоем две пещеры (Таш-Кумыр, Сасык-Ункур) и две открытые стоянки (Тосор, Георгиевский бугор).

Общий характер памятников эпохи камня соответствует культурам этого времени других районов Средней Азии, но по имеющимся данным, намечается наличие в Киргизии локального варианта гиссарской культуры. В республике сделаны пока еще только первые открытия по эпохе камня, намечена периодизация памятников и выявлены наиболее перспективные районы для более широких исследований.

Эпоха бронзы — время, начиная с которого в Киргизии сосуществуют в тесном взаимодействии две основные отрасли хозяйства со своими особыми формами культуры: оседлое земледелие и пастушеское скотоводство.

Памятники пастухов-скотоводов раскапывались во всех географических зонах. Погребения андроновской стадии вскрывались в высокогорной долине Арпа (А. Н. Бернштам), в Таласской и Чуйской долинах и в котловине Кетмень-Тюбе (П. Н. Кожемяко, И. К. Кожомбердиев, А. К. Абетеков, Н. Г. Галочкина). Стоянки карасукской стадии были вскрыты в Чуйской долине (А. Н. Бернштам). Известны горные выработки по добыче меди эпохи бронзы в Таласской и Кетмень-Тюбинской котловинах. Погребальные памятники пастушеских племен, относящиеся к широко распространенной на территории Западной Сибири, Казахстана и части Средней Азии андроновской культуре, имеют достаточно четко выраженные особенности (трупосожжение, бедность орнамента на сосудах), по которым андроновцы Киргизии должны быть выделены в особую этнокультурную группу. Некоторое своеобразие в керамике из стоянок карасукского времени и вкладах вещей этого времени говорит о сохранении особенностей культуры пастушеских племен Киргизии и на последней стадии эпохи бронзы.

Поселения земледельцев найдены на юге республики в Восточной Фергане и относятся к чустской культуре. Два из них — Чимбай и Кара-

Кочкор — вскрывались в разведочных целях (Ю. А. Заднепровский), а поселение Боз-Тепе вскрыто полностью (П. П. Гаврюшенко). Оно состояло из 23 смежных помещений общей площадью около 500 м². Имелся единственный выход в небольшой дворик. В числе находок много керамики и каменных изделий (серповидные ножи, мотыги, зернотерки и др.). Значение этого памятника в том, что он дал представление о доме крупной патриархальной семьи, а возможно, небольшой общины.

Известны наскальные изображения эпохи бронзы, где представлены сцены, изображающие упряжки быков, по-видимому, в плуге. Это говорит о том, что земледельцы конца эпохи бронзы пользовались плугом и тягловой силой.

Можно сказать, что изучение и этой эпохи в Киргизии только начато. Пока еще не выявлены поселения раннего этапа эпохи бронзы. Неизвестны и ранние памятники пастушеского населения. Это вторая крупная проблема в археологии Киргизии, требующая к себе пристального внимания. Необходимы поиски могильников эпохи ранней бронзы, на существование которых указывают случайные обнаружения в Чуйской долине и в геологическом разрезе в Таласской долине, а также ранние поселения.

Эпоха рабовладельческих отношений исследована гораздо полнее, чем первобытнообщинная формация. Раскопки памятников оседлой культуры этой эпохи были начаты в послевоенные годы (А. Н. Бернштам, А. К. Кибиров, Ю. А. Заднепровский). В последнее время в районах гидротехнических строек в Восточной Фергане осуществлены раскопки нескольких значительных поселений, замков, укрепленных усадеб (П. Н. Кожемяко, Д. Ф. Винник, Г. А. Брыкина, П. П. Гаврюшенко). На некоторых вскрывалось до $\frac{2}{3}$ площади. Так, на Кулунчанском тепе в десятиметровой толще наслоений выявлено четыре строительных горизонта, относящихся к V—I вв. до н. э. Нижний горизонт представлен монументальной замковой постройкой. Над ним в два горизонта располагались продолговатые и подквадратные в плане помещения жилого характера. Есть основания полагать, что отдельные из них выполняли роль культовых. В этих горизонтах постройки принадлежали весьма состоятельной прослойке населения. Верхний горизонт составлял комплекс небольших по размерам жилых комнат, представляющих, возможно, небольшой общинный поселок.

Раскопана большая часть укрепленного бесцитадельного поселения Кызыл-Кия, относящегося к I—V вв. В нем жилые постройки расположены вдоль четырехугольника стен, а центр занимал двор.

К самому концу этой эпохи относится поселение Майда-Тепе, представляющее прямоугольник стен с цитаделью в юго-западном углу. В центре находилось парадное здание с большим залом. Других крупных построек не заметно. Следы обживания обнаружены за пределами стен. Раскопки на поселениях дали четкие стратиграфические колонки, кроме того стали известны архитектурно-планировочные основы замковых и культовых построек и жилых массивов и, что особенно важно, жилых комплексов рядовых поселенцев. Известны оборонительные сооружения, строительная техника и конструкции различных по характеру построек. Большое количество вещественного материала характеризует быт, занятия, прикладное искусство, религиозные представления, культурно-экономические связи.

Памятники кочевых племен поры рабовладельческих отношений изучаются продолжительное время (М. В. Воеводский, М. П. Грязнов, А. И. Тереножкин, А. Н. Бернштам, А. К. Кибиров, Ю. Д. Баруздин, И. К. Кожомбердиев, Д. Ф. Винник, Ю. А. Заднепровский, А. К. Абетеков). Раскопки курганов производились в различных районах. В Чуйской долине частично вскрыто поселение усуньского времени с остатками глинобитных жилых и хозяйственных построек, свидетельствующее о наличии у усуньских племен земледелия. Накоплен многочисленный материал, освещающий

различные стороны жизни кочевых племен и их культурно-экономические связи, а также этнографическую карту кочевых районов.

В последние годы значительные, порой уникальные материалы поступают из Алайской долины, где вскрываются курганные погребения VII—I вв. до н.э., из долины Кетмень-Тюбе, в которой продолжаются раскопки катакомбных курганов I—V вв. Однако в целом история Киргизии в эпоху рабовладельческих отношений изучена весьма слабо и необходимо расширять масштабы работ по этой проблеме.

С началом становления феодальной формации связаны глубокие изменения в экономической и культурной жизни Киргизстана. С этого времени в бывших областях кочевников Северной Киргизии широко развивается оседлая жизнь. Оседлость расширяется и в южных, издревле земледельческих районах. Это в корне изменило лицо страны. Важной стороной этого процесса было то, что к оседлости переходили низшие социальные слои кочевых обществ.

Памятники оседлого населения средневековья в Киргизии успешно изучались многими исследователями (П. П. Иванов, М. Е. Массон, А. Н. Тереножкин, А. Н. Бернштам, А. К. Кибиров, Л. Р. Кызласов, П. Н. Кожемяко, Л. П. Зяблин, Ю. А. Заднепровский, Д. Ф. Винник, М. А. Бубнова, Е. З. Заурова). Вскрывались основные части города: цитадель, внутренний город и пригороды, а также небольшие укрепленные поселения. Раскопаны жилые дома, производственные постройки, городские крепости, замки феодалов, храмы, оборонительные сооружения. Собраны архитектурно-планировочные данные о многих видах различных по функциям построек, о строительных приемах и конструкциях. Эти исследования явились основой для создания хронологической шкалы вещественных материалов: керамики, изделий из металлов, украшений и других, а следовательно, и периодизации развития поселений.

В последние годы с расширением масштабов работ сделаны открытия, меняющие сложившиеся представления по ряду вопросов, особенно по исторической географии, археолого-топографической структуре городов и поселений и по социальному составу населения различных частей городов.

В Чуйской долине источники упоминают около десятка поселений, исследовано же более шестидесяти городищ. Их местоположение свидетельствует о том, что оседлым населением были заняты земли как предгорной, так и равнинной части долины, для орошения использовались все источники орошения. Несколько позже завершено систематическое изучение памятников оседлости в Таласской долине. В настоящее время число обследованных в долине городищ превышает пятьдесят, выявлена весьма характерная черта в географии поселений — расположение многих из них в глубине горных ущелий, мало пригодных для земледельческих занятий, и обнаружение в подъемном материале и в культурных слоях их металлургических шлаков. Кроме того, в культурных слоях почти каждого долинного поселения отмечены признаки металлургического производства. Все это вместе с показаниями письменных источников дает основание считать, что в Таласской долине горнорудное и металлургическое производства играли значительную роль в экономической жизни.

Исследования последних лет по-новому освещают расселение кочевого и оседлого населения в Иссык-Кульской котловине. Недавними работами открыто и обследовано около семидесяти поселений, причем некоторые из них, судя по размерам, играли важную роль в экономике и культуре области. На озере производились подводные археологические работы: съемки остатков сооружений и картографирование находок. Установлено, что единовременное погружение остатков сооружений на прибрежной линии произошло не ранее XV—XVI вв. На Иссык-Куле впервые в Средней Азии открыто крупное предприятие по производству глазурированных облицовочных плит и кирпича, относящееся к XIV—XV вв.

Оседлая жизнь, как установлено в последние годы, в своем развитии перешагнула высокогорные хребты Тянь-Шаня. Так, в Джумгалской долине выявлено более 15 городищ, в долине Кетмень-Тюбе — около двадцати. Значительные поселения были в Сусамыре, Чаткале и других долинах.

Обследование большой по количеству группы средневековых городищ (свыше 220), относящихся к сравнительно небольшому отрезку времени, позволило установить различия в формировании топографической структуры городов Северной Киргизии и городов других областей Средней Азии. В Северной Киргизии мы всюду встречаем крупные городского типа поселения, состоящие из трех заселенных частей, а во многих случаях у городов есть и четвертый элемент, входивший в общую структуру, но не имеющий застройки. Но если цитадель и шахристан вполне соответствуют кухендизу и внутреннему городу других областей Средней Азии, то третью часть семиреченских городов нельзя назвать ремесленным предместьем, о чем, в частности, свидетельствуют их размеры — до 12—15 км². Трудно представить такую территорию, занятую под ремесленное предместье. Застройка здесь характеризуется наличием рассредоточенных усадеб. Зарегистрированы четко ограниченные валами усадьбы площадью от 0,03 до 0,8 га. Почти у всех больших городищ сохранились валы, окружающие значительные площади без следов застройки, которые могут быть только освоенными земельными угодьями. Структура, характер застройки, размеры пригородов, а также ограждение земельных угодий позволяют считать, что в пригородах проживали и ремесленники, и земледельцы.

В числе последних открытий необходимо упомянуть монументальную постройку XIV—XV вв. на городище Акчий в Кетмень-Тюбе, в которой имелись высокохудожественные стеновые полихромные росписи, резьба по ганчу и сырой глине. Продолжаются раскопки феодальной резиденции VII—VIII вв. (Отуз-Адырское городище) с мощной стеной, небольшой цитаделью и дворцовым сооружением внутри стен. Дворец имел большой айван с резной панелью и суфами по всем четырем сторонам. Во внутренней постройке сохранилась настенная роспись. Ведутся раскопки цитадели крупного города в Таласской долине.

Результаты, полученные при исследованиях большой серии городов и поселений Киргизии, имеют первостепенное значение для характеристики многих вопросов истории и культуры оседлоземледельческого населения. Однако они не могут явиться базой для постановки и решения основных вопросов истории городов и поселений. Следующим этапом должны явиться многолетние раскопки одного города, а также одного из поселений. Только сплошные раскопки позволят выйти за рамки изучения отдельных вопросов и поставить проблему общих закономерностей развития городов и поселений и их социально-экономической и культурной жизни.

История кочевых племен раннего средневековья характеризуется тесными экономическими и культурными контактами их с земледельческими районами, переходом значительной части обедневших кочевников к оседлости. Курганные погребения кочевых племен изучались повсеместно (А. Н. Бернштам, А. К. Кибиров, Л. П. Зяблин, Я. А. Шер, Д. Ф. Винник). Собран обширный материал о занятиях, быте, культуре местных племен и переселившихся сюда с Алтая тюрок, получены значительные коллекции краниологического материала, создана основа для составления этнографической карты кочевников. Сделан значительный сдвиг в изучении каменных изваяний — яркого примера высокой художественной культуры кочевников. Особого упоминания заслуживает открытие новых орхоно-енисейских памятников в Таласской долине и Южной Киргизии (П. Н. Кожемяко, Ю. Д. Баруздин, Д. Ф. Винник). Однако собранных археологических свидетельств еще недостаточно для четкого разделения погребальных памятников на категории и убедительного сопоставления их

с этническими группами, упоминаемыми в письменных источниках. Перспективы изучения истории кочевников должны учитывать необходимость исследования широко распространенного на территории Киргизии вида памятников — наскальных изображений, из которых изучались преимущественно древнейшие (Б. М. Зимма, М. Э. Воронец, А. Н. Бернштам, Н. Д. Черкасов). При этом в первую очередь надо иметь в виду широко известное скопление изображений у местности Саймало-Таш.

Одной из самых сложных и недостаточно разработанных проблем истории Киргизской ССР является процесс сложения киргизской народности. Данные археологии играют в изучении этой проблемы немаловажную роль. Но для ее более полного освещения необходимо сосредоточить внимание на поисках и раскопках кочевнических могильников и городских некрополей второй половины I тыс. и особенно начала II тыс. Изучение этих материалов сыгравает решающую роль при выяснении этногенетических явлений на территории образования местной ветви предков киргизского народа и, что особенно важно, в период окончательного сложения киргизской народности, в котором приняли участие пришлые элементы. В этом отношении большие надежды можно связывать с обнаружением и раскопками курганов XIII—XIV вв. в Чуйской долине и огромного некрополя в городской черте на городище Садыр-Курган в Таласской долине.

Археология Киргизии сделала большие успехи. Но не все периоды далекого прошлого изучены в равной мере. Есть общеисторические вопросы и вопросы этнической истории, решенные весьма обобщенно. Это ставит перед археологической наукой в Киргизии новые большие задачи.

II. ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Г. Ф. КОРОБКОВА

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУР И ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ
В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В настоящее время в Средней Азии можно проследить и предварительно выделить ряд локальных вариантов мезолита или отдельных локальных культур. Это прикаспийский, намечающийся ферганский и горный мезолит, внутри которого начинают вырисовываться группы памятников с локальными особенностями в индустрии¹.

Сравнительно хорошо исследован лишь прикаспийский мезолит, где имеются пещерные комплексы и ряд пунктов с подъемным материалом — Дам-Дам-Чешме I и II, Джебел, Кайлю, Ходжа-Су I, Каскыр-Булак и др.² Анализ этих материалов и сравнение их с мезолитическими памятниками Ближнего Востока позволяют выделить в Прикаспии две группы памятников, соответствующие, по-видимому, двум локальным вариантам прикаспийского мезолита. С одной стороны, это комплексы нижних слоев Дам-Дам-Чешме II (IV «низ» — VII слои), Джебела (VIII—VII слои) и Каскыр-Булака, с другой — памятники типа нижних горизонтов Кайлю, Дам-Дам-Чешме I, IV слоя («верх»), Дам-Дам-Чешме II, Ходжа-Су I и др.

Индустрия первой группы характеризуется пластинчатой техникой с незначительными микролитовидными чертами, крупными высокими симметричными и слегка асимметричными трапециями с прямыми или выпукло-вогнутыми боковыми краями и нередко ретушированным верхним краем, треугольниками, приближающимися к равнобедренной форме. Все геометрические микролиты отличаются высокими пропорциями, более правильными симметричными очертаниями, заготовками. Основными заготовками являлись пластины крупных и средних размеров (шириною 1,2—3,7 см) и массивные отщепы. Большая часть скребков представлена концевыми фор-

¹ Г. Ф. Коробкова. Культуры Средней Азии эпохи мезолита и неолита. «Проблемы археологии Средней Азии». Л., 1968, стр. 15—16.

² П. И. Борисковский. Палеолитические местонахождения в Туркмении. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 6—7; А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. ТЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 97—99; он же. Изучение памятников каменного века в Туркмении. Изв. АН Туркм. ССР, 1953, № 2, стр. 31—32; он же. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956; он же. Верхнепалеолитическое и мезолитическое время. В сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 59—75; Г. Е. Марког. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии. СА, 1966, № 2, стр. 104—123; Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам. К вопросу о неолите Прикаспия. В сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 53—55, 63.

мами и изготовлена из обломков пластин, как правило, необработанных в месте излома, реже — из массивных отщепов округлых и неправильных очертаний. Нуклеусы имеют дисковидную и грубую призматическую форму, в редких случаях — укороченную конусовидную. Характерны и особые приемы ретуширования орудий. Ретушь — занозистая, глубокая — наносилась экономно, частично, лишь непосредственно на рабочие участки. Учитывая значительное сходство этой группы прикаспийского мезолита с позднепалеолитическим комплексом девятого слоя Дам-Дам-Чешме II, можно говорить о том, что мезолитические комплексы типа IV «низ»— VII слоев Дам-Дам-Чешме II генетически связаны с материалами нижележащего слоя и появились на базе последнего. Индустрия первой группы памятников, генетически восходящая к местному верхнепалеолитическому комплексу типа IX слоя Дам-Дам-Чешме II, имеет некоторые черты сходства с инвентарем нижних горизонтов Гари-Камарбанда³ и Хоту⁴, что справедливо отмечали еще А. П. Окладников и Г. Е. Марков⁵. На это сходство указывают высокие пропорции геометрических микролитов, частичная отделка рабочих участков ретушью, изготовление концевых скребков на обломках широких пластин, скребки на массивных отщепах с высоким рабочим краем, заготовки орудий неправильных очертаний, незначительное число микропластин. Но в целом индустрия описываемой группы, обладая целым рядом особенностей, представляет собою самобытное явление. Форма и отделка прикаспийских трапеций не находят прямых аналогий в памятниках Ближнего Востока. И наоборот, в Прикаспии нет пластин с симметричными выемками у основания, как в Гари-Камарбанде⁶. Отличается и техника ретуширования орудий. Так, в Гари-Камарбанде ретушь более мелкая, однообразная и использовалась в крайне редких случаях. Этот вариант прикаспийского мезолита можно условно назвать прибалханским.

Индустрия второй группы памятников также характеризуется пластинчатой техникой, однако в отличие от вышеописанного комплекса обладает большими микролитическими чертами и иным характером заготовок. В качестве последних использовались крупные пластины удлинённых пропорций, правильной призматической формы, микропластинки с притупленной спинкой и скошенным концом, а также геометрические микролиты в виде низких, приземистых, удлинённых пропорций сегментов и асимметричных вытянутых треугольников, отделанных крутой затупливающей ретушью. Трапеции единичны и отличаются либо сильно вогнутыми боковыми краями, либо низкими удлинёнными пропорциями. Этот комплекс характеризуют специфические острия типа лезвия перочинного ножа, обилие скребков нуклевидной формы и концевой и скребков округлых очертаний. Концевые скребки в основном изготовлены из целых пластин, как правило, слегка подправленных в области ударной площадки. Скобели отличаются многовыемчатыми краями, оформленными превосходной тщательной ретушью. Характерны и проколки с выделенным жальцем, многочисленные нуклеусы — призматические, конические, карандашевидные. Многие исследователи отмечали большое сходство прикаспийских мезолитических комплексов с памятниками зарзыйского типа⁷.

Однако, как нам представляется, эти близкие аналогии с зарзыйски-

³ C. S. Coon. Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951, p. 68—76.

⁴ C. S. Coon. Excavations in Hotu cave. PAPS, 1952, v. 96, № 3, p. 254—256.

⁵ А. П. Окладников. Прикаспийский мезолит. В сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 60; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 118, 119.

⁶ C. S. Coon. Cave explorations..., p. 111, pl. VIII, fig. 2.

⁷ П. И. Борисковский. Палеолитические местонахождения в Туркмении, стр. 8; В. М. Массон. К вопросу о мезолите Передней Азии. МИА, № 126, М.—Л., 1966, стр. 168, 169; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 118; Г. Н. Матюшин. Средняя Азия и Южный Урал в эпоху мезолита и неолита. «Проблемы археологии Средней Азии». Л., 1968, стр. 25.

ми комплексами обнаруживает лишь вторая группа памятников Прикаспия. Об этом свидетельствует сходство индустрии данной группы с инвентарем зарзийского круга памятников (типа Зарзи слоя В, Хазар Мерда, Шанидара слоя В₂, Па-Сангара)⁸. Здесь близки и техника обработки камня, и типы, и пропорции орудий. Для обеих индустрий характерны приземистые низкие асимметричных очертаний геометрические микролиты типа удлинённых вытянутых треугольников и сегментов. Трапеции единичны и имеют сильно вогнутые боковые края. Характерно также обилие микропластин с притупленной спинкой, скошенным концом, пластин с выемками, острий в виде лезвия перочинного ножа, концевых и округлых скребков, скребков нуклеидной формы, микроскребков, пластин правильной призматической формы. В то же время индустрия второй группы отличается от зарзийской известным своеобразием. Так, в ней нет ни резцов, ни своеобразных наконечников с боковой выемкой и ретушированным острием, типичных для зарзийского круга памятников. Если на Ближнем Востоке наиболее часто применялась крутая встречная (хелванская) ретушь, то в Прикаспии — крутая односторонняя. Это позволяет говорить о каких-то местных особенностях второй группы памятников Прикаспия и предположить наличие здесь локального (прикаспийского) варианта зарзийской культуры. Данный мезолитический комплекс, возможно, появился на местной основе, но под сильным влиянием иракской технической традиции.

При рассмотрении материалов двух групп памятников Прикаспия возникает вопрос, являются ли эти два комплекса этапами одной мезолитической культуры или разнокультурными комплексами, появление и развитие которых шло независимыми путями?

Обратимся к материалам Ближнего Востока, в частности к комплексам, близким нашим прикаспийским группам памятников, с одной стороны, иракскому (типа Зарзи), с другой — североиранскому (типа нижних горизонтов Хоту и Гари-Камарбанда). Первый из этих комплексов характеризуется традициями низких приземистых геометрических микролитов, преобладанием асимметричных треугольников и сегментов, микропластин, острий типа лезвия перочинного ножа, своеобразных наконечников, резцов. Во втором комплексе мы встречаемся с традицией крупных высоких пропорций геометрических микролитов, с превалированием трапеций и реже равнобедренных треугольников, пластин неправильных очертаний при незначительном числе микропластин. Все это свидетельствует о том, что оба комплекса не являются хронологическими этапами одной мезолитической культуры. Серия радиоуглеродных датировок, полученных из слоя В₂ пещеры Шанидар и 24—27-го слоев Гари-Камарбанда (10000 ± 400 лет до н. э. и 9530 ± 550 лет до н. э.)⁹, также свидетельствует о синхронности этих двух комплексов, различающихся техническими традициями.

Для рассмотрения вопроса о генетической связи двух комплексов привлечем материалы пещеры Дам-Дам-Чешме II, где представлены оба комплекса (слой IV «верх» с индустрией зарзийского облика и IV «низ» — VII слои). Объединение материалов с IV («низ») слоя по VII в один комплекс не случайно. Во-первых, все они приурочены к горизонту крас-

⁸ D. A. Garrod. The Palaeolithic of Southern Kurdistan excavations in the caves of Zarzi and Hazar Merd. BASOR, 1930, № 6, p. 24—37; R. Braidwood and B. Howe. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960, p. 27—29; D. A. E. Garrod and J. G. D. Clark. Primitive man in Egypt, Western Asia and Europe, V. I, chapt III. Cambridge, 1965, p. 20—22, 51; R. Sołucki. Prehistory in Shanidar Valley, Northern Iraq. «Science», 18 January 1963, v. 139, № 3551, p. 179—192; J. Mellaart. Earliest civilization of the Near East. London, 1965, p. 11—17; F. Hole and K. V. Flannery. The Prehistory of Southwestern Iran: A Preliminary report. PPS, 1967, v. XXXIII, p. 159.

⁹ D. A. Garrod and J. G. D. Clark. Указ. соч., стр. 21, 51.

новатого суглинка. Во-вторых, инвентарь из этих слоев тождествен на протяжении всей толщи и характеризуется теми чертами, которые отличают индустрию первой группы прикаспийского мезолита. Разница в кремневом инвентаре появляется лишь со слоя IV «верх», который, на наш взгляд, не имеет прямой генетической связи с нижележащими слоями. Так, для последних характерна грубая пластинчатая техника с преобладанием заготовок в виде небрежно сколотых пластин неправильных очертаний, исключительно массивных и порою чрезвычайно широких (до 4 см); для первого — пластинчатая техника со значительной степенью микролитовидности, с преобладанием пластин удлиненных пропорций и микропластин с притупленным краем, скошенным концом, без ретуши. Для верхней индустрии характерно обилие геометрических микролитов низких удлиненных пропорций с преобладанием асимметричных вытянутых треугольников и призматических сегментов при единичных находках трапеций, представленных в основном низкими типами и экземплярами с сильно вогнутыми боковыми краями. Микролиты такого облика в нижележащем комплексе Дам-Дам-Чешме II отсутствуют. Также не встречено здесь таких ранних типов орудий, как острия в виде лезвия перочинного ножа, широко представленных в IV («верх») слое и в зарзыйских комплексах. В верхнем слое больше представлены скребки на отщепках, в основном округлых очертаний, в нижних — концевые, реже — на отщепках неправильных очертаний. Для нижнего комплекса характерны весьма архаического облика нуклеусы дисковидной, призматической формы, реже — короткие конические; для верхнего — конические и карандашевидные. Все вышеизложенное позволяет говорить об отсутствии прямых связей слоя IV («верх») с нижележащими материалами. Вместе с тем значительная близость материалов этого слоя и комплексов нижних слоев Дам-Дам-Чешме I и Кайлю с индустрией зарзыйской группы памятников дает возможность в порядке постановки вопроса предположить, что и в мезолите Прикаспия сосуществовали две разные технические традиции: зарзыйская и сугубо местная.

Второй мезолитический центр на территории равнинной Средней Азии намечается в Фергане. Здесь имеются целый ряд пунктов с подъемным материалом (пункты II, III, XVI, Ащи-Куль, открытые Ю. А. Заднепровским¹⁰; пункты 21 Янги-Кадамской и 2 Замбарской групп, обнаруженные В. Тимофеевым) и три пещерных памятника — Обишир I и V, исследуемые У. Исламовым, и Таш-Кумыр, открытый отрядом В. А. Ранова.

Индустрия ферганского мезолита характеризуется карандашевидными и плоскими нуклеусами, единичными экземплярами долотовидных орудий, концевыми скребками на крупных пластинах с ретушированными продольными краями, скребками нуклевидной формы и на крупных массивных отщепках с крутым рабочим краем, микроскребками с высоким лезвием, единичными экземплярами трапеций и низких удлиненных пропорций сегментов, микропластинами и пластинами со скошенным ретушью концом, крупными орудиями на массивных отщепках и пластинах со сплошной обработкой спинки, единичными остриями типа перочинного ножа. Для Ферганы типична микролитическая техника с преобладанием микропластин при почти полном отсутствии геометрических микролитов. Для ферганского мезолита характерно и специфическое оформление микропластин, главным образом заостряющей ретушью, и своеобразный набор орудий, представленных вкладышевыми типами и реже — крупными изделиями. Своеобразие ферганского мезолитического комплекса позволяет говорить об особой, пока еще лишь намечающейся культуре. Генезис ее пока трудно уловим. В настоящее время можно лишь отметить, что индустрия ферганского мезолита, особенно пещерных комплексов, имеет параллели в материалах

¹⁰ Ю. А. Заднепровский. Неолит Центральной Ферганы. КСИА, вып. 108, 1966.

Самаркандской верхнепалеолитической стоянки¹¹. Это сходство, по-видимому, обусловлено генетической зависимостью ферганского мезолита от местных верхнепалеолитических комплексов типа Самаркандской стоянки, что позволяет предполагать местное происхождение центральноферганской группы памятников. По своему микролитическому облику индустрия Ферганы напоминает также мезолитические комплексы пещеры Дарра-Калон (Афганистан), датируемые по C_{14} 7525 ± 100 лет до н. э.¹² Интересно отметить, что последние (как и ферганские) генетически восходят к верхнепалеолитической индустрии с галечными изделиями, орудиями на крупных массивных отщепах и пластинах.

Изучение мезолита горных районов Средней Азии связано с работами А. П. Окладникова и В. А. Ранова. В настоящее время здесь известен ряд памятников с подъемным материалом — Куй-Бульен, Оби-Киик, Чиль-Чор-Чашма — и культурным слоем — Ошхона, навес Ак-Танги, Туткаул. Материалы эти пока малочисленны и находятся в стадии изучения. На основании опубликованных коллекций, демонстрирующих разнохарактерность мезолитических индустрий горных племен (сравним нижние горизонты Туткаула, Ак-Танги и Чиль-Чор-Чашму, с одной стороны, Куй-Бульен и Оби-Киик — с другой, Ошхону — с третьей), можно присоединиться к высказанному ранее мнению А. П. Окладникова и В. А. Ранова, что мезолит горных районов (как и равнинный) не представляет собою культурного единства и развитие его шло двумя различными путями¹³. В настоящее время здесь четко вырисовываются два культурных комплекса с разными техническими традициями в обработке камня — комплексы переднеазиатского и сибирского облика, истоки которых пока не ясны.

Видимо, Средняя Азия, судя по значительному разнообразию неолитических комплексов, и в эпоху мезолита представляла собой пеструю картину сосуществования целого ряда различных племенных групп с характерными для них особенностями в индустрии, хозяйстве и культуре в целом.

Ту же картину мы наблюдаем и в эпоху неолита, где она выглядит еще более сложной в силу большей изученности материала, обнаруженного во всех областях Средней Азии. Сложение неолитических культур происходило, по-видимому, на базе местного мезолита. Так, равнинная зона объединяет культуры (джейтунская, кельтеминарская, карабогазский комплекс), складывающиеся на основе мезолита прикаспийского типа¹⁴, за исключением ферганского комплекса, видимо, развивающегося особым путем, и характеризуется кремневой индустрией и пластинчатой техникой. Горная зона включает культуры неолита (гиссарскую и, возможно, ее варианты), сложение которых происходило на базе местного мезолита и некоторых элементов прикаспийской техники¹⁵. Она отличается от равнинной смешанной галечной и кремневой индустрии и техникой изготовления орудий из галек, отщепов, галечных осколков и пластин. Равнинная зона в эпоху неолита распадалась, по-видимому, на две этнокультурные области (соответствующие двум этнокультурным общностям), различаю-

¹¹ Д. Н. Лев. Поселение древнекаменного века в Самарканде (исследования 1958—1960 гг.). Тр. САМГУ, новая серия, вып. 135, 1964.

¹² «Radiocarbon», 1967, v. 9, p. 360.

¹³ А. П. Окладников. Пути развития Средней Азии в пору мезолита. В сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 73—74; В. А. Ранов. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945—1965 гг.). МКТ, вып. 1. Душанбе, 1968, стр. 27.

¹⁴ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, № 1, 1957, стр. 44; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158. М.—Л., 1969, стр. 192—197.

¹⁵ А. П. Окладников. К вопросу о мезолите и эпипалеолите Азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия). В сб. «У истоков древних культур (эпоха мезолита)». МИА, № 126. М.—Л. 1966, стр. 215.

щиеся экономическими основами и культурой в целом. Это южная область оседлых земледельцев и скотоводов, занятая группой племен джейтунской культуры, и северная — область охотников, рыболовов и собирателей, переходящих в ряде мест к скотоводству и начальному земледелию. Северная этнокультурная область объединяла группы родственных культур (кельтеминарскую и ее варианты) и отдельные культурные комплексы, в частности карабогазский¹⁶.

Судя по характеру кремневой индустрии, южная этнокультурная область связана своим происхождением с продвинувшимися в Прикопетдагскую равнину прикаспийскими племенами охотников-собирателей. Отдельные находки каменных изделий на склонах Копет-Дага (сборы В. А. Ранова) указывают на возможность наличия здесь памятников круга горной этнокультурной области. К горной общности, по-видимому, следует отнести и балханский комплекс, отличающийся своими заготовками из отщепов и реже — из пластин. Северная охотническо-рыболовецкая этнокультурная область связана своим происхождением с прикаспийскими охотниками-собирателями, широко расселившимися на территории нынешних Туркмении и Узбекистана, а также, судя по ряду признаков, с местными мезолитическими племенами, с их устоявшимися традициями в технике обработки камня и в изготовлении орудий труда. Уточнение границ этнокультурных областей, накопление новых фактов по этногенезу, освещение вопроса о взаимоотношении равнинной и горной зон — дело дальнейших исследований.

¹⁶ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии (по данным функционального анализа). Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 18; Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам. Указ. соч., стр. 53—63; Г. Ф. Коробкова. Культуры Средней Азии эпохи мезолита и неолита, стр. 16—18.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

С развитием науки о неолите вопрос о взаимоотношении племенных групп, вопрос, который является одним из аспектов этнической проблемы, становится все более актуальным. Разработка этой проблемы проходит как бы два этапа. Один из них, конечный по своим задачам, заключается в стремлении выяснить, каковы истоки формирования некоторых современных народов, которое началось, по-видимому, к концу каменного века, выявить последовательные ступени развития от пранародов до ныне живущего населения. Исследования этого типа ярко представлены работами А. П. Окладникова, С. П. Толстова, П. Н. Третьякова, В. Н. Чернецова. Другой этап исследования сводится к раскрытию конкретного процесса формирования племенных образований, происходившего в самое неолитическое время, т. е. к созданию этнокультурной карты. Здесь начальным этапом является выделение локальных особенностей неолита, получивших наименование археологических культур. Основоположниками этого направления являются А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс.

С каждым годом этнокультурная карта неолита вырисовывается все отчетливее. Все больше заполняются на ней белые пятна. Относительно недавно заполнилось такое пятно и на Южном Урале, где были обнаружены новые неолитические памятники, что позволило сопоставить южноуральский неолит с неолитом соседних и более удаленных территорий и прийти к некоторым заключениям.

В литературе уже имеются сведения о том, что южноуральский неолит характеризуется своеобразным каменным инвентарем и оригинальной керамикой. Для каменного инвентаря характерны: 1) наличие высокоразвитой пластинчатой индустрии, включающей разнообразнейшие формы орудий труда (наконечники стрел, угловые резцы, сверла, проколки, различные скребки, ножи и др.); 2) сочетание этой индустрии с двустороннеобработанными орудиями из отщепов и шлифованными орудиями; 3) наличие крупных орудий своеобразных форм, обработанных приемами грубой подтески и оббивки; 4) специфические орудия из талькового камня. Для керамического комплекса показательны наличие тонкостенных сосудов, в основном небольших размеров, с прямым или слегка отогнутым в наружную сторону краем, ограниченное количество полуяйцевидных форм, наличие реберчатых сосудов. В волнисто-накольчатом орнаменте преобладает ровное прочерчивание, без нажима и перерыва, незначительное место приема «отступающей палочки», разнообразие гребенчатого орнамента по композиции узора и применяемым штампам. В этих своих основных чертах южноураль-

ский неолит сходен с неолитом Средней Азии. Это сходство, впервые отмеченное более 20 лет тому назад¹, сейчас общепризнанно. Однако многие вопросы, связанные со сходством и различием неолита данных территорий, остаются невыясненными. Какова мера этого сходства, чем оно порождено, что лежит в его основе? Все это подлежит дальнейшему исследованию.

А. В. Збруева в свое время охарактеризовала его как «культурные связи». Но представление о сущности этих связей тогда было достаточно неопределенно, аморфно. Расшифровать это понятие, вложить в него конкретное содержание мешали скудость источников, скудость фактов, большие ареалы «белых пятен», способствующих представлению о неолите обеих территорий как об однопорядковых равных единицах. Сейчас наши знания существенно пополнились и изменились. Весьма важно то, что, как оказалось, неолит обширных пространств Средней Азии далеко не однороден и здесь установлено существование различных культур с присутствием им типов пластинчатых индустрий. Так, джейтунская культура характеризуется большим количеством и разнообразием геометрических микроформ, не говоря уже о специфических земледельческих орудиях², в то время как для Прикарабугазья³ характерна индустрия, не отличающаяся микролитичностью. В основе ее лежат призматические пластины и своеобразные орудия из них в сочетании с незначительным количеством геометрических форм, отличающихся, однако, крупными размерами. Оригинальный неолит выявлен в районе Ферганы⁴, где орудия предельно микролитичны, но геометрические формы отсутствуют. Особое место занимает гиссарская культура, сочетающая микролитизм с грубой галечной техникой⁵. И наконец, отчетливо вырисовывается кельтеминарская культура (или, может быть, кельтеминарская культурная общность) с присущими ей наконечниками стрел, скобелями и другими характерными орудиями. Существенно, что выявлены группы поселений, занимающие компактные территории, — тузканские, верхне- и нижнеузбойские, кызылкумские и т. д., имеющие ряд отличных друг от друга черт в остатках материальной культуры⁶. В среднеазиатском неолите, таким образом, намечаются культурные общности, культуры и варианты культур. Закрываются «белые пятна» и на неолитической карте Казахстана: обнаружены группы памятников в центральной его части⁷ и в Северо-Восточном Прикаспии⁸.

В кругу этих сходных культур южноуральский неолит, во многом им близкий, далеко им не тождествен. Он отличается формами наконечников, скобелей, сверл и проколов, многочисленностью резцов, единичностью трапеций, отсутствием других форм геометрических орудий и т. д. Такое

¹ С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1; А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1964, № 3.

² В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, 1960; Г. Ф. Коробкова. Определение функций каменных орудий по следам работы. Там же.

³ Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам. К вопросу о неолите Прикаспия. В сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

⁴ Ю. Э. Заднепровский. Неолит Ферганы. КСИА, вып. 106, 1966.

⁵ Г. Ф. Коробкова, В. А. Ранов. Неолит горных районов Средней Азии. «Проблемы археологии Средней Азии (тезисы докладов)». Л., 1968.

⁶ Я. Г. Гулямов, У. Исламов и Р. Аскарлов. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии... Автореф. канд. дисс. Л., 1966; А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

⁷ М. Н. Клапчук. Археологические находки в Карагандинской обл. в 1962 г. СА, 1965, № 3; он же. Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая Балка 4. БКИЧП, 36. М., 1969.

⁸ Н. Д. Праслов, Г. Б. Поршняков, В. Е. Ротшильд. Новые стоянки с микролитическим инвентарем в Северо-Восточном Прикаспии. КСИА, вып. 117. М., 1969.

же соотношение сходства и различия прослеживается для керамики⁹, характеристика которой дана выше. Ближе всего южноуральский неолит казахстанскому, что еще ранее предполагал К. В. Сальников¹⁰, его центральным и восточным районам. Это сходство выходит за рамки общих черт пластинчатой индустрии и прослеживается в составе крупных весьма своеобразных орудий — ножей и скребков с специфически грубо обработанным краем. Данная категория изделий близка сибирским и говорит о проникновении на Урал через северные и средние широты Казахстана сибирских традиций, сибирского влияния, придающего то своеобразие культуре, которого лишен среднеазиатский неолит.

Итак, по-видимому, в неолитическую эпоху существовала южноуральско-казахстанская этнокультурная общность. Она, с одной стороны, входила в более широкий круг родственных общностей, включающий кельтеминарскую и другие среднеазиатские. С другой стороны, в ней самой довольно отчетливо выделяются более дробные объединения, соответствующие нашим представлениям об археологических культурах. Одним из примеров являются стоянки Южноуральского Приозерья и Исетско-Тобольского бассейна, в которых при многочисленных чертах сходства прослеживается устойчивое различие в вариантах линейно-накольчатой и волнисто-накольчатой керамики. В финальной поре неолита и в переходную эпоху к металлу оно проявляется особенно ярко, когда в Южноуральском Приозерье развивается гребенчатая, а в Исетско-Тобольском бассейне «борыркинская» керамика.

Наибольшее сходство между группами памятников отражает, очевидно, наиболее близкие родственные связи, а градации в сходстве и различии у населения, обитавшего на смежных или соседних территориях, отражают различные степени родственных отношений — родов, племен и союзов племен. Носители южноуральского неолита входят в конечном счете и в наиболее широкий родственный круг. Об этом говорит сходство общего облика керамики и каменной индустрии, не вызывающее сомнений. В основе сходства индустрии лежит одинаковая техника расщепления камня, обусловившая общность форм орудий труда и приемов их обработки. Одинаковая техника расщепления в свою очередь подчинена иным общим закономерностям, связанным с хозяйством, родственными традициями и т. д., рассмотрение которых выходит за рамки настоящей статьи.

«Многоступенчатое» сходство, прослеживаемое на элементах материальной культуры племен, отражает, очевидно, их сложную общественную структуру. Косвенным подтверждением правильности высказанного предположения являются заключения этнографов, которые на основании изучения социальной структуры таких народов, как ирокезы, чукчи, айны, обские угры, и племен Австралийского материка пришли к выводу о том, что этнической общностью эпохи первобытнообщинного строя являлись группы родственных племен, живших на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладающих многими общими особенностями культуры. Группы родственных племен и были, по мнению Н. Н. Чебоксарова, народом первобытнообщинной эпохи¹¹. Таковы, например, австралийские народы-племена арунта, курнаи, диери и другие. Таким образом, материалы археологии неолита отвечают представлениям, сложившимся в этнографии.

Такова одна линия связей. Ею, конечно, не исчерпывались все многообразные контакты неолитического населения, которое, как все больше убе-

⁹ Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала. МИА, № 141. М., 1968.

¹⁰ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. В сб. «Археология и этнография Башкирии», т. I. Уфа, 1962.

¹¹ Н. И. Чебоксаров. Проблемы происхождения древних и современных народов. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964.

ждают новые материалы по каменному веку в целом, стояло на достаточно высоком уровне общественного развития. Не меньшую роль в общественной жизни имели, очевидно, контакты культурно-хозяйственные, устанавливающиеся, в частности, на почве обмена. Они связаны с интенсивным передвижением населения, а иногда и перемещением его на новые территории. Известно, например, какую роль в жизни неолитического человека играло каменное сырье — источник своеобразного «богатства» его владельцев и бедственного положения тех, кто был его лишен. Огромная этнографическая литература посвящена вопросам получения каменного сырья путем обмена племенами Австралии, Америки и Островного мира. Имеются свидетельства, что в процесс обмена втягивались территориально очень далекие и, как правило, чуждые друг другу племена. На почве получения сырья устанавливались длительные мирные контакты, бывали также войны и междоусобицы.

Южный Урал богат каменным сырьем, распространявшимся в разных направлениях на близкие и отдаленные расстояния. Мы наблюдаем в то же время проникновение отдельных элементов материальной культуры, говорящих об очень далеких, не всегда точно объяснимых связях. Таковы, например, на Урале единичные фрагменты керамики китойского облика, восточносибирские ножи, скребла и нуклеусы-скребки, гальки, расколотые специфическим приемом галечной техники, и т. д. Все эти изделия, как правило, единичны, в отличие от тех сходных элементов, которые порождены родственной близостью. Эти контакты вряд ли носили характер постоянного движения населения в одном направлении. Говоря об Урале, например, постоянно подчеркивают движение с востока на запад (Сперрингс, Волосово, гребенчатая керамика), хотя, несомненно, имело место и обратное движение, образуя в целом сложный процесс взаимопроникновения. (Например, типичная ямочно-гребенчатая керамика в усть-бельском поселении на Ангаре). То же касается и движения населения из области кельтеминарской культуры на север. Надо предполагать, что существовали контакты как непосредственные, так и опосредованные. К последним относятся, по-видимому, связи населения Средней Азии и Среднего Урала.

В плане изучения культурно-хозяйственных связей интересны заключения этнографов о том, что в культуре многих общностей можно найти черты, которые являются общими с культурой других народов. «Встает вопрос о соотношении признаков сходства — этнического или хозяйственно-культурного, — пишет Чебоксаров. — Проблема этническая смыкается с вопросом истории культуры»¹². Таким образом, материалы археологии и этнографии и в этом плане удачно дополняют друг друга.

В заключение отметим, что на этнокультурную карту неолита сейчас можно нанести еще некоторые общности. Так, отчетливо вырисовывается волго-камская общность¹³. Черты сходства и различия, наблюдаемые в группах поселений, расположенных в низовьях Чусовой, на средней Каме и в Казанском Поволжье, позволяют предполагать наличие в этой общности более мелких единиц. По-видимому, такая же общность со своими локальными вариантами выявляется в области ямочно-гребенчатого неолита, известного на большой территории Волго-Окского междуречья. Можно предполагать существование такой же общности и у племен — носителей гребенчатой керамики. Таким образом, на территории Урала и Средней Азии в эпоху неолита происходил закономерный общенсторический процесс — сложение культурных общностей, этот начальный этап формирования народностей.

¹² Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч.

¹³ О. Н. Бадер. Неолит и эпоха бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье. «Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г.» М., 1957.

А. В. В И Н О Г Р А Д О В

О ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ
НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КЫЗЫЛКУМОВ

Новый значительный по объему материал по неолиту пустынь Средней Азии, полученный за последние годы, позволил развернуть исследования по ряду существенных проблем истории неолитического населения этих областей. Одно из первых мест среди них занимает проблема выделения территориальных различий в культуре. Представление о единообразии неолитической культуры на этой огромной территории, основывавшееся преимущественно на анализе кремневого инвентаря, сейчас утратило свое значение. Это следствие как значительного увеличения — количественного и качественного — наших знаний о кремневой индустрии, так и в первую очередь введения в научный оборот ряда хороших керамических комплексов, сравнительная ценность которых как этнографических источников значительно выше.

За последнее десятилетие сделано несколько попыток проследить особенности материальной культуры отдельных районов. Они касались как кельтеминарской культуры (границы, локальные варианты)¹, так и неолита пустынь в целом². Успешному решению проблемы мешали, да и сейчас мешают, с одной стороны, недоброкачественность определенной части материала, с другой — полное или почти полное отсутствие его в ряде районов. Сейчас наилучшие возможности в этом плане предоставляет исследователям неолит Кызылкумов. Здесь известно свыше 500 неолитических памятников, в том числе ряд хорошо документированных раскопками (Дарбазакыр I, II, Аякагитма 131, Лявлякан 26, Кават 7, Джанбас 4). Весьма существенно, что последние довольно равномерно распределены по всем известным сейчас районам скопления неолитических памятников. Таких районов в Кызылкумах известно сейчас четыре: 1) Акча-Дарья (правобережный Хорезм); 2) Лявлякан (Внутренние Кызылкумы); 3) Аякагитма и Дарьясай; 4) Махан-Дарья. Последние два располагаются на староречьях Зеравшана³.

¹ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г. СА, XIX, 1954, стр. 241—244; А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура. Автореф. канд. дисс. М., 1957.

² Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Автореф. канд. дисс. Л., 1966.

³ В настоящее время подробно опубликованы лишь махандарьинские и хорезмские материалы. См.: Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966; А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

Наиболее существенной частью изучения локальных различий является хронология. Хронология кызылкумского неолита разработана недостаточно. Мы не имеем для этой территории ни одной радиоуглеродной даты, на стоянках не найдено импортных южных вещей. Существуют разногласия относительно датировки отдельных памятников и этапов. В рамках общей тенденции к некоторому удревнению кельтеминарских и иных неолитических памятников Кызылкумов имеются разногласия по поводу степени такого удревнения⁴.

Однако абсолютные датировки не имеют в данном случае существенного значения, и имеющимися разногласиями можно пренебречь. Дело в том, что неолитические материалы из разных районов пустыни имеют довольно прочную взаимосвязь по системе относительной хронологии; хронологические «скачки», о которых говорилось, касаются в равной степени всех территориальных групп памятников. Сейчас для кызылкумского неолита в целом можно наметить по кремневому инвентарю три больших хронологических этапа.

Первый — ранний, характеризуется наличием трапеций нескольких типов; второй — появлением и бытованием пластинчатых наконечников кельтеминарского типа; последний — широким распространением двустороннеобработанных форм.

Намеченная последовательность (кстати, характерная для более широкой территории)⁵ имеет лишь общее значение, поскольку неоднократно отмечены случаи сосуществования ведущих форм орудий первого и второго, а также второго и третьего этапов. Материалы раннего этапа представлены лишь в районе Аякагитма-Дарьясай, отчасти на Лявлякане. Материалы второго и третьего этапов достаточно хорошо представлены в каждом из названных районов.

Таким образом, мы имеем дело с несколькими крупными скоплениями одновременных в целом памятников, относящихся к развитому и позднему неолиту.

Неолитические материалы из Хорезма опубликованы и не нуждаются в подробной характеристике. Три хронологические группы Хорезмских стоянок полностью соответствуют второму и третьему из названных выше этапов. Кремневый инвентарь здесь пластинчатый микролитический. Существенную часть его составляют различные вкладыши, в том числе типа «с притупленным краем» нескольких разновидностей. Пластинчатые наконечники кельтеминарского типа характерны для всех трех хронологических групп; количество их со временем заметно сокращается, однако даже в поздней группе они преобладают над двустороннеобработанными наконечниками. Крупные «цельнокаменные» орудия для Хорезма мало характерны. Шлифованных топоров и тесел здесь очень мало, наконечники копий встречаются единично, крупные плитчатые скребки с краевой подтеской отсутствуют.

Хорезмская неолитическая керамика интересна довольно богатым набором форм и сочетанием простых, характерных для охотничье-рыболовческого неолита, и некоторых сильно профилированных форм, отразивших влияние земледельческих культур Юга. К последним относятся ладьевидные сосуды, некоторые типы шаровидных сосудов с хорошо профилированными горлом, сосуды со сливами и трубчатыми носиками. Некоторые из шаровидных сосудов, сосуды со сливами и носиками и ладьевидные составляют специфику Хорезма и в других районах Кызылкумов пока не

⁴ А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма, стр. 143—148; Г. Ф. Коробкова. Указ. соч., стр. 14.

⁵ См., например: Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 16—17; В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита. В сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 43.

найлены. Два первых типа показывают наибольшую динамику вариантов во времени. Хорезмская керамика, особенно ранняя, богато орнаментирована. Применялись следующие технические приемы: прочерчивание, насечки и вдавления, оттиски зубчатого штампа, «качалка» гладкая и зубчатая, ямочный, трубчатый и ногтевой орнаменты. Последние три редки. Ведущую роль играет прочерченный орнамент — волнистый и прямолинейный — в ряде специфических композиций. Весь без исключения прочерченный орнамент выполнен одинарной палочкой с круглым концом. В керамике стоянок средней группы прочерченный орнамент, не сокращаясь количественно, выступает в более простых, часто мелко-геометризованных композициях, в том числе в форме простого меандра (несколько разновидностей). Орнаментике стоянок поздней группы присуще широкое распространение «качалки» — зубчатой и гладкой. Меандр и «качалка» — специфические в пределах Кызылкумов признаки хорезмской орнаментики.

Неолит низовьев Зеравшана можно рассматривать в целом, так как материалы Махан-Дарьи, Аякагитмы и Дарьясяя отчетливо показывают единство большинства культурных признаков. За рамки сравнения выходит лишь большая группа стоянок с Дарьясяя, относящаяся к более раннему этапу, не представленному, исключая частично Лявлякан, в других районах Кызылкумов. Кремневый материал Хорезма и Махан-Дарьи не может быть детально сопоставлен, так как последний систематизирован для публикации не по типологическим признакам, а по данным функционального микроанализа. Однако, насколько можно судить по публикациям, кремневая индустрия Махан-Дарьи существенных отличий от хорезмской не имеет. Отметим лишь, что кроме типичных для Хорезма кельтеминарских наконечников здесь встречены два их новых варианта: 1) с расширяющимся книзу черешком; 2) с округленной боковой стороной и приостренным черешком (серповидные). Последний вариант, впрочем, более характерен для Лявлякана (см. ниже). Насколько можно судить по материалам стоянок Аякагитмы, для низовьев Зеравшана значительно более, чем для Хорезма, характерны крупные шлифованные или с подшлифовкой орудия — тесла и топоры.

Наиболее типичной для нижнезеравшанской керамики формой являются сосуды с округлым либо овальным туловом, хорошо выраженной шейкой и сильно отогнутым наружу верхним краем. Пропорциями они заметно отличаются от родственных им крупных вертикально вытянутых сосудов из Хорезма. Реже встречаются полусферические чаши. В целом набор керамических форм здесь значительно беднее, чем в Хорезме. Специфической особенностью махандарьинской керамики являются бортики с наружным наплывом (типа «воротничковых»), для Хорезма мало характерные. Существенны различия в орнаментике керамики. Технические приемы орнаментики практически ограничены тремя видами: прочерчиванием, оттисками палочки и лопаточки и насечками. Зубчатый орнамент, характерный и для хорезмской, и для лявляканской керамики, здесь отсутствует. Ни разу не встречены оттиски «качалки». Судя по материалам стоянки Дарбазақыр I, прочерченный орнамент играет ведущую роль в орнаментике ранней керамики. Так же как и в других районах Кызылкумов, значение его уменьшается со временем. Некоторая, сравнительно небольшая, часть ранних композиций близка хорезмским, однако в целом композиционные построения значительно проще. Наиболее же существенное различие состоит в том, что прочерченный орнамент Махан-Дарьи относится к типу «струйчатого» — он нанесен орудием с 2,3,4 или 5 острыми зубцами. Эта техника не известна ни в Хорезме, ни на Лявлякане. Спецификой махандарьинского неолита является также орнамент, нанесенный вдавлениями лопаточкой, образующими на тулове сосуда нечто вроде валика. Махандарьинская керамика отличается от хорезмской (а в меньшей

степени и от лявляканской) сравнительной бедностью орнамента. Большая часть сосудов даже на раннем этапе не имеет орнамента; среди орнаментированных решительно преобладают сосуды, украшенные лишь в верхней части.

Третью большую и очень компактную группу неолитических памятников дал район соленых Лявляканских озер⁶. Здесь за пределы сравниваемых групп выходит небольшое количество стоянок, которые хронологически могут быть сопоставлены с некоторыми из ранних дарьясайских комплексов. При наличии многих общих для кызылкумского неолита признаков материал Лявляканских стоянок показывает и наиболее существенные отличия как от хорезмских, так и от нижнезеравшанских материалов. Как обычно для Кызылкумов, менее сильно они проявляются в кремневом инвентаре. Характерным отличием здесь является широкое распространение остроконечного варианта пластинчатых наконечников стрел кельтеминарского типа — 30—40% от общего количества однотипных наконечников (на Махан-Дарье 7% — 2 экз.; в Хорезме они неизвестны). Много здесь крупных плитчатых скребков, мало характерных для других двух районов. Повидимому, некоторыми особенностями техники препарирования пластин вызвано наличие в кремневом инвентаре Лявляканских стоянок значительно количества изделий типа «микрорезцов».

Более существенны различия в керамике. При наличии нескольких общих для неолита форм (это касается главным образом некоторых вариантов вертикально вытянутых сосудов) керамический комплекс Лявлякана достаточно своеобразен, особенно на позднем этапе развития. Некоторые из характерных для Лявлякана форм не известны ни в хорезмском, ни в нижнезеравшанском материале. Среди них: шаровидные сосуды со срезанным верхом, небольшие реберчатые сосуды, сосуды с маленьким уплощенным дном, некоторые варианты крупных вертикально вытянутых сосудов и др. Главное отличие в орнаментике керамики — незначительное количество прочерченного орнамента. В ранних комплексах он составляет не более четверти суммы всех технических приемов (для сравнения в Хорезме — до 40%; в Дарбазақыре I, нижнем слое — свыше 40%). Позднее количество его еще более сокращается. Другое немаловажное отличие — очень широкое применение зубчатого орнамента. Вместе с насечками отгиски зубчатого штампа играют главную роль в лявляканской орнаментике. Заметим еще раз, что в Хорезме зубчатый орнамент широко применяется лишь на позднем этапе, а в нижнезеравшанской орнаментике он отсутствует вовсе. В целом орнаментика лявляканской керамики довольно бедна и количественно, и композиционно, что, помимо прочего, существенно отличает ее от хорезмской керамики. Лишь небольшой части преимущественно ранних сосудов свойственны усложненные композиции — преимущественно в виде гирлянд; остальной орнамент сводится по существу к простым комбинациям двух элементов — «елки» и зигзага.

Очень интересные результаты дает сравнение украшений, довольно многочисленных на неолитических стоянках Кызылкумов. На хорезмских стоянках все они сделаны из раковин (*Chlamis*, *Dentalium* и др.); лишь в 2—3 случаях отмечены находки бирюзовых бус. На Лявлякане, напротив, среди украшений решительно преобладают бусы из бирюзы; здесь же открыто несколько специализированных мастерских по обработке бирюзы. Наконец, подавляющее большинство украшений с Махан-Дарьи, из Аякагитмы и Дарьясай — бусы и подвески из камня (специально обработанные)

⁶ Материалы Лявляканских стоянок еще не опубликованы. В печати освещены лишь результаты первых разведок (Н. Н. Вактурская. О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г. МХЭ, вып. 1. М., 1959, стр. 39—41); о более поздних стационарных работах имеются краткие заметки (см.: С. П. Толстов, М. А. Итина, А. В. Виноградов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. АО, 1966. М., 1967, стр. 305—306).

и мелких уплощенных галек. Существенно, что эти различия не вызваны наличием или отсутствием сырья, в том числе и бирюзы⁷.

Узкие рамки настоящего сообщения не позволяют провести более детальное сравнение. Однако и сделанное лишь в общем виде, оно показывает, что различия в культуре неолитического населения трех рассматриваемых районов весьма существенны. Они вполне ощутимы даже на раннем этапе и еще ярче проявляются на поздних этапах рассматриваемого хронологического периода. Хронологическая совокупность признаков культуры в рамках этого периода специфична для каждого из районов.

Каково значение этих различий? Нам кажется, что есть основания для выделения на территории Кызылкумов трех локальных неолитических культур: кельтеминарской, лявляканской и нижнезеравшанской, существующих в рамках одной культурной (а скорее культурно-этнической) общности. Наиболее убедительно это может быть прослежено на материалах лявляканской группы памятников. Согласно другой точке зрения прослеженные нами различия должны рассматриваться на уровне локальных вариантов единой неолитической культуры — кельтеминарской.

Сколько-нибудь плодотворная дискуссия по этому вопросу едва ли возможна до полной публикации материалов Лявлякана и староречий Зеравшана. Однако уже сейчас (и независимо от результатов дискуссии) при рассмотрении истории Кызылкумов в неолитическую эпоху нельзя не учитывать ряд существенных обстоятельств. Сходство многих элементов культуры каждого из рассматриваемых районов обусловлено главным образом как общностью происхождения, так и постоянными контактами населения этих районов. Несмотря на обширные слабоосвоенные в то время промежуточные территории, контакты эти, надо полагать, были довольно устойчивыми. Однако значительная территориальная обособленность не могла не отразиться на характере культуры. В процессе углубления различий, отчетливо прослеживаемом по имеющимся сейчас материалам, не последнюю роль сыграла и специфическая для каждой группы ориентация культурных связей и взаимовлияний. Так, Хорезм испытывает постоянное и сильное южное влияние (орнаментика и формы керамики), сменившееся или, скорее, дополненное очень сильными культурными контактами на севере (появление «шагающей гребенки» и гладкой «качалки»). В нижнезеравшанском неолите некоторые южные черты, свойственные ранним памятникам Махан-Дарьи, постепенно утрачиваются, и лишь в конце III тыс. до н.э. происходит непосредственный контакт с «южанами», вызвавший возникновение заманбабинской культуры. В крайней восточной группе памятников — лявляканской — южные влияния, пожалуй, наименее ощутимы, однако заметны результаты восточных контактов — казахстанских и, очевидно, южносибирских.

Таким образом, уже сейчас имеется возможность проследить некоторые моменты конкретной истории отдельных групп неолитического населения Кызылкумов, очевидно племен или групп племен (последнее наиболее вероятно для низовьев Зеравшана).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

По докладу А. В. Виноградова выступили А. Аскарлов, У. Исламов, Г. Ф. Коробкова, В. М. Массон, С. С. Черников. А. А. Аскарлов отметил значительную близость керамики кызылкумских стоянок с посудой Заман-бабы, что может свидетельствовать о позднекельтеминарском возрасте комплекса Лявлякана. С этим согласился и У. Исламов, подчеркнув-

⁷ Месторождения и древние разработки бирюзы известны в каждом из трех рассматриваемых районов Кызылкумов (см.: А. В. Виноградов, С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов. Кызылкумская бирюза. СЭ, 1965, № 2).

ший близость керамики Лявлякана и стоянки Тузкан 35. Г. Ф. Коробкова указала на доказательность основных выводов А. В. Виноградова, подкрепленных детальным анализом обширного материала. По ее мнению, терминологический разнобой — кельтеминарская культура с несколькими вариантами или кельтеминарская общность с несколькими культурами — должен быть устранен по согласованию между исследователями. Г. Ф. Коробкова специально подчеркнула важность детализированного анализа кремневого инвентаря, что, в частности, позволило предложить трехэтапное членение Кельтеминара, с чем сейчас согласился А. В. Виноградов. С. С. Черников, поддержав основные выводы докладчика, остановился на вопросе о локальных вариантах в неолите Казахстана, где им выделяются шесть территориальных групп. Терминологическая неустойчивость в вопросе об общности, культуре и варианте, сказал В. М. Массон, связана с недостаточной теоретической разработкой этого вопроса в советской археологии вообще. Видимо, настала пора для методической разработки этого вопроса на основе математических и прежде всего статистических методов, когда определенный процент схождения и расхождения стандартизированных элементов будет говорить о наличии категорий первого или второго порядка.

М. П. ГРЯЗНОВ

ПАСТУШЕСКИЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ РАЗВИТОЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

На северных склонах хребта Каратау в Южном Казахстане исследован могильник Тау-тары. Он должен стать одним из опорных памятников при изучении андроновской культуры, так как дал хорошую серию однотипных погребальных комплексов. В могильнике раскопано 22 могилы. Получена серия в 53 сосуда. Все могилы представляют собой простые грунтовые прямоугольные ямы, покрытые сверху плитами. На поверхности земли они окружены прямоугольными каменными оградами. В могилах погребен пепел сожженных умерших, но могилы вырыты таких размеров и формы, как будто бы в них хоронили целые трупы умерших. Длина могил 170—240 см, ширина 80—120 см. Можно предполагать, что в могилу кроме пепла погребали также какое-то подобие умершего, сшитое из мягких материалов и, вероятно, одетое в одежды умершего. Очевидно, этим и объясняется, что находимые в могилах предметы украшения, как-то: подвески, серьги, бусы, в том числе стеклянные и легкоплавкие сурьмяные, — не имеют следов пребывания на огне. Так как горшки стоят в восточном конце могилы, а в андроновских могилах посуду ставили в головах погребенного, надо предполагать восточную ориентировку погребенных подобий умершего. Наконец, прямоугольная форма могильной ямы и расположение остатков всего погребенного в могиле отступя на 10—20 см от стенок ямы служат указанием на наличие здесь в свое время деревянного сруба и бревенчатого покрытия, поверх которого укладывались мелкие плитки.

Опубликовавшая могильник А. Г. Максимова датировала его главным образом по керамике переходным периодом от федоровского к алакульскому, возможно даже началом алакульского этапа¹. Определение это в общем правильно. В керамике как бы органически переплетены отдельные черты как федоровского, так и алакульского этапа, и трудно отдать одному из них предпочтение. Характерна группа сосудов с орнаментом чисто федоровским — крупные сложные фестоны и двухъярусные узоры на плечиках, две полосы орнамента на шейке сосуда, зубчатый штамп (рис. 1). И вместе с тем на некоторых сосудах имеются характерные для алакульского этапа уступчик на границе шейки и плечиков и пробел орнамента в нижней части шейки. Следует обратить внимание на ряд оттисков-уголков (3 экз.), характерных для федоровского этапа, но иногда встречающихся и на алакульском, и на своеобразный орнамент — короткий

¹ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-тары. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 14, 1962.

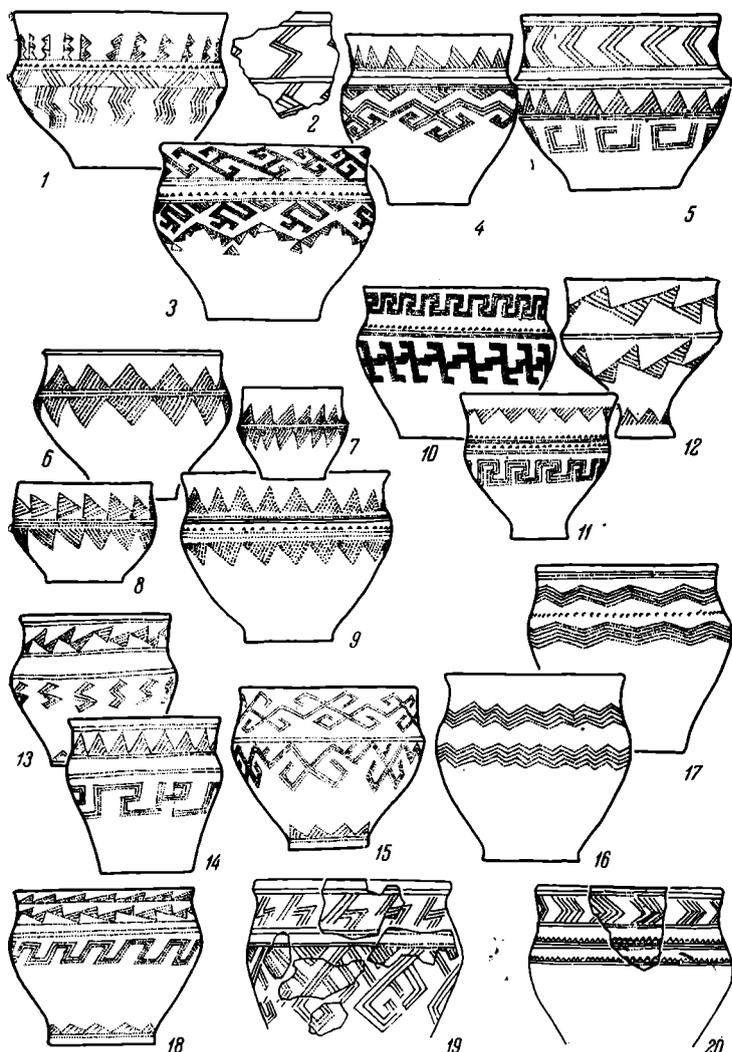

Рис. 1. Керамика памятников таутаринского типа

1—12, 16, 17 — Тау-тары; 13, 14 — Арпа; 15 — Иссым-Куль; 18 — Пригородный; 19 — Джанбас-кала; 20 — Наука-тепе

вертикальный зигзаг (4 экз.), в разных вариантах известный на федоровском этапе в Казахстане, на Оби и Енисее и только в двух случаях на алакульском этапе (Тасты-бутақ, Былкылдақ).

Вторая группа сосудов, с меандровым орнаментом, может быть в некоторой части отнесена к алакульскому типу, но у всех этих сосудов по-федоровски выпуклые плечики и ряд угловых оттисков. Третья группа, украшенная треугольниками с вершинами вверх и вниз, по орнаменту вполне алакульская, но сохраняет такие федоровские черты, как выпуклые плечики и ряды оттисков-уголков. Последняя, четвертая группа — с зигзаговым орнаментом уже совсем алакульская и все же сохраняет выпуклые плечики.

В общем же керамику могильника Тау-тары, как и весь памятник в целом, надо характеризовать как своеобразный археологический комплекс, не имеющий аналогий где-либо в Казахстане или Сибири. Поскольку в

могильнике погребено не менее 22 взрослых человек по одному обряду и с одинаковым инвентарем, комплекс этот надо представлять относительно устойчивым на протяжении более или менее продолжительного времени. В относительной хронологии он занимает время, непосредственно предшествующее сложившемуся алакульскому этапу.

Замечательно, что этот памятник не единственный в своем роде. Так, на Зеравшане, недалеко от Бухары в Наука-тепе экспедицией Я. Г. Гулямова обнаружены фрагменты двух сосудов². Один не характерен, но имеет точные аналогии в Тау-тары. Другой, с орнаментом из коротких зигзагов и рядов уголков, стиснутых гребенкой, и с округлыми плечиками, должен быть определен как федоровский. В целом же он принадлежит к типу керамики из Тау-тары.

Хорезмской экспедицией С. П. Толстова в Джанбас-кала 8 найдены фрагменты сосуда также вполне федоровского облика. Орнамент на шейке в виде «молнии», соединяющей другие элементы орнамента, известен только в могильниках федоровского этапа (Федоровка, Боровое, Орак). Есть он и в Тау-тары (рис. 1, 2). Орнамент плечиков точных аналогий не имеет, но он полностью федоровского типа, а не алакульского (нижняя часть его на предлагаемой реконструкции не достоверна).

В Тянь-Шане, в известном могильнике Арпа, прямоугольные каменные оградки содержат пепел сожженных людей; предметы украшения и керамику таутарынского типа — вертикальный зигзаг, меандр, своеобразная комбинация треугольников, гребенка, выпуклые плечики (рис. 1, 13, 14)³.

Близ г. Фрунзе, в Пригородном в могиле с каменной оградой погребен пепел человека и сосуд, который следует сопоставлять не с федоровскими вообще, а с таутарынским типом керамики (рис. 1, 18)⁴.

Недавно стала известна еще одна находка сосуда таутарынского типа на северном берегу оз. Иссык-Куль (рис. 1, 15)⁵.

Рассмотренные памятники позволяют сделать некоторые выводы. В период, предшествующий тому, когда в Казахстане, Южном Зауралье и Западной Сибири андроновские племена вступили в алакульский этап развития своей культуры, на широкой территории от дельты Амударьи до высот Тянь-Шаня обитала группа племен, памятники которой составляют своеобразный археологический комплекс таутарынского типа. Хотя памятники этого типа хорошо выявляются и локализуются, конструировать по ним какую-то новую особую культуру нельзя. В особую культуру можно выделять только те группы памятников, которые характеризуются устойчивым комплексом свойственных только им орнаментов и других элементов культуры, но не характерных для других районов. Между тем в памятниках таутарынского типа нет ничего принципиально отличного от памятников андроновской культуры других мест. Это лишь один из местных вариантов андроновской культуры предалакульского времени.

Таким образом, в предалакульское время памятники пастушеских племен степной части Средней Азии входят в ареал андроновской культуры.

Другим опорным памятником развитой эпохи бронзы, несомненно, является могильник Кокча 3, исследованный Хорезмской экспедицией. В нем раскопано 72 могилы, получена прекрасная серия керамики, насчитывающая 84 сосуда⁶. Надмогильные сооружения, вероятно ограды, не сохра-

² Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, стр. 217.

³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, № 26, 1952, стр. 19—21.

⁴ П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Изв. АН Кирг. ССР, т. II, вып. 3, 1960, рис. 17.

⁵ «По школьным музеям Киргизии». Альбом. Фрунзе, 1968, стр. 21.

⁶ М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3. МХЭ, вып. 5, 1961.

нились. Могильные ямы преимущественно округлых очертаний — значит, срубов не было. Прямоугольных ям, в которых можно допустить наличие сруба, немного. Могилы небольшие, преимущественно 100—170 см в длину и 50—80 см в ширину. Но есть и более крупных размеров, для парных захоронений. Положение погребенных обычное для андроновских могил — на левом боку, головой на ЮЗ (таутарынские, наоборот, — на СВ).

Наиболее характерна посуда, украшенная рядами треугольников, расположенных вершинами вверх или вниз, — это орнамент, обычный для керамики всех районов алакульского этапа. Специфичны для тазабагъябской керамики ряды «незамкнутых треугольников», редко встречающиеся в других районах андроновской культуры. Группа сосудов, украшенных горизонтальными зигзагами, вполне аналогична по композиции орнамента соответствующим вариантам алакульской керамики других районов (Тастыбутак, Алакуль, Алексеевка и др.). Сосуды, украшенные вертикальными зигзагами, также находят себе ближайšie аналогии в указанных памятниках алакульского этапа.

Как и в других районах, в Кокча 3 встречены сосуды с богатым геометрическим орнаментом, близким еще к узорам федоровского этапа. Их немного — только 3. Но, как это характерно для алакульского этапа, орнамент нанесен не гребенкой, а гладкой пластинкой и полосы орнамента заштрихованы не продольно, а поперечно. От других районов андроновской культуры керамика Кокча 3 отличается наличием большого количества сосудов без орнамента (37%).

В целом керамика могильника Кокча 3 находит себе полные аналогии в памятниках алакульского этапа, а не в каких-либо других керамических комплексах других культурно-исторических областей или других периодов. Вместе с тем она в известной мере и своеобразна, отлична от керамики других районов распространения керамики алакульского типа. Это вообще характерно для алакульского этапа, керамика которого в разных районах имеет вполне различные местные особенности. Для керамики Кокча 3 своеобразие заключается в высоком проценте сосудов без орнамента, в наличии некоторых нехарактерных для других районов элементов орнамента (незамкнутые треугольники) и больше всего в формах сосудов, что уже неоднократно отмечалось в литературе.

Могильник Кокча 3 принадлежит к широко известной группе памятников тазабагъябского типа. В районе древнего русла Акча-Дарьи известно более 100 стоянок тазабагъябского типа. Произведены раскопки двух поселений. В других районах Средней Азии памятники тазабагъябского типа довольно широко распространены, хотя таких значительных находок не было сделано. К числу тазабагъябских памятников я считаю возможным отнести 2 могильника (Гуджайли и Кызылтыр) и 13 стоянок, исследованных экспедиций Я. Г. Гулямова в дельте Зеравшана; могильник Муминабад близ Самарканда; группу погребений в районе Ташкента (Никифоровские земли, Ореховское, Ангрэн, Янги-юль); находки в Актанге; могильник Дахана; группу разрушенных памятников в Кайраккуме; Вуадиль. Можно видеть, что ареалом тазабагъябской группы памятников являются низовья Амударьи, вся долина Зеравшана и верхнее течение Сырдарьи, включая район Ташкента и Фергану. Территория довольно обширная (протяженностью более 1000 км). На ней могло располагаться несколько различных этнических и племенных групп населения. Однако имеющийся материал пока недостаточен, чтобы можно было сколько-нибудь обоснованно наметить этническую карту этой территории. Вместе с тем общность перечисленных памятников по наиболее характерному и массовому материалу — по керамике — вполне ощутима.

Как и в случае с таутырынским типом, тазабагъябскую группу памятников нельзя обособлять от андроновской общности в самостоятельную культуру, так как в ней нет решительно ничего принципиально

отличного, свойственного только ей. Такие явления, как наличие у тазабагъябцев Акча-Дарьи искусственного орошения, в расчет принимать не следует, так как это не отражается существенно на этнографическом облике их культуры. Нельзя принимать в расчет и различия в устройстве могил. Цисты в Дахане, подобие каменного ящика в Вуадили и грунтовые ямы в Кожче 3 отражают не разные этнические традиции, а природные условия страны. Вся тазабагъябская группа памятников должна быть отнесена к алакульскому этапу андроновской культуры как один из местных вариантов андроновской культуры, единой на обширных территориях, но не идентичной в разных ее районах.

Отмечавшиеся исследователями связи тазабагъябских памятников со срубной культурой, несомненно, преувеличены. Остановлюсь на одном примере. М. А. Итина обращает внимание на своеобразную форму характерных тазабагъябских «восьмеркообразных» височных привесок, находит им аналогии в памятниках срубной культуры и делает отсюда вывод о том, что эти привески пришли в Приарале от племен срубной культуры через андроновцев Западного Казахстана. Так ли это? Тазабгъябские привески принадлежат к так называемым спиральным желобчатым привескам в полтора оборота, которые вообще широко распространены от Дуная до верхней Оби. Есть круглые привески, есть овальные и яйцевидные, есть приближающиеся по форме к тазабагъябским (Купухта, Увак). Тазабгъябские привески отличны от андроновских других районов и только в двух случаях близки к ним. Эти два случая относятся к Западному Казахстану.

В памятниках срубной культуры подвески преимущественно круглые или овальные. Только в двух случаях приближаются к тазабагъябским (Ягодное, Хрящевка), но они не восьмеркообразные, а грушевидные или даже овальные, подобные западноказахстанским. При этом пара подвесок из Хрящевки по-андроновски позолочена.

Вывод может быть только один. Ювелиры срубной культуры если не сами изобрели спиральные желобчатые подвески, то позаимствовали их либо с Кавказа, либо от андроновцев (позолоту, во всяком случае, от андроновцев), либо с запада. При этом восьмеркообразных подвесок они не изготавливали. Ювелиры Средней Азии выработали свой, отличный от других тип желобчатых подвесок — восьмеркообразных. И срубная культура здесь ни при чем. Е. Е. Кузьмина как будто тоже допускает возможность такого решения этого вопроса, но, насколько можно понять, решительного ответа на это не дает⁷.

Другая группа памятников алакульского этапа находится в системе Тянь-Шаня. Наиболее полно исследованный памятник этой группы — могильник Каракудук — раскопан А. Г. Максимовой. Для него характерны круглые и прямоугольные каменные оградки, часто пристроенные одна к другой группами, бедность инвентаря и керамика, имеющая формы андроновских банок и горшков, но совершенно лишенная орнамента⁸. По нескольким могилам исследовано и в ряде других могильников на р. Чу, Талас и Нарын. Если бы не характерная форма надмогильных сооружений и некоторые бронзовые вещи, трудно было бы датировать эти памятники. Однако сопоставление их с таутарынскими и тазабагъябскими, с одной стороны, и с андроновскими других районов Казахстана, с другой, позволяет все же определенно относить их к алакульскому этапу. Своеобразие тянь-шаньской группы заключается главным образом в керамике — грубо изготовленной, без орнамента.

⁷ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, вып. В4—9, 1966, стр. 73—75.

⁸ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук. ТИИАЭ, АН Каз ССР, т. 12, 1961.

Исследованный Хорезмской экспедицией замечательный памятник — мавзолей эпохи бронзы в Тагискене — рассматривается обычно изолированно и относится к предскифскому или предсакскому времени. Памятник, конечно, исключительный. Но исключительность его заключается лишь в богатстве погребений, в грандиозности надмогильных сооружений, в принадлежности могил представителям высшей социальной верхушки общества, возможно даже не вождям племени, а верховным главам племенного союза. В смысле же культурно-исторической характеристики оставившего памятник племени ничего исключительного здесь нет. Это не какая-то совершенно своеобразная этническая группа, резко отличная по культуре от других в Средней Азии и Казахстане, а одна из тех групп, которые нам уже известны и, к сожалению, в степях Евразии еще не повсеместно открыты и изучены.

В Тагискене необычны надмогильные сооружения, но, несмотря на их исключительность, все же можно увидеть некоторые их прототипы. Так, в Центральном Казахстане в каменных сооружениях над богатыми могилами бегазинско-дындыбаевского типа можно видеть такое же, как и в Тагискене, сочетание круглой ограды с квадратным сооружением над могилой, и наоборот. Можно видеть коридорообразные проходы между отдельными элементами сооружения и столбовые конструкции. Но все это проще и менее грандиозно⁹.

Необычна в Тагискене и керамика. Принесенные умершему иногда 40, иногда 60 горшков — это лучшие произведения гончарного мастерства того времени, частично импортная посуда. Некоторые местного изготовления сосуды украшены очень нарядным орнаментом, архаическим, напоминающим орнаменты андроновской керамики. Среди них есть и фестоны из пирамидок, и меандры, Z-образные фигуры и многие другие. Формы их разнообразны. Однако если не преобладают, то большой процент составляют сосуды карасукских форм — шаровидные и реповидные с изящным воротничком. Многие из них, как и в карасукских памятниках, инкрустированы белой массой. Вообще аналогии с карасукской керамикой множественны и очень близки. Нет надобности на этом подробно останавливаться.

Тагискен датируют обычно предскифским временем на том основании, что ближайшие ему аналогии находятся в памятниках типа Дындыбай-Бегазы в Центральном Казахстане, а памятники эти в свое время были неправильно датированы предскифским и даже раннескифским временем. Сейчас с такой датировкой нельзя согласиться. Надо считаться с хронологией Енисея, где памятники карасукские, которые аналогичны и синхронны памятникам Дындыбай, Бегазы и Тагискен, не могут быть включены в I тыс. до н. э. Надо считаться и с тем, что Дындыбай и Бегазы нельзя включать в I тыс. до н. э. еще и потому, что там в это время получили распространение памятники совсем другого типа, но об этом речь будет ниже.

Тагискен не единственный памятник карасукского типа и времени, т. е. конца II тыс. до н. э. На р. Чу при строительстве канала найдены в Джайльме и Каинды фрагменты сосудов, которые С. П. Толстов и М. А. Итина справедливо сравнивали с керамикой Тагискена. Некоторые сосуды, на первый взгляд, могут показаться непохожими на карасукские Енисея и Казахстана. Они похожи на сосуды трушниковского типа (т. е. карасукского времени) на Иртыше. Можно надеяться, что со временем в Средней Азии памятники, аналогичные и синхронные Тагискену, будут найдены и исследованы и этот период будет исторически освещен.

В предскифское время, в начале I тыс. до н. э. в степях Казахстана

⁹ А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Восточного Казахстана. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 7, 1959, рис. 8, 9, 14, 15.

и, видимо, Средней Азии произошли какие-то значительные события, нашедшие отражение в археологических памятниках. В Причерноморье в это время срубная культура находилась в последней фазе своего развития. В археологическом отношении она приняла форму памятников так называемого ивановского типа. Керамика Ивановского поселения на Волге, характерного памятника этого времени, очень своеобразна. Это так называемая валиковая керамика — наиболее характерны банки с валиком, с насечками по нему, с опущенными вниз концами. Имеется и ряд более простых орнаментов — черточек, сеток и др.

Если в Причерноморье керамика ивановского типа появилась в результате естественного развития срубной культуры, то в Казахстане появление ее нарушает протекавший там процесс развития культуры андроновского, затем карасукского типов. Керамика ивановского типа не имеет местных корней в Казахстане. Она сменяет там внезапно керамику типа Дындыбай-Бегазы. Поселения Алексеевка и Садчаковское на Тоболе по керамике совершенно аналогичны Ивановскому на Волге. Мы эти поселения привыкли считать андроновскими, так как там находятся андроновские черепки. Но андроновские черепки, дошедшие до нас в относительно небольшом количестве и в измельченном виде, относятся не к исследованному О. А. Граковой землянкам, а к бывшему здесь за несколько веков до этого андроновскому поселению. Ряд поселений с керамикой ивановского типа исследован сейчас А. М. Оразбаевым в Центральном Казахстане¹⁰.

Керамика ивановского типа получила широкое распространение по всему Казахстану, вплоть до Иртыша на востоке. С этим распространением ивановской керамики надо связывать, по-видимому, и появление амирабадской культуры в дельте Амударьи. Так, например, довольно ясно можно видеть, что керамика поселения Якка-Парсан 2 характеризуется наличием валика с насечками, рядов черточек, сетки и других приемов орнаментации, подобных ивановским¹¹.

Несмотря на огромные достижения в археологическом изучении Средней Азии, по многим периодам, в частности по эпохе бронзы, мы еще очень мало знаем. И многие наши суждения об историческом прошлом древнего населения Средней Азии преждевременны и неверны. Трудно пока представить достоверную конкретную историю многих древних периодов в истории Средней Азии. Однако, как бы еще ограничены ни были наши источники по эпохе бронзы в степной части Средней Азии, мы можем все же предполагать, что в эпоху развитой и поздней бронзы степные пастушеские племена Средней Азии жили общей жизнью с населением степей Казахстана и Сибири и синхронно с ним прошли те же этапы развития своей культуры.

¹⁰ См., например: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, табл. XXXVI—XXXIX.

¹¹ М. А. И т и н а. Поселение Якка-Парсан 2. МХЭ, вып. 6, 1963.

Е. Е. КУЗЬМИНА

СЕМИРЕЧЕНСКИЙ ВАРИАНТ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Первоочередной задачей изучения культуры скотоводческих племен Средней Азии в настоящее время является типологическая классификация всего накопленного материала. Систематизация керамических комплексов и погребального обряда позволит перейти к выделению отдельных археологических культур на основе четко установленных критериев. Археологическая систематизация заложит основу для создания истории степей Средней Азии в бронзовом веке.

Среди памятников северных областей Средней Азии особый интерес представляет анализ погребений Семиречья (могильников Таш-Тюбе II, Таш-Башат, Беш-Таш¹, Тегирмен-Сай²). Анализ материала соседних областей позволяет привлечь также памятники Юго-Восточного Казахстана — могильник Кара-Кудук Алма-Атинской обл.³ и два погребения в Алакульской впадине⁴. Все эти памятники объединяются рядом общих признаков⁵. Погребения совершены в небольших каменных оградах округлой или чаще почти квадратной формы⁶. Ограды иногда смыкаются друг с другом, составляя вымостки, разделенные на отсеки. В центре каждой ограды расположена большая прямоугольная яма, ориентированная, как правило, на запад. В одном случае прослежена обкладка стен ямы деревянным срубом (погребение в могильнике Алакуль I), часто в яму впущен каменный ящик (Таш-Тюбе II). В погребениях Таш-Тюбе II и Беш-Таш прослежены забутовка могильной ямы щебнем и применение глиняной обмазки стен и дна могилы. Погребения совершены по обряду труположения или трупосожжения. В южноказахстанских могильниках Кара-Кудук, Алакуль и Кок-Тума пока выявлено только труположение; в единичных случаях, когда удавалось установить позу, погребения лежали скорченно на боку. В могильниках Таш-Тюбе и Таш-Башат также

¹ П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Изв. АН Кирг. ССР, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960. Приношу свою искреннюю благодарность П. Н. Кожемяко за разрешение детально ознакомиться с материалом.

² А. Абетеков. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-Сай. КСИА, вып. 93, 1963.

³ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Кара-Кудук. Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 12, 1961.

⁴ Г. А. Кушаев. Ранние погребения в Алакульской впадине. В сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.

⁵ Аналогичные погребения были в 1966 г. раскопаны И. К. Кожомбердыевым на Таласе в могильниках Кулан-Сай и Кызыл-Сай, как любезно сообщил мне А. Абетеков.

⁶ В погребениях Кок-Тума и Алакуль I тип надмогильных сооружений не известен.

прослежено скорченное положение костяков, но преобладает здесь трупосожжение. В Таш-Тюбе II оно составляет 80%. Оба обряда сосуществуют, что доказывается планировкой могильника (могилы с разным способом захоронения расположены рядом, иногда в соседних отсеках единой ограды), единством строительных приемов погребальных камер и оградок, тождеством сопровождающего инвентаря, в первую очередь керамики.

Найденная в погребениях могильников Семиречья посуда характеризуется одинаковым ленточным способом формовки из глины, содержащей примесь дровсы и песка. Сосуды относятся к трем типам: I — банки; II — горшки с округлым плечом; III — горшки с более или менее выраженным перегибом-уступом на плечике. Дно у всех сосудов плоское и относительно широкое. Границы между тремя выделенными типами весьма условны⁷. Синхронность всех трех типов доказывается совместными находками в единых погребальных комплексах. Характерной особенностью всей семиреченской керамики является полное отсутствие орнамента⁸. Лишь один горшок в Кара-Кудуке украшен полосой вдавлений, да на одном горшке из Таш-Тюбе II нанесены зигзаг по тулову и насечки по венчику. Погребения с трупосожжением и труположением сопровождаются однотипным инвентарем. В большом количестве представлены серьги с раструбом, сделанные из бронзы или из серебра и иногда обложенные золотым листом (Таш-Тюбе II, Таш-Башат, Тегирмен-Сай, Кок-Тума), а также массивные несомкнутые браслеты, овальные бляшки-подвески с пунсонным узором, кованые и литые бусы, круглые бляшки. Интересны находки в Таш-Тюбе однолезвийного ножа, а в Кара-Кудуке — бронзового зеркала с петелькой.

Сопоставление данных по всем могильникам Семиречья показывает, что они характеризуются рядом устойчиво повторяющихся признаков в конструкции погребальных сооружений, инвентаре и керамике, что дает объективные основания объединить эти памятники. Наибольшую близость как по обряду погребения, так и по керамике и типам украшений они имеют с могильниками Ферганской долины — Вуадиль и Карамкуль, исследованными Н. Г. Горбуновой и Б. Э. Гамбургом⁹. Ферганские могильники также состоят из прямоугольных и округлых, часто смыкающихся оград с широко-ориентированным каменным ящиком в центре. При сооружении могилы и здесь применялась забутовка гравием и щебнем. Все известные погребения совершены по обряду труположения. Форма сосудов, отсутствие у большинства из них декора, употребление узоров в виде бедной резной елки и овальных вдавлений сближают вуадильскую керамику с семиреченской. Наконец, находки серьги с раструбом и бронзовых бус дополняют это сходство и позволяют говорить если не о культурном единстве, то об общих путях развития населения Семиречья и Ферганской долины.

⁷ Критериями при классификации керамики могут быть или особенности размера и формы, связанные с назначением группы сосудов, учитывавшиеся изготовлявшим их мастером, сознательно придававшим одинаковую форму сосудам с единым назначением, — выделение таких типов является объективным; или особенности размера и формы сосуда, не осознававшиеся древним мастером. В таком случае типологическая классификация субъективна и применяется для удобства передачи информации.

⁸ Сосуды с заглаженной поверхностью, изготовленные из глины с дровсой, по форме аналогичные рассмотренным II и III типам керамики Семиреченских могильников, были найдены при строительстве Большого Чуйского канала на разных участках. Комплексы, из которых они происходят, не известны. А. Н. Бернштам относит их к тюркской эпохе, не приводя доказательств (А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14. М.—Л., 1950, стр. 123, табл. XLVIII, 7—10; Архив ЛОИА, ф. 35 за 1941 г., № 92).

⁹ Б. Э. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956; они же. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, № 3.

Другой круг аналогий дают памятники Центрального Казахстана, тщательно изученные и опубликованные К. А. Акишевым, А. Х. Маргуланом и А. М. Оразбаевым¹⁰. Анализ материалов эпохи поздней бронзы позволяет выделить здесь две группы памятников, имеющих различную культурную традицию. Характерным памятником I группы является могильник Айдарлы. Погребения совершены по обряду труположения в ориентированных на запад каменных ящиках, заключенных в квадратные каменные ограды. В могилах преобладает неорнаментированная керамика, близкая семиреченской. Наряду с ней изредка встречаются посуда с налепными валиками и сосуды, характерные для могильников II группы¹¹.

II группу составляют могильники Ортау II, Аксу-Аюлы II, Бель-Асар, ограда 60 и др.¹² Типы надмогильных сооружений и обряд погребения отличаются разнообразием и отсутствием строго выработанных форм. Особенности этих памятников являются большие размеры концентрических круглых или подквадратных сооружений с цистовой оградой в центре, заключающей каменный ящик, применение глиняной обмазки и забутовки щебнем. Распространены три способа погребения: сожжение (Аксу-Аюлы II, курган 2), вытянутое труположение (Аксу-Аюлы II, курган 3), преобладает скорченное труположение. Специфична посуда этих могильников: богато орнаментированные горшки с шаровидным туловом на поддоне, изготовленные выдавливанием из одного куска глины. Эта керамика сосуществует с посудой айдарлинского типа без орнамента (Аксу-Аюлы II) и с керамикой с налепными валиками (Ортау II), что дает твердые основания считать обе группы памятников Центрального Казахстана одновременно. Отсутствие устойчивой традиции в погребальном ритуале и керамическом производстве свидетельствует о том, что население Центрального Казахстана было по своему составу неоднородно и процесс ассимиляции еще не завершился.

Памятники Центрального Казахстана и могильники Семиречья и Ферганы роднит ряд черт: применение неизвестных ранее строительных приемов и материалов (забутовки из щебня и гравия, глиняная обмазка), сосуществование труположения и трупосожжения, распространение неорнаментированной посуды, изготовленной ленточным способом.

К. А. Акишев, А. Х. Маргулан и А. М. Оразбаев составили керамику с шаровидным туловом и новые строительные приемы центральноказахстанских могильников с бегазинско-дындыбаевскими и пришли к заключению, что они связаны с последними, непосредственно им предшествуют и знаменуют начало новой культуры, окончательно оформившейся на бегазинском этапе¹³. Дата Бегазы и Дындыбая устанавливается по находкам втульчатых двухлопастных стрел в Дындыбае, втульчатой двухлопастной стрелы с шипом и черешковой трехлопастной стрелы в Бегазе VIII в. до н. э.¹⁴, что является *terminus ante quem* для рассматри-

¹⁰ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, ч. I.

¹¹ Там же, стр. 183—186, табл. XVIII, XIX, рис. 93—94.

¹² Там же, стр. 164—182, рис. 77—92, табл. XVI, XVII; А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. VII, 1959, стр. 64—67, рис. 8—11.

¹³ А. Х. Маргулан и др. Указ. соч., стр. 160—164, 174.

¹⁴ Удревнение возраста Бегазы и Дындыбая, а также Тагискена до X в. до н. э. представляется мне недостаточно обоснованным. Все типы стрел этих памятников четко датируются VIII в. до н. э. на основании широкого круга параллелей (А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, т. XVIII, 1953; он же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М.—Л., 1954; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, вып. В4—9, 1966, стр. 36).

ваемых центральноказахстанских, а следовательно, и семиреченских памятников. Более точный их возраст определяется на основании металлических изделий. В могильниках Таш-Тюбе II и Ортау II были обнаружены бронзовые однолезвийные ножи, в Вуадиле — двухлопастная стрела со скрытой втулкой, более архаичная, чем стрелы из Дындыбая и Бегазы. Эти предметы на основании многочисленных параллелей в памятниках позднебронзового века степей Евразии датируются самым концом II — началом I тыс. до н. э.¹⁵ Остальной материал не противоречит этой дате. Характерные для Семиреченских могильников серьги с раструбом типологически относятся к наиболее поздним образцам этой категории, так как восходят к серьгам с узким приемником, встречающимся в ранних комплексах¹⁶. Поздняя дата серег с раструбом подтверждается совместной находкой в могильнике Дахана в Фергане вместе с бусой дындыбаевского типа¹⁷.

Большое значение для установления возраста рассматриваемой группы памятников имеют находки в могильниках Ортау II и Айдарлы фрагментов керамики с налепным валиком¹⁸ — специфического типа посуды поселений эпохи поздней бронзы всей евразийской степи. Поселения с подобной керамикой известны в Семиречье¹⁹ и детально изучены на территории Центрального Казахстана²⁰. На основании металлических находок, конского убора и керамики они датируются концом II — началом I тыс. до н. э. Таким образом, на территории Семиречья выделяется группа памятников, датирующихся самым концом II — началом I тыс. до н. э. Они синхронны основной массе многочисленных кладов, происходящих с этой территории²¹, и, видимо, принадлежат тому же населению, что позволяет сделать вывод об относительно густой заселенности Семиречья в позднебронзовом веке.

Можно ли рассматривать эту группу семиреченских памятников как особую археологическую культуру? Под археологической культурой эпохи бронзы мы понимаем устойчиво повторяющуюся на ограниченной территории совокупность ряда признаков: погребального обряда (тип надмогильного сооружения, конструкция могильной ямы, способ и ориентировка погребения и сопровождающий инвентарь), керамического комплекса (форма сосудов, технология их изготовления, состав примесей, типы орнаментов и характер их расположения в зависимости от формы сосуда, а также техника нанесения орнамента) и типов украшений. В том случае, когда на большой территории признаки, определяющие археологическую культуру, прослеживаются не в одном и том же обязательном сочетании, а в различных комбинациях, так, что образуются цепочки групп памятников, взаимосвязанных по ряду определяющих культуру признаков, можно говорить о сложении археологической культурной общности, объединяющей отдельные локальные варианты.

Подходя с этих позиций, семиреченскую группу следует признать локальным вариантом в пределах андроновской археологической общности. По вопросу о его происхождении могут быть высказаны две рабочие гипотезы: 1) заселение Семиречья андроновскими племенами произошло на раннем этапе в результате демографического взрыва, явившегося следствием перехода к производящему скотоводческому хозяйству, приведшему

¹⁵ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 33—36, 44—50.

¹⁶ Там же, стр. 75.

¹⁷ Б. А. Литвинский. Даханийский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 51.

¹⁸ А. Х. Маргулан и др. Указ. соч., табл. XVII, XVIII.

¹⁹ А. Н. Бернштам. Указ. соч., табл. XXIX—XXXII; Архив ЛОИА, ф. 35 за 1941 г., № 92.

²⁰ А. Х. Маргулан и др. Указ. соч., стр. 255—257, табл. XXII, XXV, XXVI, XXVIII, XXXI, XXXIV—XXXIX, XLI, XLII, XLIV—XLVI, XLIX.

²¹ Е. Е. Кузьмина. Хронология некоторых кладов Семиречья. В сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 106—109.

к давлению избыточного населения. Дальнейшее развитие андроновских племен на территории Семиречья шло в том же направлении, что и в Центральном Казахстане, и привело к сложению близких форм материальной культуры; 2) заселение территории Семиречья произошло в эпоху поздней бронзы в результате начавшихся этнических передвижений. В обоих случаях потенциальной родиной населения Семиречья должен быть, по-видимому, признан Центральный Казахстан. Наиболее вероятно предположение, что территория Семиречья была освоена андроновскими племенами на ранних этапах, но интенсивное заселение ее относится к эпохе поздней бронзы.

Семиреченские памятники, как и айдарлинские в Центральном Казахстане, генетически связаны с предшествующими андроновскими²². Погребальный обряд восходит к алакульскому (скорченные погребения головой на запад в каменном ящике внутри ограды из плит на ребре). Распространение же в Киргизии обряда трупосожжения не служит хронологическим индикатором, а отражает влияние ритуала, имевшего распространение на соседних территориях (могильники Арпа²³, Тау-Тары²⁴). Посуда баночной и горшковидной формы, изготовленная ленточным способом, также сохраняет традиции алакульского керамического производства. На поселениях этот тип керамики сосуществовал с имевшей хозяйственное назначение посудой с наlepным валиком, тоже генетически связанной с алакульской.

Плавное развитие андроновского населения на территории Центрального Казахстана в конце эпохи бронзы было прервано постепенным проникновением инородного населения, шедшего, по-видимому, из Центральной Азии и Южной Сибири²⁵. Различные формы ассимиляции этого прошлого населения местными андроновскими племенами отражают памятники Центрального Казахстана, объединяемые нами во II группу.

Внедрение этого компонента в Киргизии хотя и прослеживается по керамике поселения Каинда и по некоторым типам металлических изделий, но не приводит к полной смене материальной культуры. Предпринятое А. Н. Бернштамом выделение особого, карасукского этапа в истории Семиречья²⁶ не подтверждается пока имеющимся материалом.

Сакская культура Семиречья наследует от позднеандроновской антропологический тип и некоторые традиции погребального обряда и керамического производства, к позднеандроновскому металлу восходят и основные типы металлических изделий сакского времени. Это позволяет принять высказанную К. А. Акишевым гипотезу о генетической связи сакского населения с андроновским²⁷ и рассматривать памятники семиреченского варианта андроновской общности эпохи поздней бронзы как непосредственных предшественников сакских.

²² Не вдаваясь в рассмотрение запутанного вопроса об отнесении памятников эпохи поздней бронзы к андроновской культуре или о выделении их в особые замараевскую и бегазинско-дындыбаевскую культуры, отметим, что памятники типа семиреченских или Алексеевского поселения в Западном Казахстане мы включаем в андроновскую общность, а типа Бегазы, Дындыбая и Тагискена — нет.

²³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, стр. 19, 20.

²⁴ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы Тау-Тары. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 14, 1962.

²⁵ Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы, КСИИМК, вып. XXII, 1950, стр. 136.

²⁶ А. Н. Бернштам. Основные этапы в истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949, табл.; В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Юго-Восточного Казахстана. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. VII. Алма-Ата, 1959, стр. 267, 269.

²⁷ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или, ч. I, гл. III, § 2. Алма-Ата, 1963.

М. А. ИТИНА

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Северная степная часть Средней Азии и южная подгорная полоса еще в III тыс. до н. э. представляли собой два региона, резко отличающиеся друг от друга культурно-исторически. На севере — это область расселения неолитических охотников и рыболовов, на юге — развитая земледельческая цивилизация, базирующаяся на искусственном орошении и уже знакомая с металлом.

Значительный интерес представляют памятники эпохи ранней бронзы низовий Зеравшана, объединяемые в заманбабинскую культуру, которые дают своеобразный конгломерат местной поздненеолитической культуры на более высокой ступени ее развития с весьма ощутимым привнесенным южным компонентом. Последнее проявилось не только в наличии явно привозных вещей, но главным образом в восприятии целого ряда технических новшеств (например, гончарных печей развитого типа), элементов материальной культуры (сосудов с росписью местного производства, металлических предметов, изготовленных по южным образцам, и т. д.). Одним из главных результатов контакта Севера с Югом здесь явилось появление орошаемого земледелия. Охота и рыболовство отходят на второй план, основными занятиями населения делаются земледелие лиманного типа и скотоводство¹. И именно эта перемена в хозяйстве прежде всего знаменует начало новой эпохи. И жилище, и керамика Заман-бабы, видимо, демонстрируют еще первые ступени в развитии культуры эпохи бронзы. Жилище и по форме, и по размерам очень близко неолитическим большим наземным домам, керамика дает еще остродонные формы. На то же указывает и обилие каменных изделий.

На территории древней Акчадарьинской дельты Амударьи, водный режим которой на разных этапах ее существования был различным, дело, видимо, обстояло несколько сложнее².

Сходство географических условий, принадлежность к одному этнокультурному кругу способствовали сходству в культурах неолитического населения низовий Зеравшана и Амударьи. Видимо, второй четвертью II тыс. до н. э. могут быть датированы стоянки Байрам-Казган 2 и Базар 2 в южной дельте. Жилища на стоянках Байрам-Казган 2 и Базар 2 дали окрашенную и залощенную керамику, украшенную оттисками

¹ О памятниках Махан-Дарьи см.: Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966.

² О динамике древних русел Амударьи см.: «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения». МХЭ, вып. 3. М., 1960.

штампа, керамику с приостренным дном и раздутым туловом, керамику вытянутых форм без ярко выраженных плеч, фрагменты узкогорлых сосудов, орнаментированных по горлу. В качестве примеси в глиняном тесте, как и в неолите, в ряде случаев использовался песок. Оттиски гусеничного штампа или насечки, идущие по всему тулову сосуда вертикальными рядами, по нашему мнению, также пережиток принятого в неолите разделения тулова сосуда на вертикальные орнаментальные зоны. Здесь теперь заполнение исчезло, остались лишь разделяющие зоны насечки.

И для этого времени фиксируются контакты с Югом. Так, в доме на стоянке Байрам-Казган 2 найдено два фрагмента керамики, белесая поверхность которых украшена орнаментом в виде вертикальных и горизонтальных полос и залитых треугольников, нанесенных коричневой краской. В заманбабинском комплексе тоже есть местная крашенная керамика, видимо подобная нашей. Есть в комплексе с Байрам-Казган 2 горшководные сосуды с приостренным дном, похожие на сосуды из Заман-Бабы. Однако заманбабинский комплекс старше наших, ибо и на стоянке Базар 2, и на Байрам-Казгане 2 мы встречаем уже фрагменты керамики тазабагъябского типа. Эти люди уже знали металл, но, судя по кремневым сколам, на стоянке Байрам-Казган 2 еще пользовались орудиями из камня. О наличии земледелия позволяет судить небольшой арык, отходящий от старицы, на которой была расположена стоянка Базар 2. Таким образом, для двух дельтовых областей мы можем констатировать культуру ранней бронзы, развивающуюся на базе неолитической и в одном случае в большей, в другом — в меньшей степени связанную с влиянием южных земледельческих областей. На остальной территории степей Средней Азии это время представлено случайными находками, в основном это металлические вещи, причем они свидетельствуют о значительном влиянии южных областей на северные³.

Примерно серединой — второй половиной II тыс. до н. э. датируются многочисленные находки грубой лепной керамики с характерным геометрическим орнаментом, обнаруженные на всей территории Средней Азии. В том числе и на памятниках южной подгорной полосы. Накопление новых материалов позволяет поставить под сомнение общеандроновскую принадлежность всех исследованных памятников.

В низовьях Амударьи в середине II тыс. до н. э. четко фиксируется население с ярко выраженной материальной культурой степного типа. Открытие целого заповедника стоянок этой культуры в районе Кокча-Джанбас дало большой материал по расселению, типу жилища, хозяйству тазабагъябских племен⁴. В керамическом материале стоянок мы видим в несколько сглаженной форме срубно-андроновский компонент. Предметов из металла очень мало. Бесспорно со срубно-андроновскими образцами связываются некоторые типы керамики и украшения из могильника Кокча 3⁵. Вместо больших наземных шалашей появляются полуземлянки со столбовой конструкцией более скромных размеров (8×8, 10×12 м), но группирующиеся по 3 или 5 в одном месте. Как мы полагаем, срубно-андроновские племена пришли в XVII—XVI вв. до н. э. в низовья Амударьи с северо-запада, из Южного Приуралья и к середине II тыс. до н. э. акклиматизировались, но не поглотили культуру местного населения. Культура эта была традиционно земледельческой, о чем свидетельствуют развитые ирригационные системы и поля, располагавшиеся вокруг домов.

³ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, вып. В4—9, 1966, стр. 89—90.

⁴ М. А. Итина. О месте тазабагъябской культуры среди культур степной бронзы. СЭ, 1967, № 2

⁵ М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ, вып. 5. М., 1961.

Это земледельческое направление в хозяйстве резко выделяет тазабагъябскую культуру среди культур степной бронзы Евразии. Скотоводство не играло здесь такой роли, как у срубных и андроновских племен. Мы находим в культурном слое тазабагъябских жилищ очень небольшое количество костей, а заупокойная пища погребенных в могильнике Кокча ³ мяса не содержала.

Итак, тазабагъябские племена, являясь носителями культуры степной бронзы, входили в ареал земледельческо-скотоводческих культур. При бесспорно преимущественных контактах с северо-западными областями исконно земледельческий Юг продолжает быть связанным с Хорезмом. В доме на поселении Кокча 15 в культурном слое, в типично тазабагъябском комплексе, был обнаружен фрагмент стенки кругового сосуда из светлой глины, который по типу относится к концу периода Намазга V, может быть, к началу Намазга VI. Это подтверждает правильность датировки данных поселений серединой — третьей четвертью II тыс. до н. э. В другом тазабагъябском доме была найдена литейная форма из сланца для отливки булавки с биспиральным навершием. В том же доме были обнаружены две льячки, что не позволяет сомневаться в местном использовании этой формы. Как известно, булавки подобного типа южного происхождения.

Проникновение на территорию Южного Приаралья степных племен из Южного Приуралья — явление не узколокального порядка. Видимо, процесс инфильтрации срубных и андроновских племен в среду местного среднеазиатского населения шел постоянно, на протяжении всей второй половины II тыс. до н. э. и позднее. Наиболее близка тазабагъябской культуре степной бронзы низовий Зеравшана, пришедшая на смену заманбабинской. Исследователи связывают ее формирование с приходом на эту территорию андроновских племен. Возможно, здесь могли происходить процессы, сходные с теми, которые мы наблюдали в Хорезме, а именно — приход срубно-андоновских племен и смешение их с местным населением, т. е., видимо, заманбабинцами. Сходные географические условия, сходная система хозяйства, основой которой также являлось ирригационное земледелие, наконец, сходная неолитическая основа культур обеих областей могли привести к формированию сходных культур эпохи развитой бронзы. Это один вариант возможного решения. Второй — непосредственный приход тазабагъябских племен в этот район. Мне представляется первый вариант более убедительным, хотя он, конечно, не исключает наличия культурных связей между населением низовий Амударьи и Зеравшана. Этнокультурную близость между населением этих двух областей Средней Азии подчеркивает нахождение в могильниках бронзовых восьмеркообразных привесок, которые больше на территории Средней Азии нигде не встречаются.

Мы не знаем путей развития культуры населения степной части Ферганы ранее конца II тыс. до н. э., но можем уверенно сказать, что она отличалась от хорезмской и махандарьинской. Это не дельтовая область, кайраккумские поселения располагаются близ основного русла Сырдарьи, и при уровне техники того времени вряд ли можно предположить, что люди могли выводить каналы прямо из русла. Видимо, действительно, основным направлением хозяйства было скотоводство и это не могло не отразиться на общем облике культуры. На местную культуру, вероятно, оказали влияние андроновские племена, пришедшие в Фергану из Семиречья. С другой стороны, усматриваемые исследователями некоторые срубные или тазабагъябские черты в кайраккумской культуре могли появиться за счет связей с Махан-Дарьей, которую мы вопреки Б. А. Литвинскому ⁶ никак не можем включить в ареал кайраккумской культуры.

⁶ «История таджикского народа», т. I. М., 1963, стр. 121.

Степная бронза Ташкентского оазиса изучена плохо. Можно предположить, что по среднему течению Сырдарьи было распространено в целом влияние андроновских племен. Могильники, раскопанные А. М. Мандельштамом на юге Туркмении, позволяют ставить вопрос о проникновении племен с культурой срубного типа на юг, в предгорья Копет-Дага⁷. В дельте Мургаба можно предположить сосуществование степных племен и земледельцев культуры Намазга VI, но дальнейший процесс развития культуры приводит все же к усовершенствованию ирригационной сети, следовательно к дальнейшему развитию земледельческого хозяйства и становлению культуры типа Яз I. В низовьях Амударьи продолжающееся развитие земледельческого хозяйства, совершенствование ирригационной техники, и все это в чрезвычайно благоприятных географических условиях, привели в конце II — начале I тыс. до н. э. к качественному изменению облика культуры. В керамике происходит возврат к старым, дотазабагьябским раздутым формам, умножается число сосудов с узким горлом и раздутым туловом. Это — позднесуярганская и амирабадская культуры, последняя представлена превосходным комплексом с поселения Якке-Парсан 2. В этот период наряду с дальнейшим развитием ирригационного земледелия увеличивается, видимо, роль отгонного скотоводства, так как количество стоянок этого времени в песках коренного берега Южной дельты и в Северной дельте очень велико.

Новым доказательством продолжающегося процесса инфильтрации степных племен из сопредельных областей Евразии на территорию Средней Азии является стоянка Джанбас 34, состоящая из круглых овальных жилищ, выстроенных на песке и имеющих у нижней части стен обваловку типа той, которой окружают современные юрты. Керамический комплекс здесь прямо связывается с керамикой степной бронзы Южного Приуралья и Западного Казахстана начала I тыс. до н. э. Этот комплекс, таким образом, синхронен амирабадскому, представляющему местное развитие культуры, но совершенно от него отличен.

Таким образом, большие этнические передвижения, охватившие территорию степей Евразии около середины II тыс. до н. э., не миновали территории Средней Азии. Здесь появились племена — носители срубной и андроновской культур, часть которых смешалась с различными группами местного населения, образовав различные, но все же во многом связанные между собой культуры поздней бронзы. Обладая навыками ведения земледельческого хозяйства, они оседали в пригодных для земледелия областях, где местное население уже занималось земледелием. Следует, однако, иметь в виду, что при этом играли роль не только гидрографические, но и климатические условия. Так, ни в северной Акчадарьинской дельте, ни в Сырдарьинской мы следов оседлых поселений и ирригации этого времени не обнаружили. Видимо, там был более суровый климат (эта разница между климатом Северной и Южной дельт ощущается и теперь). Неустойчивый водный режим дельтовых областей заставлял древних земледельцев часто менять места поселений.

С другой стороны, подвижность племен степной бронзы была связана со значительной ролью, которую играло в их хозяйстве скотоводство. Если находки керамики этого времени в районе древних дельт мы можем связывать с пастушескими стоянками, которые составляли как бы единое целое с оседлыми дельтовыми поселениями, то находки керамики того же времени вдали от этих областей требуют иного объяснения. Видимо, какая-то часть степных племен, не осевшая на землю, занималась в основном скотоводством и в поисках новых пастбищ передвигалась по руслам рек.

⁷ А. М. Мандельштам. Погребения срубного типа в Южной Туркмении. КСИА, вып. 108. М., 1966; он же. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении. КСИА, вып. 112. М., 1967.

Стоянки их длительными, видимо, не были, так как даже вдоль Узбоя их не так уж много и они невелики. Работы на территории Внутренних Кызылкумов, в районах Лявлякина и Аякагитмы, т. е. в районах бессточных впадин, дали весьма ограниченное количество керамики степной бронзы, в то время как неолит и энеолит представлены здесь сотнями стоянок. Дельтовое земледелие степных районов, очевидно, не было столь продуктивным, как на Юге, из-за неустойчивости водного режима дельты и, очевидно, постоянно мешающего древним земледельцам процесса засоления почвы. Сходство между отдельными культурами степной бронзы, основанное в целом на общности хозяйственного развития, большой роли обмена, развитой металлургии, зависящей от определенных рудных очагов, не дает нам все же основания видеть в населении степей Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы представителей какой-то одной культурной общности, например андроновской.

Мы могли убедиться, что пути хозяйственного развития отдельных племенных групп были, по-видимому, отличны, а это не могло не сказаться на облике их культуры. Скорее всего дальнейшие работы выявят на исследуемой территории наряду с тазабагъябской и кайраккумской культурами и другие культуры степной бронзы.

Какое влияние оказал приход срубно-андроновских племен на культуру населения Средней Азии в эпоху бронзы? Население степных областей было пришельцами ассимилировано, но к концу II тыс. местная линия развития культуры все же, видимо, взяла верх. С другой стороны, никаких прямых доказательств в пользу того, что «варвары» сокрушили южную земледельческую цивилизацию, нет. Да и вряд ли они могли бы это сделать, если на Юге это уже время появления протогородской цивилизации. Скорее всего, они составляли «варварскую» периферию этой цивилизации, с которой находились в постоянных сношениях. Вообще влияние более передовой, южной цивилизации на культуру степных племен было постоянным и в значительной мере способствовало развитию у них гораздо более высокого уровня культуры, чем у населения сопредельных областей Евразии.

И. Н. ХЛОПИН

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОЙ БРОНЗЫ¹

Во II тыс. до н. э. огромные пространства евразийских степей оказались занятыми скотоводческими по своей сущности археологическими культурами срубной и андроновской. Исторические судьбы этих культур хорошо известны (они перерастают в скифскую и сакскую), но их происхождение до сих пор является предметом дискуссий. Большинство исследователей решают проблему происхождения андроновской культуры сравнительно просто: где-то в конце III — начале II тыс. до н. э. в зоне контакта леса и степи происходит переход местных неолитических племен к производящей экономике². Эти племена на базе охотничьего хозяйства стали одомашнивать животных и тем самым перешли впоследствии к скотоводческому хозяйству. В действительности же названная проблема представляется нам не столь просто разрешимой. Существующая гипотеза о самостоятельном переходе местных племен к производящему, преимущественно скотоводческому, хозяйству оказывается беспочвенной при первой же попытке ее конкретизировать. В зоне контакта леса и степи условия для одомашнивания были вполне пригодными и там жили люди, которые вполне смогли бы это сделать; там не было одного — тех диких животных, которые могли бы стать объектом для одомашнивания. Значит, в силу одной только этой причины приручение животных там произойти не могло и самостоятельный переход к производящему хозяйству тоже. Поэтому в последующем изложении будут приведены некоторые соображения относительно происхождения этих культур, вернее, только андроновской, а еще точнее — ее федоровского этапа или варианта.

С нашей точки зрения, проблема происхождения культур степной бронзы, в первую очередь андроновской, складывается из двух аспектов — теоретического и практического. Под первым мы имеем в виду выяснение трех вопросов: 1) причины сложения скотоводческой экономики; 2) каким образом происходило сложение скотоводческой экономики, динамика этого процесса; 3) каким временем датируется этот процесс на исследуемой

¹ Из-за ограниченного объема статьи в ней затрагивается лишь один из вопросов, содержащихся в докладе на совещании; в связи с этим название стало более конкретным (см.: И. Н. Хлопин. К возникновению скотоводческого базиса. «Проблемы археологии Средней Азии (тезисы докладов)». Л., 1968, стр. 33—35).

² Например: К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 340—342; Э. А. Федорова-Давыдова. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. М., 1968.

территории. Практический аспект — реальные археологические культуры в степной зоне и их взаимосвязи.

Остановимся прежде всего на первом аспекте. Поскольку эта проблема рассматривается в других наших работах³, первый аспект проблемы нами по существу постулируется.

В результате первого крупного общественного разделения труда в человеческом обществе — выделения коллективов с производящей экономикой из массы охотничье-собираТЕЛЬСКИХ варваров — создались объективные условия для возрастания численности и плотности населения в ряде областей Переднего Востока. Для снятия возникших противоречий между количеством населения и слабо развитыми производительными силами происходит первая общественная сегментация, следствием которой следует считать освоение всей древнеземледельческой ойкумены, всего южного земледельческого пояса коллективами людей с производящей экономикой. По прошествии значительного отрезка времени численность и плотность населения в этой области снова возрастают, но на этот раз суть этого перенаселения была иной. Поскольку к этому времени все пригодные для любой отрасли производящего хозяйства земли были уже заняты, в глубинных областях земледельческой ойкумены складывается действительно трудное положение — отсюда практически не было выхода избыточному населению. По окраинам этой зоны дело обстояло проще — по периферии простирались практически бескрайние просторы, с точки зрения людей, ведущих производящее хозяйство, пустые. Хотя они и были заселены какими-то коллективами людей с присаивающей экономикой, плотность их охотничье-собираТЕЛЬСКОГО населения была ничтожной. Происходит вторая общественная сегментация, совпавшая по существу со вторым общественным разделением труда, — из среды оседлых земледельцев выделяются преимущественно скотоводческие роды. С этих пор можно говорить о существовании в недрах общества с производящей экономикой двух хозяйственных укладов, двух основных направлений хозяйственной деятельности: земледельческого и скотоводческого, которые впоследствии превращаются в полярные взаимоисключающие сущности.

Определить время выделения скотоводческих племен позволяют нам данные археологических исследований, проведенных в последние годы на территории Средней Азии, так как именно там происходило формирование скотоводческих культур степной зоны. Территории, расположенные к северу, северо-востоку и востоку от оседлоземледельческих культур Южной Туркмении, были вплоть до второй половины III тыс. до н. э. населены неолитическими охотниками и собирателями. Затем наблюдается проникновение в их среду производящей экономики, появляются позднекельтеминарские комплексы по Узбою и в Приаралье и культура Заман-баба в низовьях Зеравшана. Их появление принято датировать второй половиной III — первой половиной II тыс. до н. э. Отдельные находки могут указать исходный пункт, откуда в среду охотников и рыбацких племен проникли основы производящего хозяйства, культурные знаки и домашние животные, с новыми производственными навыками и новой производственной терминологией. Очагом воздействия для Хорезма была культура бронзового века типа Шах-тепе и Туренг-тепе в Мазендеране и Юго-Восточном Прикаспии;⁴ для среднеазиатского междуречья — культура эпохи ранней бронзы Южной Туркмении (Намазга IV)⁵. Поскольку

³ И. Н. Хлопин. Сегментация в истории первобытного общества. «Вопросы истории», 1968, № 8, стр. 99—111; он же. Первое крупное общественное разделение труда. «Вопросы философии» (в печати); он же. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. СА (в печати).

⁴ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 27—41; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 133—145.

⁵ Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскар-ов. Первобытная культура и воз-

сегментация избыточного населения из массива первобытных земледельцев происходила практически одновременно во все стороны, в определении абсолютной даты этого события помогают документы из Месопотамии: они фиксируют нашествие одного из земледельческо-скотоводческих племен, а именно кутиев, на страны Шумера и Аккада в 2228 г. до н. э.⁶ Причины, побудившие кутиев покинуть искони им принадлежавшие земли, были скорее всего того же порядка, что и на северных окраинах первобытноземледельческого мира; практическое совпадение дат позднего кельтеминара, культуры Заман-баба и нашествия кутиев не может иметь случайного характера; все это позволяет утверждать, что выделение скотоводческих племен из общей массы земледельцев на территории Переднего Востока и Средней Азии произошло в последней трети III тыс. до н. э. Таков первый, теоретический аспект происхождения скотоводческих культур степной бронзы.

В середине II тыс. до н. э. бескрайние просторы лесостепной и северной степной зоны (Зауралье, Северный и Центральный Казахстан) были заняты памятниками скотоводов, которые одни исследователи (С. С. Черников, М. П. Грязнов, В. С. Сорокин, К. В. Сальников, Г. А. Максименков и др.) называют федоровским этапом андроновской культуры, другие (Э. А. Федорова-Давыдова, П. М. Кожин, В. С. Стоколос, М. Ф. Косарев и др.) — самостоятельной федоровской культурой, существовавшей одновременно с алакульской. Одним из показателей принадлежности того или иного памятника к федоровским является своеобразная керамика, орнаментированная геометрическими узорами из отрезков прямых линий, образующих зигзаги, треугольники и ромбы, меандры разной сложности и различные меандровидные фигуры⁷. Независимо от того, как принимать федоровскую и алакульскую культуры, последовательно или параллельно, наше внимание в дальнейшем будет остановлено на орнаментации именно федоровской керамики. Однако прежде следует указать, каким образом и под каким углом зрения в будущем нужно рассматривать керамическую орнаментацию.

Во-первых, керамическая орнаментация является одним из наиболее изменчивых проявлений любой археологической культуры, что великолепным образом известно по материалам южнотуркменистанских земледельческих поселений, где эволюцию керамической орнаментации можно проследить буквально по строительным горизонтам. Во-вторых, керамическая орнаментация, как и орнаменты того или иного народа вообще, обладает свойством при изменении в процессе эволюции все же сохранять неизменными основные черты, которые могут быть прослежены в течение очень длительного отрезка времени; примеры тому мы опять-таки можем найти в южнотуркменистанских материалах. В-третьих, керамическая орнаментация в большинстве несет определенную семантическую нагрузку, часто нам непонятную; это значит, что надо считать существенным то, что изображено на сосуде, и совершенно несущественным то, каким образом или при помощи чего это существенное было нанесено на поверхность сосуда. Сочетание этих свойств и позволяет привлекать керамическую орнаментацию в качестве своеобразного, но надежного исторического источника.

Для решения исторических вопросов, особенно связанных с реальной этногенетической историей того или иного общественного организма, нужно производить в пределах одного культурного комплекса тщательный

никновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, стр. 163—170.

⁶ И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 104—114.

⁷ В. С. Сорокин. Андроновская культура. «Памятники западных районов». САИ, В 3—2, вып. 1. М.—Л., 1966, стр. 6.

отбор орнаментального материала. Надо отбросить массовые и простые орнаменты и сосредоточить свое внимание на сложных и редких композициях — подобно тому как при анализе археологического металла основным показателем для исторических выводов являются в основном микропримеси и содержание тех или иных редкоземельных элементов.

Если подходить к федоровской керамике с таких позиций, последняя предстанет в несколько ином свете. Все кажущееся многообразие орнаментов можно в конечном счете свести к 10—12 группам. Сравнение этих групп с керамической орнаментацией тех мест, откуда, по нашему мнению, вышли будущие скотоводы, а именно с материалами из южнотуркменистанских поселений эпохи ранней бронзы, может привести к поразительным результатам. Ряд композиционных схем (бордюры из свисающих треугольников, орнаментированные донца, фризы из равноконечных крестов и зигзагов и др.) могут быть непосредственно выведены из керамической росписи времени и типа позднего Намазга III — раннего Намазга IV. Все это подтверждает правильность теоретического объяснения сложения скотоводческого базиса, с одной стороны, и нашу гипотезу о возможном происхождении федоровской орнаментации керамики, с другой, и косвенно, гипотезу о южных истоках скотоводческих культур степной бронзы⁸.

Таков второй, практический аспект происхождения скотоводческих культур эпохи бронзы, вернее, не аспект, а направление исследований.

Таким образом, на современном уровне наших знаний, который вытекает из известных археологических материалов, можно считать, что отдельные культуры эпохи бронзы, распространенные от Урала до Енисея и известные под собирательным названием андроновских, сложились первоначально в зоне контактов местного охотничье-собирающего населения с пришлым, принесшим с собой навыки и формы производящего хозяйства. Эти навыки попали в благоприятную почву, и через несколько столетий возникли качественно иные культуры, отличные от местного неолита, и от пришлых когда-то культур эпохи бронзы. Сохраняя какие-то несущественные черты, в частности сюжеты керамической орнаментации пришельцев, новый, молодой этнический пласт распространился по всей огромной лесостепной и степной зоне. Препятствием к его дальнейшему распространению на север и восток стали тайга, в условиях которой ведение привычного хозяйства было невозможно, и горы. Поэтому мы и наблюдаем распространение федоровских памятников севернее алакульских — это была вторая волна нового этнического пласта (в первой надо видеть ямную и афанасьевскую культуры, которые показывают нам пределы распространения населения с производящей экономикой из передне-восточного очага). Все это дает нам право считать, что носители культур степной бронзы являются потомками как южных земледельческих родов, так и населения Приаралья и среднеазиатского междуречья с присваивающей экономикой.

Отмечая тенденцию распространения степных культур веерообразно с юга на север, нельзя не вспомнить о существующих взглядах на распространение носителей андроновской культуры в противоположном направлении⁹. В свое время эти взгляды опирались на находки керамики своеобразного облика на южнотуркменистанских поселениях эпохи поздней бронзы. Эту керамику, во всяком случае в большинстве, несмотря на

⁸ Объем статьи не позволяет нам всесторонне аргументировать выдвинутые положения. Это будет сделано в специальной большой работе на эту тему, подготавливаемой к печати.

⁹ Эти взгляды с указанием литературы вопроса см. в кн. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», стр. 230—232.

формальное ее сходство с так называемой степной посудой, следует все же полагать местной кухонной¹⁰. В таком случае ни о каком продвижении андроновских племен на юг и их вторжении в исконно земледельческие области говорить не приходится. Так же обстоит дело и с движением на юг ведических ариев, которых некоторые исследователи прямо отождествляли с носителями андроновской культуры¹¹. Не затрагивая в этой работе вопроса об этнической и языковой принадлежности носителей культур степной бронзы, можно считать, что выдвинутая нами гипотеза происхождения этих культур уже сама по себе отрицает возможность отождествления андроновцев с ведическими ариями, поскольку первые не двигались с севера на юг, а вторые все же прошли этот путь, хотя он, безусловно, и не начинался в степной зоне.

¹⁰ См.: И. Н. Хлопин. Раскопки на Намазга-депе. В сб. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 350. Возможность такого вывода предвидел В. М. Массон еще в 1959 г. («Древнеземледельческая культура Маргианы». МИА, № 73. М.—Л. 1959, стр. 116, прим. 86).

¹¹ А. Н. Бернштам. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 19.

А. Я. ШЕТЕНКО

О ТОРГОВЫХ ПУТЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ПО МАТЕРИАЛАМ ТУРКМЕНИСТАНО-ХАРАППСКИХ
ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Археологические работы в Южной Туркмении, проводимые Каракумской экспедицией ЛОИА АН СССР и XIV отрядом ЮТАКЭ под руководством В. М. Массона, открыли новый центр раннеземледельческих культур Старого Света, где прогрессивное развитие древних обществ уже в эпоху бронзы привело к сложению протогородских центров современников древнейших цивилизаций Востока¹. Были отмечены определенные связи этих памятников с культурами соседних стран, и в частности с городской цивилизацией Хараппы. Уже Э. Маккей, а за ним и С. Пиггот подчеркивали возможность контактов носителей хараппской культуры с обитателями прикопдагских областей СССР². Работы советских ученых подтвердили это предположение и дали новый материал, характеризующий индийско-среднеазиатские культурные связи в эпоху энеолита и бронзы³. Причем вполне справедливо указывалось на возможность как взаимовлияний, так и прямых торговых контактов. Материалы из Южной Туркмении, которые можно привлечь для изучения этого вопроса, включают две основные группы: вещи индийского импорта и предметы, отражающие индийское влияние.

Особый интерес представляют изделия из слоновой кости: 11 плоских квадратов, 2 диска, украшенные гравировкой, и 3 четырехгранные

¹ В. М. Массон. Историческое место среднеазиатской цивилизации. СА, 1964, № 1, стр. 12—25; он же. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, № 3, стр. 165—190.

² E. Mackay. Further excavations at Mohenjo-Daro. New-Dehli, 1938; S. Piggott. Notes on certain pins and mace-head from Harappa culture. Al, 1950, N 4, p. 26—33; S. Piggott. Prehistoric India to 1000 B. C. London, 1952, p. 225—228.

³ В. М. Массон. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 34—47; он же. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73. М.—Л., 1959, стр. 27—28; он же. Рец. на кн.: W. A. Fairervis. Excavations in Qwetta Valley, West Pakistan. СА, 1960, № 3, стр. 253—260; В. И. Сарияниди. Керамическое производство древнемаргианских поселений. ТЮТАКЭ, т. VIII, 1958, стр. 339, 345; он же. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, вып. Б—3—8, ч. IV, 1965, стр. 47—50; И. Н. Хлопин. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 14—21; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, вып. В—4—9, 1966; А. Я. Шетенко. Работы на стратиграфическом раскопе Алтын-Депе в Южной Туркмении. КСИА, вып. 115, 1968. Соответствующие сведения по материалам нашего доклада на секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР 10 февраля 1967 г. опубликованы С. П. Гуптой. См.: S. P. Gupta. India and Soviet Central Asia. «Soviet Land», 1967, № 16, p. 14—15.

Категории		П е р в а я																				
Типы керамики	по М. Уильеру																					
	по Е. Маккею	A	B, K	G		G	E	C, H	C				G		V	A, C	X		A, S		A, F	A, E
Долина Инда	Могили-ник R-37	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
	Поселе-ние		■			■			■													■
	Раскоп G																					
Южная Туркмения	Алтын-Депе	X	■			■			■													
	Намазга-Депе	X																				
	Анау	X																				

■ 1   ▨ 2   ⊗ 3   ■ 4

Рис. 2. Сопоставление керамики харапской культуры с керамикой времени Намазга V Южной Туркмении

1 — один экземпляр; 2 — редко встречаемый тип; 3 — характерный тип; 4 — тип, найденный в изобилии

палочки, орнаментированные насечками и концентрическими кружками⁴. Аналогии им известны в Хараппе и Мохенджо-Даро, в нижних и верхних слоях, где они встречены в большом числе⁵.

В погребениях 41 и 60 раскопа № 5 Алтын-Депе было найдено много бус, среди которых выделяются белые сегментированные, по форме напоминающие такие же бусы харапской культуры⁶. Они найдены в Хараппе на поселении и в могильнике R-37, в Чанху-Даро в харапских слоях, в Мохенджо-Даро в нижних и верхних слоях (в последних их меньше), в Лотхале и Рангпуре, где они бытуют лишь в периоде II A развитой харапской культуры и исчезают в позднехарапских слоях периода II B. Харапские фаянсовые сегментированные бусы по спектральному анализу идентичны бусам III среднеминойского периода, которые получили широкое распространение в Египте во II тыс. до н. э. 4 сегментированные бусины из Алтын-Депе по химическому составу близки древнеегипетскому фаянсу⁷.

Другие предметы Южной Туркмении: черешковый бронзовый кинжал листовидной формы, металлическая сковорода с длинной ручкой, булавки с биспиральной головкой или с навершием в виде животных, браслеты в две-три спирали, бусы — хотя и имеют параллели в индийских материалах, но возможность появления их под влиянием Ирана или Месопотамии также не исключена.

Новые веяния прослеживаются и в коропластике южнотуркменистанских племен. Наряду с традиционными женскими статуэтками и антропоморфными фигурками, имеющими глубокие корни в искусстве древних земледельцев предгорий Копет-Дага, появляется совершенно новый тип мужских статуэток с эротически прочувствованными, хорошо моделирован-

⁴ А. Ф. Г а н я л и н. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-Тепе. СА, 1967, № 4, стр. 216, рис. 6, 1, 6, 10—20; 24, 25.

⁵ А. Я. Щ е т е н к о. Указ. соч., рис. 2, 8—13.

⁶ Там же, рис. 2, 20, 21.

⁷ Спектральный анализ Д. В. Наумова (лаборатория археологической технологии ЛОИА АН СССР).

аналогичная петле описанного выше экземпляра¹³. Появление печатей с петлей, нехарактерное для долин Инда, возможно, отражает определенные южнотуркменистанские влияния. Это подтверждается и распространением в индийских материалах бус и вставок для инкрустации в виде многоступенчатой пирамиды — мотива, весьма популярного у обитателей прикопетагской равнины. В меньшей мере подобные влияния прослеживаются в керамическом комплексе. Можно отметить лишь одну форму, очень редкую в Индии, — блюдо на гофрированной ножке из Хараппы, которая весьма характерна для гончарной керамики времени Намазга V.

Советские исследователи часто обращались к материалам Афганистана и Индии, чтобы проиллюстрировать контакты среднеазиатского центра раннеземледельческих культур со своими соседями¹⁴. При этом сравнения производились главным образом с комплексом Мундигак IV и культурой Кветты (комплексы Саадат II—III). С другой стороны, работы зарубежных исследователей касались взаимоотношений хараппской цивилизации с ее ближайшими соседями. И опять в поле зрения ученых оказались яркие культуры Кандагара, Кветты, долины Эхоба (комплексы Мундигак IV, Рана-Гхундай IV, Периано-Гхундай). Влияние хараппской культуры на них было очевидным¹⁵.

Причем отмечалось, что самые ранние контакты относятся еще ко времени культуры Эхоба, а усиление их приходится на период Рана-Гхундай IV и Пост-Сур-Джангал III¹⁶. Так, в Периано-Гхундай большое число предметов прямо указывало на индийское (хараппское) происхождение. Это: ситечко, крышки для сосудов, гравированные чаши на подставке, string-marked pottery¹⁷. Другие типы керамики — Periano reserve slip и Periano wet — также предполагали хараппские связи¹⁸.

С другой стороны, в Периано-Гхундай заметны и опосредствованные влияния (через Кветту) южнотуркменистанского орнаментального стиля¹⁹.

В районе Кветты типично хараппские элементы росписи (лист пипала, буйвол, дрофа) украшены местными узорами²⁰. Дальше на северо-запад, в Мундигаке, эти влияния заметно слабее, керамический комплекс здесь весьма своеобразен по формам и лишь отдельные элементы росписи указывают на хараппские прототипы²¹. В Южной Туркмении уже совершенно отсутствует роспись хараппского типа, нет характерных форм сосудов (кубок с приотстренным дном — тип III и др.). Такая же картина уменьшения интенсивности встречных воздействий наблюдается и в обратном направлении. Еще в Кветте, в комплексах Саадат II—III, есть элементы туркменистанского орнаментального стиля, тогда как в долине Инда они пока не известны.

В настоящее время общепризнанным считается наличие морского торгового пути от Лотхала до городов Двуречья²². Возможно, существовал

¹³ J. Casal. Fouilles d'Amri, v. II. Paris, 1964, fig. 116, 27.

¹⁴ См. выше прим. 3.

¹⁵ W. A. Fairervis. Archaeological surveys in the Zhob and Loralai districts. West Pakistan. APAMNH, v. 47, pt. 2. N. Y., 1959, p. 364; B. de Cardi. Excavations and reconnaissance in Kelat, West Pakistan. «Pakistan Archaeology», N 2, Karachi, 1965, p. 86—182; G. F. Dales. A suggested chronology for Afghanistan, Baluchistan and the Indus valley. In «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago—London, 1965, p. 257—284.

¹⁶ W. A. Fairervis. Указ. соч., стр. 364.

¹⁷ Там же, стр. 333, фиг. 51 a—b.

¹⁸ Там же, фиг. 52 a—k, 53 b, d—e.

¹⁹ Там же, фиг. 49, e—c.

²⁰ W. A. Fairervis. Excavations in the Qwetta Valley. «West Pakistan». N. Y., 1956, fig. 420, 429—434.

²¹ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. II. Paris, 1961, fig. 64, 171; fig. 72, 266; fig. 83, 306 a.

²² S. R. Rao. Shipping and maritime trade of the Indus people. «Expedition», 1965,

и сухопутный тракт через Южный Белуджистан, связывавший древнеиндийскую цивилизацию с Эламом и Шумером²³, а через них и с Южной Туркменией²⁴.

Однако есть основания предполагать, что были и более прямые пути, шедшие от Хараппы и Мохенджо-Даро к предгорьям Копет-Дага. Первый, северный, мог идти от Хараппы через Хайберский проход до района Кабула. Оттуда прямо на запад до Герата, вдоль южных отрогов хребта Кухи-Баба ведет цепочка удобных перевалов. В районе Герата путь мог уходить на северо-запад и, минуя р. Герируд, достигал предгорий Копет-Дага. Несколько короче был маршрут от Мохенджо-Даро до Алтын-Депе. Исходным пунктом являлся Боланский проход, откуда в район Кветты, а затем Кандагара и Ферраха вели удобные перевалы. На этом отрезке пути известны археологические комплексы, рассмотренные выше, подтверждающие существование такого маршрута в эпоху бронзы. Дальше, однако, приходится оперировать пока только географическими факторами, поскольку в археологическом отношении области Восточного Ирана слабо изучены. От Ферраха путь, вероятно, сворачивал на север и у Герата на перевалах Рабат-Мирза и Сенг сливался с северным маршрутом, идущим от Хараппы. Возможно, правда, и третий вариант: северный маршрут не был освоен еще в хараппское время, а жители долины Инда только через Боланский проход осуществляли контакты с другими племенами, обитавшими на западе.

Дальнейшие археологические изыскания на территории Ирана, Пакистана и Афганистана будут способствовать изучению вопроса о древних культурных связях и возможных торговых маршрутах эпохи бронзы.

v. 7, N 3, p. 30—37; G. F. D a l l e s. Harappan outposts on the Makran Coast. «Antiquity», v. 36, N 142.

²³ В. М. М а с с о н. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, стр. 192.

²⁴ На это указывает ряд параллелей южнотуркменистанским материалам, происходящим из поселений Макранского побережья. Например, вазы на ножках, «чайники», цилиндрические вазы, спаренные сосуды, полусферические чаши, печати, булавки, зеркала, жезл с навершием в виде верблюда, некоторые типы орнамента (см.: A. Ste in. An archaeological tour in Gedrosia. MASI, 1931, № 43, pl. XI, XIII, XIV, XVI, XXII, XXX, XXXII; он же. Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, pl. VIII, A, 347; A, 191; Kun 2; XVIII, 258; XIX, 176, 254; XXXI, 3, 7, 10; XXXII, 9, 10; XXXIV, 2—4, 16—17) не имеют аналогий в хараппских материалах, но зато сходные вещи есть в Южной Туркмении (см.: Б. А. Л и т в и н с к и й. Намазга-Депе. СЭ, 1952, № 4, рис. 5—6; А. Ф. Г а н я л и н. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-Тепе, рис. 1, 4—7; М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфти-на. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, табл. XXXVII; Е. Е. К у з ь м и н а. Указ. соч., табл. XII, 1, 2; XIII, 12; XVI, 1.

А. АСКАРОВ

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В МУМИНАБАДЕ

В свете исследований последнего времени огромная территория Узбекистана предстает как область широкого распространения памятников эпохи бронзы как древнеземледельческих, так и скотоводческих. Однако, несмотря на значительные успехи, достигнутые в этой области, еще многие районы республики остаются малоисследованными и каждое новое открытие продолжает заполнять «белые пятна» на археологической карте республики и помогает углублять наши представления о культурах эпохи бронзы.

В этом отношении весьма примечательно открытие и исследование андроновского могильника в селе Муминабад в Самаркандской обл. Могильник был открыт рабочим виносовхоза «Ургут» М. Ташевым во время посадки виноградника на приусадебном участке, расположенном на берегу одного из саев предгорной полосы левобережного Зеравшана. Могильник первоначально был обследован Д. Н. Левом¹ в 1964 г., а его детальное исследование производилось осенью 1966 г. автором настоящих строк.

На территории могильника было вскрыто всего 5 могил, не тронутых в древности кладоискателями, но в значительной степени разрушенных М. Ташевым при посадке виноградника на площади могильника.

В могилах встречались лишь одиночные захоронения, лежавшие в скорченном положении (рис. 3, 10). В каждую могилу ставились глиняный сосуд или его обломки, украшенные орнаментом в виде равнобедренных треугольников, ряда косых и коротких насечек, горизонтально расположенных зигзагов или ломаных линий, нанесенных гладким штампом. В одной из могил найдены обломки каменной зернотерки.

Наблюдения, произведенные во время раскопок, показали, что захоронение производилось в одежде, которую покойник, видимо, носил при жизни. Эта одежда и головные уборы были богато вышиты многочисленными мелкими бусами, на что указывает их расположение почти по всему скелету. Особенно много бусинок в грудной части, где они образуют цепочку в виде овала. Очевидно, это было ожерелье, свободно висевшее на шнурах. Действительно, в отверстиях многих бус сохранились остатки льняной нитки.

В области ушей погребенных расположены позолоченные серебряные височные кольца или бронзовые и золотые серьги с широким раструбом, имеющие на одном конце бубенчик. Отверстие, в котором закреплялся утонченный другой конец, образует при этом неправильный круг или овал. На костях обеих рук покойников находились по два, а иногда и по три

¹ Д. Н. Лев. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда. КСИА, вып. 108. М., 1966.

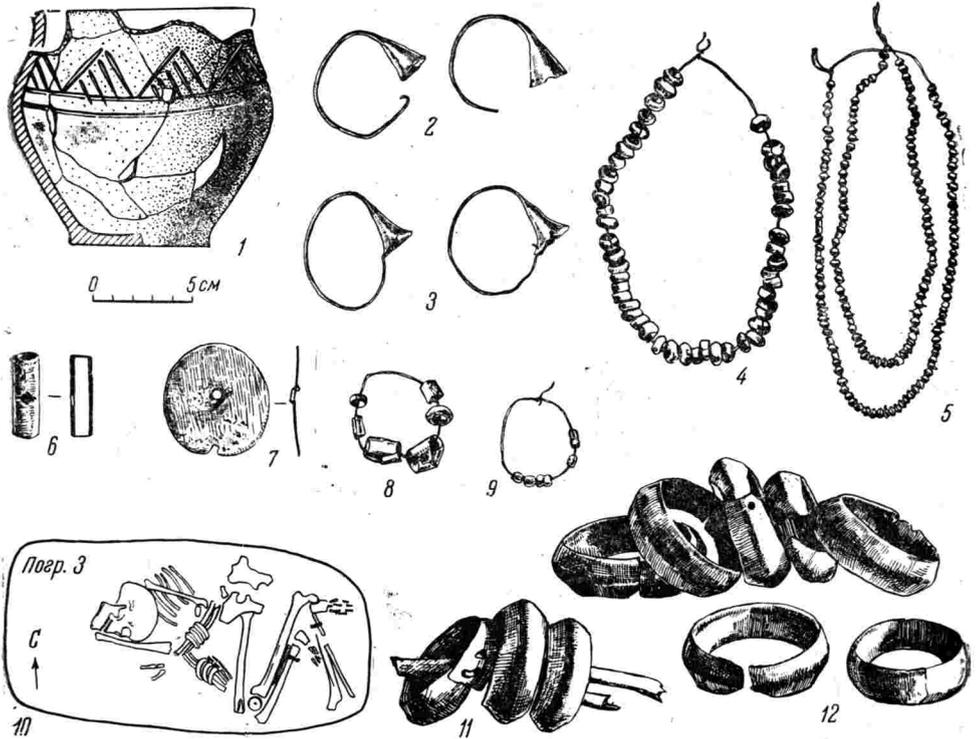

Рис. 3. Погребальный инвентарь из могильника Муминабад

1 — главный сосуд; 2—9, 11, 12 — украшения; 10 — погребения

браслета (рис. 3, 11, 12), изготовленных из ковanej бронзовой полоски с желобчатой выпукло-вогнутой поверхностью. В некоторых могилах находились небольшие круглые, плоские бронзовые зеркала с петелькой в центре (женский набор косметики), а в одном случае была обнаружена костяная свирель, которая лежала, видимо, в кармане грудной части одежды покойного. Определенное расположение каждого предмета в могилах позволяет в известной мере воссоздать характер одежды того времени и наряду с этим дает некоторое представление об обряде захоронения. Золотые серьги, позолоченные серебряные височные кольца и бронзовые браслеты наряду с многочисленным литым бисером являются образцом своеобразной роскоши убранства и богатства племен эпохи бронзы.

Как видно из описания археологических материалов, весь археологический комплекс, а также обряд захоронения могильника Муминабад ничем не отличается от памятников андроновской культуры. Так, например, керамика Муминабада исключительно горшковидная, что характерно для андроновской культуры (рис. 3, 1). Форма височных колец и серег с широким раструбом, а также бронзовые браслеты с желобчатой выпукло-вогнутой поверхностью находят себе полные аналогии в памятниках андроновской культуры.

Вместе с тем интересно отметить, что исследование краниологического материала могильника Муминабад (два черепа изучены антропологом В. Я. Зезенковой) указывает на генетическую связь представленного здесь антропологического типа с более древним населением Средней Азии.

Длинноголовые черепа могильника Муминабад явно отличаются от андроновских высоким лицевым скелетом, узким средневыступающим носом и имеют много общего с антропологическим типом, представленным в заманбабинской и чустской культурах.

Выявление андроновских черт материальной культуры древнейшего населения Муминабада в сочетании с антропологическими материалами средиземноморского типа не новое явление для памятников степной бронзы Средней Азии.

Так, исследованиями Т. А. Трофимовой установлено, что серия черепов из тазабагъябского могильника Кокча 3 также оказалась смешанной. Здесь достаточно отчетливо намечается два компонента²: 1) население с относительно большими размерами мозговой коробки, характеризующееся низким и широким лицевым скелетом, и 2) население с меньшими размерами мозговой коробки, обладающее очень высоким и относительно узким лицевым скелетом. При этом последний тип составляет большую серию черепов могильника. Т. А. Трофимова отмечает, что этот второй тип серии имеет сходство с древними формами средиземноморского типа, известными для эпохи бронзы на территории Средней Азии и Северной Индии, в то время как первый тяготеет к антропологическим вариантам, характерным для более северных районов, занятых срубной и андроновской культурами. Не менее интересен андроновский могильник Вуадиль. Весь облик археологического материала этого памятника явно андроновский. Но исследованный череп со значительно более длинной и узкой черепной коробкой³ сильно отличается от черепов «классической» андроновской культуры.

Все это лишний раз указывает на сложный этнический состав носителей среднеазиатских культур типа степной бронзы и на их широкие историко-культурные связи.

² Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. МХЭ, вып. 2. М., 1959, стр. 15—29.

³ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1956, стр. 86—87.

III. АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА

А. К. АБЕТЕКОВ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О ХОЗЯЙСТВЕ ДРЕВНИХ УСУНЕЙ

До недавнего времени оседлоземледельческие памятники эпохи усуней в Семиречье и в Киргизии были неизвестны. Это объясняется недостаточной еще изученностью археологических памятников Киргизии и отсутствием специальных поисков поселений эпох ранних кочевников. Представляющая большой интерес Аламединская стоянка усуньского времени, обследованная еще в 1930 г. М. В. Воеводским и отнесенная им и А. И. Тереножкиным к усуням¹, до сих пор оставалась без серьезной исторической интерпретации. Стоянка обнаружена случайно во время земляных работ в зоне канала гидроэлектростанции Аламедин. К моменту обследования памятник был сильно разрушен. Выявить остатки каких-либо строительных сооружений и жилых помещений не удалось. Культурный слой содержал большое количество керамики, подобной находимой в усуньских могилах, множество напоясел цилиндрической формы, различные грузила, кости животных. Этим исчерпываются наши сведения о стоянках и оседлоземледельческих поселениях усуней.

В литературе существует мнение, что усунь — кочевники и основу хозяйства их составляло скотоводство². В древнекитайской хронике сообщается, что усунь не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место в зависимости от запасов травы и воды³. Археологические источники, характеризующие в основном скотоводческое хозяйство ранних кочевников Семиречья, а также отсутствие оседлоземледельческих памятников этой эпохи не позволяли ясно представить вопрос о земледелии у усуней. Правда, в конце 30-х годов М. В. Воеводский и М. П. Грязнов высказали предположение, что земледелие у усуней было, но роль и место его оставались во многом невыясненными. Свое предположение они аргументировали следующим образом: «Прежде всего этому противоречит нахождение большого количества тяжелой и хрупкой глиняной посуды, мало употреблявшейся у народов, ведущих чисто скотоводческое кочевое хозяйство. Кроме того, о наличии земледелия го-

¹ А. И. Тереножкин. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. ПИДО, № 5—6. М., 1935, стр. 139—150.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 37—38; А. К. Кибиров. Археологические работы в Тянь-Шане. ТКАЭ, II. М., 1959, стр. 111; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 264.

³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 190.

ворят остатки обугленных зерен и шелухи от них, прилипших ко дну одного из сосудов, и находка в одной из могил жернова»⁴.

А. Н. Бернштам оспаривал это, говоря, что зерна могли быть привозными, а жернов мог служить для растирания купленного или полученного в дань зерна. Торговли мукой в древности мы не знаем. Жерновом могли растирать продукты собирательства⁵. В то же время, не отрицая возможности занятия усуней земледелием, А. Н. Бернштам предполагал, что обеднение части усуней-скотоводов вынудило их к оседанию в местах, где интенсифицировались формы скотоводческого хозяйства и наряду с заготовкой фуража постепенно выростало земледелие. Наконец, А. Н. Бернштам отрицал доводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова, ссылаясь и на отсутствие сообщений об этом в китайских источниках о земледелии усуней⁶. А. К. Кибиров и Г. А. Кушаев вслед за А. Н. Бернштамом также считали, что экономическую основу хозяйства усуней составляло скотоводство и это было главным направлением развития, которое определило специфику усуньского общества⁷. Таким образом, имеющиеся работы показывают, что многие существенные стороны проблемы хозяйства усуней разработаны еще недостаточно и отсутствует единая точка зрения о хозяйстве и земледелии у усуней.

В течение последних 5—6 лет стало известно около семи пунктов оседлоземледельческих поселений усуней в Казахстане и Киргизии. В 1962 г. К. А. Акишеву удалось открыть довольно крупное поселение Ак-Тас II на южных склонах хребта Кетмень-Тау, в ущелье Курайлы на правом берегу р. Кегень⁸. В эти же годы он зарегистрировал остатки еще четырех аналогичных поселений в том же ущелье. Наконец, керамические находки (подъемный материал), сделанные К. А. Акишевым в ущельях Комуршу, Шал-Кудук Су, свидетельствуют о том, что и здесь, вероятно, имеются какие-то зимовки или поселения древних усуней. Находки и раскопки К. А. Акишева в Семиречье показали необходимость поисков и исследований этой категории памятников и на территории Киргизии. Во время полевых разведок 1964 г. по р. Чу автор открыл и раскопал поселение Кара-Балта, являющееся теперь источником наших сведений об оседлых поселениях усуней в Киргизии. Поселение находится в 60 км к западу от г. Фрунзе, около пос. Калининского, в 500—800 м южнее его. На северо-востоке его граница проходит параллельно внешнему западному валу средневекового города Шиш-Тобе, вдоль речки Карасук. Оно было расположено на небольшой возвышенности и имело протяженность примерно 60 м с севера на юг и 40 м с запада на восток. Поселение к началу наших работ в большей части разрушено и развееено. Находимый здесь подъемный материал (керамика, кости животных, четыре каменные зернотерки) собран прямо в разрытых ямах и завалах.

Возвышение поднималось над окружающей поверхностью на 1,5—2 м. На нем вырыты четыре сильные ямы в виде параллельно расположенных траншей на расстоянии 6—8 м друг от друга, длиной по 40—50 м, шириной 4—6 м, до 2 м глубиной каждая. Таким образом, большая часть памятника уничтожена. Уцелел лишь небольшой участок поселения, расположенный между двумя восточными траншеями. Этот участок шириной 8—12 м служил нам объектом исследования.

Раскоп I имел площадь около 160—170 м². Здесь, как и на других раскопанных участках, в верхних слоях остатки более поздних насло-

⁴ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3—4, стр. 178.

⁵ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 37.

⁶ Там же, стр. 38.

⁷ А. К. Кибиров. Указ. соч., стр. 111.

⁸ Пользуясь случаем, автор выражает признательность К. А. Акишеву за ознакомление с материалами поселения Ак-Тас II и других пунктов.

ний нами не наблюдались несмотря на то, что рядом, в 500—800 м к северо-востоку находятся развалины средневекового города, называемого в арабских письменных источниках X в. Нузкетом. Вскрыто одно помещение, находящееся почти в центре раскопа. Весьма вероятно, что имевшиеся здесь другие жилые и хозяйственные помещения (два или три) могли быть разрушены силосными траншеями.

Помещение 1 было заполнено плотным завалом и золой. Это сравнительно правильная округлая в плане постройка размером 5,2×4,4 м. Стены ее глинобитные, местами рыхлые и сохранились плохо. Сохранившаяся высота 80 см, ширина 60—70 см. Наблюдалось незначительное понижение к центру пола. Следов от перекрытия и столбов не обнаружено. В западной стороне помещения имеется входная дверь-проем размером 1,0×1,3 м. Однако нет полной уверенности в том, что это была входная дверь, так как в этом месте обнаружено впускное захоронение тюркского времени (восьмеркообразное железное стремя, челюсти лошади и неполный скелет человека). Керамика в помещении представлена черепками, судя по обломкам венчиков, не менее чем от 180—190 глиняных сосудов, принадлежащих 9 типам.

Посередине помещения сохранились остатки в виде слоя золы толщиной 8 см. Вокруг очага значительная часть пола свободна от золы, но здесь разбросаны фрагменты керамики и кости животных. Среди них обнаружены почти целый круглодонный сосуд и глиняное пряслице. Недалеко от зольных пятен расположены три разного размера ямы. Две из них, вероятно, хозяйственного назначения.

Из других находок в слое на разных квадратах найдены обломки 14 каменных зернотерок, костяная обойма, овальный каменный предмет женского туалета, грузило, изготовленное из красновато-бурого песчаника, круглая диаметром 8 см каменная заготовка.

Керамический материал, к сожалению, незначителен и относительно однообразен. Собрано около 1300 обломков глиняной посуды. Они располагались по площади поселения крайне неравномерно. Больше всего их собрано в местах зольно-серых пятен жилой постройки и недалеко от так называемых хозяйственных ям.

Все сосуды сделаны лепным способом. В изломе их большое количество примеси шамота, песка и других минеральных веществ, и все они, за исключением двух-трех случаев, без орнамента. Значительное количество фрагментов сосудов на внутренней поверхности имеет отпечаток ткани. Большинство сосудов хорошего обжига. Формы сосудов довольно разнообразны. Преобладают фрагменты толстостенных и крупных сосудов.

Керамический комплекс из Кара-Балты весьма архаичен и типичен для памятников усуней, обитавших в III в. до н. э.—III—V вв. н. э. в долинах рек Чу, Или и в других районах Семиречья и Центрального Тянь-Шаня. Он совпадает по основным признакам с керамикой из многочисленных курганов усуней. Особенно близок почти целый круглодонный сосуд с поселения Кара-Балта с такими же сосудами из могильников всего ареала усуньской культуры. При внимательном анализе кара-балтинской керамики можно видеть сходство не только состава глиняного теста, но и профилировки венчиков, техники обработки поверхности сосудов (сглаживание жгутиком или мокрой тряпкой в горизонтальном, а чаще в вертикальном направлении). Прослеживается также параллель в налечах в виде шишечек, петлеобразных, а также подковообразных ручек, часто встречаемых на сосудах в Усуньских курганах.

Интересна продолговатая зернотерка из кургана 3 Чильпекского могильника. Она совершенно аналогична таким же 14 зернотеркам из Кара-Балтинского поселения. Однако идентичные нашим по форме зернотерки широко распространены во времени и пространстве. Можно указать, например, что точно такие же каменные зернотерки обнаружены в землянке

большереченской культуры на верхней Оби, вполне надежно датированные М. П. Грязновым VII—V вв. до н. э.

Керамические комплексы могильников и поселений (единственный сопоставимый материал) на первый взгляд кажутся совершенно различными. Для поселения характерны сосуды большого размера, иногда со слегка вздутым туловом, довольно толстыми стенками и венчиком. Отдельные крупные сосуды и горшки, вероятно, были баночной формы с плоским дном. Для могильников же характерны грушевидной формы кувшины, круглодонные чашечки и миски. И размеры их различны. Однако в могильнике Бурана найден большой глиняный плоскодонный сосуд такой же формы, как и на Кара-Балтинском поселении. В поселении найдена круглодонная чашечка обычной для Усуньских курганов формы. Обломки двух сосудов из Кара-Балты украшены около венчика простым насеченным орнаментом, типичным для посуды Усуньских курганов, а на одном из фрагментов имеется короткий носик, подобный носикам чайникообразных сосудов из курганов того же круга.

Таким образом, глиняная посуда в культурном слое поселения и в могильниках, несмотря на кажущиеся различия в формах и размерах, принадлежит к одному керамическому типу. Это подтверждается сходством состава теста, профиля венчиков, способов изготовления и т. д.

Можно согласиться с М. П. Грязновым, что синхронная керамика из поселений и могильников в ее хозяйственно-бытовом и ритуальном назначении может быть различна. На материалах большереченской культуры верхней Оби, несколько предшествующей нашей усуньской, он убедительно показал, что в могилах этого периода находятся преимущественно сосуды, предназначавшиеся покойнику на дорогу в «загробный мир», а такие сосуды, как правило, в культурный слой поселения не попадали⁹. В этом плане интересен найденный в Усуньском могильнике Джарлу-Каинда II кувшин, имеющий ручки на плечиках с отверстиями для подвешивания его на шнурок. Это, вероятно, была дорожная посуда с приспособлением для ношения и узким горлом, чтобы содержимое ее не расплескивалось. Очевидно, снаряжая умерших в предполагаемый загробный путь, пищу им давали в дорожных сосудах.

О характере хозяйства усуней в Семиречье и Киргизии из-за недостатка материалов трудно сделать сейчас широкие исторические выводы. Тем не менее было бы несправедливо, если бы мы по-прежнему ошибочно считали, что единственную основу хозяйства усуней составляло скотоводство. Найденные в Кара-Балте довольно крупные сосуды с широким устьем, вероятно, для хранения зерна, около 20 каменных зернотерок и остатки глинобитных жилищ свидетельствуют о наличии земледелия у усуней. Основу хозяйства их, судя по находкам костей домашних животных (баран, реже лошадь, встреченные почти во всех исследованных курганах), составляло в III в. до н. э.—I—II вв. н. э. скотоводство, связанное с кочевым образом жизни, а позже, примерно с середины II в., доминирующую роль, видимо, стало играть земледелие, составляя значительную долю продуктов питания.

Овальной формы хозяйственные ямы на поселении также позволяют судить о вероятном использовании их как зернохранилищ. Вполне вероятно, что племенам усуней были хорошо известны основные культурные растения (ячмень, пшеница и просо), составлявшие основу экономики тогдашних оседлоземледельческих племен юга Средней Азии.

Хозяйство усуней надо представлять комплексным скотоводческо-земледельческим. Этим заключением мы попытаемся снять ранее казавшийся дискуссионным вопрос о якобы чисто кочевом характере скотоводческого хозяйства усуней III в. до н. э.—I—V вв. н. э.

⁹ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, № 48, 1956.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

О «РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ»
В ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Проблема рабовладельческой формации на Востоке в последние годы стала темой оживленных дискуссий как в советской исторической литературе, так и в коммунистической печати зарубежных стран. Проблеме этой справедливо придается помимо теоретического весьма актуальное значение в связи с настоятельной необходимостью разработки истории бывших колониальных стран, ставших ныне независимыми¹.

В обсуждении этой проблемы представители среднеазиатской историко-археологической науки, к сожалению, не приняли участия, хотя в свое время вопросам, связанным с ней, уделялось ими большое внимание. По существу вопроса в среде историков и археологов разногласий не имеется. Общепринятой является концепция (схема) о смене общественных формаций в историческое время с достаточно определенными хронологическими рамками для каждой из них. Длительность рабовладельческой формации определяется приблизительно в целое тысячелетие с середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. Аргументы и факты в пользу этой концепции приведены в «Истории таджикского народа», в которой этому вопросу посвящен особый раздел². Автор раздела собрал имеющиеся в источниках сведения, говорящие о том, что в древности среднеазиатское общество знало институт рабства. С этим едва ли приходится спорить. Однако имеющиеся факты не дают никакого представления о роли рабов в процессе классового образования. Представляется, что сторонники теории о рабовладельческой формации в античной Средней Азии при анализе сведений письменных источников не учли главного экономического фактора в истории классового образования, классовой дифференциации общества. Речь идет о форме (едва ли не самой важной) отчуждения прибавочного продукта у производящего слоя населения, нашедшей свое выражение во взимании регулярных податей-налогов.

В истории среднеазиатских народов взимание податей впервые засвидетельствовано в ахеменидское время. Первые реальные сведения о том, что с основных земледельческих областей Средней Азии, как-то: Согд, Бактрия, Хорезм и др. — взималась постоянная подать, как известно, приводятся Геродотом, который связывает свое сообщение с административной реформой Ахеменидского царства, проведенной Дарием, а именно

¹ См. сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966; сб. «Античное общество». — «Труды конференции по изучению проблем античности». М., 1967; Ж. Шено. Дискуссия о раннеклассовых обществах на страницах журнала «La pensée». «Вопросы истории», 1967, № 9, и др.

² «История таджикского народа», т. I. М., 1963, стр. 464 и сл.

делением всего государства на сатрапии. Можно считать, однако, что подать эта была введена до Дария, поскольку Гаумата (Лжебардия), захвативший власть в государстве до воцарения Дария, объявил о снятии налогов на три года³. Исчислялись они в талантах и взимались как драгоценным металлом, так и в натуре, продуктами. О том, какова была организация и в каком размере взималась подать с населения — с земледельцев и скотоводов, — данных нет. Геродот называет подать «форос». В ахеменидской практике подать носила название «базиш». Этимологически слово это восходит к понятию «часть», в глагольной форме «делить»⁴. Очевидно, что налог взимался в виде определенной части от урожая, от величины стада. Однако, какова была эта доля, не установлено. Общий же размер налоговых изъятий, учитывая уровень производительных сил страны, следует признать весьма большим. Он равнялся для основных областей Средней Азии, по Геродоту, в весовом исчислении 910 талантам серебра, т. е. более чем 30 000 килограммов — сумма, безусловно, очень большая⁵. В этой установленной при Ахеменидах практике взимания регулярной подати следует видеть и начальную ступень в сложении института земельного налога-ренты, который на всем протяжении древней и средневековой истории народов Ближнего Востока, меняясь по названию и по размерам, становится основной формой эксплуатации общинного крестьянства вплоть до нового времени.

Именно эта практика взимания регулярного налога имела решающее значение, как нам представляется, для всего процесса классового образования, она лежит в основе классовой дифференциации общества, являясь основным фактором в процессе поляризации реальных классовых групп общества с особыми противоположными друг другу экономическими интересами.

Мы мало знаем о подлинной организации налогового аппарата в сатрапиях Ахеменидского государства. Известно лишь, что сами сатрапы назначались из числа приближенных к царю лиц, в ряде случаев из числа ближайших родственников. Известно и то, что при сатрапах имелись военные гарнизоны. Однако ничто не говорит о том, что для непосредственного управления, в том числе и для сбора налогов с населения, входившего в состав сатрапий, был создан особый бюрократический аппарат. Можно считать бесспорным, что громоздкое дело обложения налогом и сбор его были переданы в руки уже существовавших органов общин, племен и более крупных объединений. Именно верхушка должна была войти в непосредственный контакт с сатрапами и их окружением. Двухсотлетнее владычество Ахеменидов было достаточным для того, чтобы весь характер взаимоотношений между этой общинно-племенной (условно говоря) верхушкой с производящими слоями населения, с одной стороны, и с собственно аппаратом власти сатрапий — с другой, претерпел глубокие изменения.

Яркой иллюстрацией этих перемен и их характера могут служить факты, характеризующие начальный и последний периоды владычества Ахеменидов в Средней Азии. На начальном этапе, уже в 520—518 гг. до н. э., через десять с небольшим лет после завоевания страны Киром, имеют место такие антиахеменидские движения, как известные восстания в Маргиане, Парфии и среди племен саков. Во главе этих восстаний, как по-

³ Вопрос этот подробно исследован М. А. Дандамаевым. См.: М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, стр. 147 и сл.

⁴ Налоговая система при Ахеменидах в советской исторической науке исследована подробно рядом авторов. О размере налогов-податей см.: «История таджикского народа», т. I, стр. 206 и сл. Из последних исследований см.: И. В. Пьянков. Восточные сатрапии державы Ахеменидов в сочинениях Ктесия. Автореф. канд. дисс. (дисс. не опубликована). М., 1966, стр. 5 и сл. О термине «базиш» см.: F. A. Altheim. Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter, Bd. I. Halle, 1947, стр. 148.

⁵ См. прим. 4.

казали исследования В. В. Струве, стояли представители общинно-племенной верхушки⁶. Для конца же ахеменидского владычества господствующая верхушка местного населения, имена которых нам известны⁷, представляется теснейшим образом связанной с ахеменидской властью, фактически образуя с ней единый господствующий слой общества. Экономической базой для такой консолидации (если не слияния) интересов ахеменидской власти и местной верхушки и служила система налогов, ставшая основным инструментом эксплуатации общинников-крестьян и скотоводов. Здесь необходимо отметить, что нельзя рассматривать налоговую систему как единственный канал, по которому протекал процесс слияния местной верхушки с господствующим слоем Ахеменидской державы. Очень важным фактором в этом процессе явилось то, что Ахемениды привлекали в состав своих войск значительные воинские контингенты из местного населения. Об этом имеется достаточно много сведений в источниках, начиная от Геродота и до авторов, описывающих походы Александра Македонского⁸.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на истории развития этих процессов в послeahеменидское время и вынуждены ограничиться лишь указанием на некоторые моменты. Так, известно, что Александр Македонский в своей политике сближения с местной верхушкой общества в сущности продолжал политику ахеменидских царей, только в еще более четких формах. Продолжать эту политику были вынуждены и цари Греко-Бактрийского государства, поскольку собственно греческие элементы, на которые они могли бы опираться, были весьма ограничены⁹. Для Парфянского царства, занимавшего период почти в полтысячелетия, в качестве важного факта, свидетельствующего о рабовладельческом характере общественного строя, приводятся сообщения Юстина и Плутарха о рабских контингентах в составе войска знаменитого полководца Сурена в битве при Каррах¹⁰. Аргумент этот крайне уязвим, поскольку говорит об использовании рабов не в хозяйственной сфере. В данном случае уместно напомнить о роли рабской гвардии, так называемого гулямства, в Средней Азии и других странах Ближнего Востока в средние века. Гулямство не только не может рассматриваться как антагонистичный класс по отношению к господствующему классу, но, наоборот, являлось опорой последнего. Особый интерес представляют нисийские документы (остраконы), характеризующие дворцовое хозяйство парфянских царей, поскольку они уже рисуют реальные черты налогообложения и в определенной мере земельные отношения в Средней Азии в античное время (на рубеже н. э.). Нельзя не отметить то обстоятельство, что эти хозяйственные документы, принадлежавшие дворцовой канцелярии, вовсе не упоминают рабов. Они относятся к поступлениям с земель по линии налогов и одновременно характеризуют разветвленный слой чиновников, связанных с их взиманием¹¹.

Если сопоставить все факты о земельных и налоговых отношениях древности с данными средневековья, то мы без труда установим, что основа их одна и та же. И хотя можно оспаривать, как слишком прямолинейное, сопоставление В. В. Бартольдом представителей знати владетелей «скал» времени походов Александра Македонского с дехканами — земле-

⁶ В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. ВДИ, 1949, № 2, стр. 27 и сл.

⁷ Как, например, Спитамен, Оксарт, Сизимитр и др. О них подробно см.: «История таджикского народа», т. I, стр. 236 и сл. Большинству их связь с Ахеменидами не помешала позже перейти на сторону Александра.

⁸ «История таджикского народа», т. I, стр. 208 и сл., где имеются ссылки на первоисточники.

⁹ Вопрос этот подробно рассмотрен в работе: F. A. Altheim. Указ соч., стр. 269 и сл.

¹⁰ «История таджикского народа», т. I, стр. 469 и сл.

¹¹ И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц. Документы из Нисы I в. до н. э. М., 1960.

владельческой аристократией периода арабского завоевания¹², генетически мы имеем дело с одним и тем же социальным слоем общества. Сторонники концепции о рабовладельческой формации приводят и ряд косвенных аргументов. Таким аргументом является утверждение о том, что без применения массового рабского труда нельзя себе представить в условиях Средней Азии сооружение крупных оросительных систем, городских укреплений и т. п. трудоемких работ. Особенно на этом настаивают археологи¹³. Это соображение едва ли подтверждается фактами.

Гораздо более вероятным является предположение о том, что такого рода работы могли производиться в порядке трудовой повинности — института, который исторически был введен в Средней Азии вместе с податями при ахеменидском владычестве. Для западных областей Ахеменидской империи у нас имеется об этом положительное свидетельство источника. Так, согласно известной строительной надписи на золотой пластине из Суз при постройке дворца такие трудоемкие работы, как изготовление кирпича, выполнялись по разверстке жителями Вавилона, доставка леса — ассирийцами, кузнечные работы — ионийцами¹⁴. Мы вправе себе представить, как это осуществлялось на практике. По указу царя сатрапы направляли в столицу соответствующие контингенты работников, что едва ли шло по линии обращения их в рабское состояние. Исключительно интересное сообщение в этом плане сохранил известный арабский историк Табари для времени арабского завоевания. Когда в 726 г. наместник Хорасана решил отстроить город Балх, он распределил работников для постройки по каждому округу в «соответствии с размером причитающегося с данного округа хараджа (земельного налога)»¹⁵. Едва ли сам наместник придумал такую систему. Скорее всего это было традиционной системой трудовой повинности, которая издревле практиковалась. Эта система, как это хорошо известно, сохранилась и до нового времени¹⁶.

В качестве специально археологического аргумента в пользу концепции рабовладельческой формации археологи Средней Азии указывают на расцвет городов в античное время и что именно упадок городов в конце античности знаменует собой кризис рабовладельческой формации и переход к новой, феодальной формации¹⁷. Однако анализ собственно археологических данных показывает, что заключения, сделанные на основе первичных разведок, до производства раскопок в достаточном для обобщенных выводов объеме, малоосновательны. В тех же случаях, когда раскопками удалось вскрыть более или менее значительную территорию памятника, они показали полное несоответствие предполагаемой картины с реальностью (раскопки Калала-гыра, Кой-Крылган-Калы, Древнего Пенджикента). Надо отметить, что история городской культуры Средней Азии в целом весьма слабо исследована. Последние археологические работы в Южной Туркмении показали, что уже в эпоху бронзы можно говорить о возникновении городской цивилизации, о «городской революции»¹⁸. Изуче-

¹² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Сочинения, т. II, стр. 192.

¹³ См., например: С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II. М., 1958, стр. 100 и сл.; М. Е. Массон. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. ТЮТАКЭ, т. VI. Ашхабад, 1955, стр. 37 и сл.

¹⁴ F. A. Altheim. Указ. соч., стр. 145 и сл.

¹⁵ At. Tabari. Annales, II, 1695.

¹⁶ П. И. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1968, стр. 122, 162 и сл. Разумеется, практика трудовой повинности не исключала и применения рабского труда. О наличии значительных контингентов рабов в среднеазиатских ханствах до русского завоевания хорошо известно. См.: П. И. Иванов. Указ. соч., стр. 125 и др.

¹⁷ О кризисе городской жизни см.: «История таджикского народа», т. I, стр. 420, где приводятся соответствующие ссылки.

¹⁸ В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, № 3; он же. К вопросу о «городской революции». «Тезисы докладов четвертой сессии по Древнему Востоку». М., 1968, стр. 15—16.

ние роли городов в истории классового образования — одна из назревших проблем историко-археологической науки в Средней Азии.

Общий вывод: при современном состоянии письменных и археологических источников по истории Средней Азии нет никаких данных, говорящих в пользу существования «рабовладельческой формации» в марксистском понимании этого термина. На всем протяжении исторических периодов рабство играло в основном роль паразитарного нароста, задерживавшего поступательное развитие социально-экономического строя общества. Следует учесть и слова В. И. Ленина о том, что рабы являлись пешками в руках господствующих классов¹⁹. В истории Средней Азии это нашло особо яркое воплощение в роли рабской гвардии (гулямства).

Более конкретные исследования форм зависимости в докапиталистических обществах²⁰ и постановка во главу угла тезиса о том, что «марксистская философская мысль подразумевает под общественно-экономической формацией общество в целом, всю сумму общественных явлений на определенной ступени развития»²¹, помогут преодолеть схематизм существующей концепции, бесспорно мешающий подлинному изучению исторического прошлого народов Средней Азии.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Все выступавшие признали правильным и своевременным постановку поднятых в нем дискуссионных вопросов. Б. В. Андрианов сказал, что о древних социально-экономических отношениях нужно судить по количественным показателям; нужно выяснить, было ли земледелие орошаемым, каковы были трудовые затраты на строительство оросительных систем, на полеводство и в зависимости от этого решать, какие группы населения были заняты в той или иной области. Археологический материал должен быть использован для установления трудовых затрат на единицу поливной площади.

В. А. Лившиц выступил с сообщением о новых данных письменных источников для обозначения термина «раб». Он отметил, что Ахеменидская империя не была единой ни в экономическом, ни в культурном отношении, но общность административной системы была значительна, и это повлияло и на жизнь народов Средней Азии. Судя по мугским документам, двор князя Диваштича был своеобразным «слепком» с двора «царя царей». Парфянские документы из Нисы (I в. до н. э.) указывают на то, что в державе Аршакидов, в восточных областях продолжали жить институты податной системы ахеменидского времени.

В хорезмийских документах содержатся списки домов-семей, в которых указаны только лица мужского пола. Здесь перечисляются свободные члены семьи, рабы домовладыки и рабы членов его семьи. Наиболее употребительное обозначение раба — «хун», для рабыни — «хунана». Это наследие тех времен, когда хорезмийцы сталкивались с хуннами. До арабского завоевания «хун» имело значение «раб-иноплеменник». В этой связи В. А. Лившиц считает, что для раба-одноплеменника у иранских народов был один термин — «bandaka», а для раба-иноплеменника в разных языках выступают разные основы. Кроме того, на основе документов можно судить о том, как соотносился труд рабов и труд свободных общинников.

¹⁹ В. И. Ленин. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

²⁰ К. К. Зельин. Принципы морфологической классификации форм зависимости. ВДИ, 1962, № 2.

²¹ В. Н. Никифоров. Концепция азиатского способа производства и современная советская историография. В сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1967.

Б. Я. Ставиский говорил о том, что постановка вопроса о рабовладельческой формации сыграла в свое время положительную роль, но сейчас уже нужно отказаться от старых формулировок, и А. М. Беленицкий прав, подвергая эти формулировки сомнению.

Ю. А. Заднепровский отметил, что если мы сейчас можем согласиться с тем, что «античного» рабовладения в Средней Азии не было, то установить характер общественных отношений в дофеодальный период пока нельзя.

В. М. Массон считает, что сложная и развитая терминология для рабства имела свою динамику. Общий иранский термин для раба был единым, а для «чужака» — изменился: очевидно, это связано с различным социально-экономическим положением этих лиц в общей системе структуры общества. Историки стараются историю периодизировать, представить ее как сумму определенных этапов различных периодов. Различия в явлениях культуры восходят к социально-экономическим изменениям; периодизация, построенная внешне на критериях культуры, экономически и политически основывается на социально-экономическом базисе.

М. Г. ВОРОБЬЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ХОРЕЗМА
АНТИЧНОГО ПЕРИОДА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В конце второй четверти I тыс. до н. э. в Хорезме наблюдается изменение системы орошения. На смену отдельным небольшим оросительным системам, выведенным из боковых русел Амударьи к отдельным поселениям сначала тазабагъябской, а позже — амирабадской культуры, приходят крупные ирригационные системы, тянувшиеся на десятки километров и выстроенные одновременно. Такое строительство могло быть осуществлено лишь с применением труда рабов (С. П. Толстов). При дальнейших исследованиях одновременность сооружения право- и левобережных ирригационных систем в Хорезме подтверждается одновременностью археологического материала (керамика, наконечники стрел), найденного на памятниках, расположенных в головных и хвостовых частях магистральных каналов на обоих берегах Амударьи.

Одновременно или почти одновременно с изменениями в области ирригации в Хорезме происходят изменения в системе расселения и в характере жилища. На смену родовому поселению с расположенными в его пределах несколькими компактными группами теснящихся друг к другу домов (площадью 75—100 м²), предположительно населенными членами сильно разросшейся родовой общины¹, появляются поселения с домами-усадебками, расположенными на значительном расстоянии друг от друга (60—150 м), имеющими большие колебания в площади и всей усадьбы, и самих домов. На примере лучше других обследованного поселения в районе городища Кюзели-гыр на левом берегу Амударьи, а на правом — в урочище Дингильдже, в районах Базар-калы и Кой-Крылган-калы устанавливается, что расстояния между усадьбами везде выдерживались приблизительно в одинаковых пределах. Размеры же усадеб на территории каждого поселения колебались от небольших однокомнатных или двухкомнатных домов площадью около 60 м² до обширных усадеб общей площадью 3500 м² с одной-двумя постройками в пределах ограды. Причем площадь основного дома достигала 370 м².

В районе Кюзели-гыра интересны две отдельно стоящие крупные усадьбы, расположенные вне пределов упомянутого выше поселения с разновеликими домами-усадебками. Площадь дома одной из них 665 м². К нему примыкал огороженный участок с насаждениями.

¹ М. А. И т и н а. Поселение Якке-Парсан 2. МХЭ, вып. 6, 1963.

Перед нами совершенно иная картина, чем в предыдущий период, позволяющая предполагать не только наличие значительного имущественного неравенства, но и большие социально-экономические перемены, связанные со становлением в Хорезме классового общества и государственности.

Кроме сельских поселений в это же время появляются городища, например Кюзели-гыр. Постройки на городище также сильно отличаются друг от друга по величине и характеру помещений. Наряду с примыкавшими один к другому домами площадью 30—60 м², расположенными по периферии у огораживающих городища стен с межстенным узким коридором, также использовавшимся для жилья, в центральной части городища находилась обширная постройка, состоявшая из нескольких крупных помещений. Площадь одного из них, раскопанного в 1954 г., оказалась равной 285 м². Остальные, пока лишь оконтуренные, но не вскрытые полностью помещения близки по размерам первому. Кроме капитальных сложенных из сырца построек на городище Кюзели-гыр существовали и более легкие каркасные летнего типа постройки, что может свидетельствовать в пользу постоянного поселения в пределах стен городища, жители которого, обитая там круглый год, занимались, видимо, и ремесленной деятельностью, поскольку при раскопках 1958—1964 гг. и обследованиях 1967 г. обнаружены остатки медеплавильного и железоделательного ремесла и мастерских по обработке бирюзы.

Дата сельского поселения у Кюзели-гыра и самого городища определяется найденными и на поселении, и в культурном слое помещений, расположенных по периферии городища, однотипными втульчатыми листовидными бронзовыми наконечниками стрел, бытовавшими в основном в VII в. до н. э., но существовавшими еще и в VI в. до н. э. В пределах поселений зафиксированы и специальные культовые сооружения, появление которых обычно связывается уже с существованием классового общества.

В правобережной части древнего Хорезма раскопаны остатки отдельно стоявшего круглого в плане сооружения со специально оборудованным местом возжигания огня в центре и многократно погребавшейся золой. По всей вероятности, здесь было святилище обитателей расположенного поодаль сельского поселения. В левобержном Хорезме остатки культовых сооружений сохранились в центральной части городища Кюзели-гыр (С. П. Толстов).

Более поздние памятники архаической культуры, датирующиеся бронзовыми наконечниками стрел V в. до н. э., обследованы в Правобережье, в урочище Дингильдже Турткульского района. Намечавшаяся уже значительная дифференциация величины жилищ предыдущего этапа архаической культуры Хорезма проявляется еще отчетливее на более позднем ее этапе. Богатая усадьба этого времени, раскопанная полностью, занимала более 3000 м², общая площадь дома, первоначально состоявшего из 9 помещений, равна 816 м². И наряду с этим существовали небольшие и средней величины дома из 1—3 комнат площадью 60—150 м².

В последующие периоды истории Хорезма античного времени наблюдаются следующие явления: в период, известный в литературе под условным названием «кангюйский», отмечается увеличение числа городищ, наряду с которыми существуют и сельские поселения. Период этот изучен пока еще недостаточно. Городской застройки, кроме небольшого участка, раскопанного на городище Джанбас-кала, мы пока не знаем.

При обследовании сельской местности в различных районах Хорезма зафиксированы усадьбы различной величины общей площадью от 300 до 20 000 м² (2 га). При заметном возрастании площади усадьбы сами дома по величине мало отличаются от архаических. На небольших усадьбах дом занимает около 70 м², на более крупных — 300—800 м². Очень круп-

ные усадьбы отмечены пока предположительно, ибо они более других пострадали в кушанское время.

В кушанский период разрыв между мелкими и крупными усадьбами становится еще заметнее. Мелкие усадьбы с одно-двухкомнатными домиками площадью до 30 м² и средние с 2—4-мя комнатами в доме площадью 120—250 м² сосуществуют с крупными — площадью около 1 га и домами в 600—1200 м² (район Аяз-калы) и огромными усадьбами с несколькими многокомнатными постройками, садово-парковым участком, специально проведенными арками. Площадь таких владений достигала 10—15 га; жилая часть (вместе с хозяйственными постройками) занимала одну пятую-шестую часть всей усадьбы (урочище Дингильдже).

Большой интерес представляет появление в Хорезме кушанского времени нового типа поселений в виде больших зданий с секционной внутренней планировкой, получившей широкое распространение в более поздний, афригидский период истории Хорезма. Примером такой планировки может служить занимающая 2750 м² планировка среднего и верхнего горизонтов Кой-Крылган-калы, датирующихся II—IV вв. Строения с секционной планировкой обследовались и в других районах Хорезма. Одно из них, сохранившееся довольно хорошо, занимало площадь 4320 м² и было разделено центральным коридором на две части, из которых каждая делилась на девять одинаковых по величине секций. Появление новой планировки сопровождалось и появлением в Хорезме нового комплекса керамики, включающего серию светлоангобированных сосудов различной формы и величины. Возможно свидетельствующего о появлении в Хорезме кушанского времени новой культуры, сосуществовавшей с исконно хорезмийской, хотя и претерпевшей влияние извне, но развивавшейся и в это время в рамках прежних традиций (красный ангоб, роспись, сохранение ряда более ранних форм и др.).

Прослеженные изменения в области ирригации, в типе расселения и характере жилищ позволяют предположить (пока только в порядке постановки вопроса), что в этих изменениях отразился переход к классовому обществу, сопровождавшийся значительными изменениями в социально-экономических и семейных отношениях. Единновременное строительство крупных ирригационных систем, показывающее организующую роль государства, в то же время, видимо, может служить свидетельством об использовании для этих целей труда рабов (С. П. Толстов). Существующие в настоящее время среди археологов предположения о возможности строить крупные ирригационные системы силами свободных общинников, объединенных определенной повинностью, вряд ли убедительны, так как даже по современным этнографическим данным строительство оросительных каналов, осуществляемое колхозами при использовании мощной землеройной техники, ведется крайне медленно. По этнографическим наблюдениям, проводившимся в крупном колхозе им. М. Горького (Турткульский район) в течение 15 лет, за год силами колхоза удавалось удлинить канал на 1 км. При ручной технике начала раннежелезного века и меньшей плотности населения понадобились бы многие десятки лет для завершения постройки древних ирригационных сооружений и систем на всю их длину, что нашло бы отражение в археологическом материале.

Характер зафиксированных в конце первой четверти I тыс. до н. э. изменений в расселении и типах жилищ, произошедших в Хорезме по сравнению с предыдущей эпохой поздней бронзы, может свидетельствовать об ослаблении родовых связей, вероятном выделении малой семьи как основной ячейки становящегося классового общества, о существовании заметной имущественной дифференциации, наблюдавшейся на примере сельских поселений окрестностей Кюзели-гыра и других указанных выше районов и в застройке городища Кюзели-гыра, бывшего если не городом в полном смысле этого термина, то административным и, видимо, культовым цент-

ром. В дальнейшем (кангуйское и особенно кушанское время) имущественная дифференциация, как видно по материалам обследования поселений, усиливается. Появление около II в. новой планировки домов в виде крупных жилых комплексов с секционным делением (Кой-Крылган-кала и др. поселения правобережья) наводит на предположение о новых изменениях в социально-экономических и семейных отношениях и, может быть, отражает процесс реставрации более тесных родственных связей и даже частичное восстановление на новой основе (в условиях классового общества) какой-то формы большесемейной общины как общественной и производственной ячейки, произошедшее накануне становления в Хорезме раннефеодальных отношений.

Сейчас еще трудно сказать, было ли это связано с изменениями только социально-экономического порядка или наряду с ними известную роль в этом сыграли возможные частичные этнические изменения в составе населения Хорезма, о чем может свидетельствовать и появление именно в то время упоминавшегося выше нового комплекса керамики.

Во всяком случае зафиксированный в Хорезме новый переход от рассредоточенных домов-усадеб различной величины, предназначенных для обитания одной семьи, к крупным жилым комплексам со «стандартным» секционным делением требует дальнейшего исследования и истолкования.

Н. Г. ГОРБУНОВА

О ДАТИРОВКЕ ФЕРГАНСКОЙ КЕРАМИКИ
С КРАСНЫМ АНГОБОМ.

Глиняная посуда, сделанная на гончарном круге и покрытая красным ангобом, в изобилии встречается в Фергане как на поселениях, так и в могильниках, составляя 70 и более процентов находимой керамики. Естественно, что вопрос о ее хронологии чрезвычайно важен для древней истории Ферганы.

Впервые эта керамика была открыта в 1933—1934 гг. Ферганской экспедицией ГАИМК под руководством Б. А. Латынина, датировавшего ее на основании железного трехперого наконечника стрелы II—IV вв.¹ В дальнейшем вопросам ее хронологии уделяли много внимания А. Н. Бернштам, Ю. А. Заднепровский² и почти все, кто вел раскопки в Фергане³. В результате керамика получила широкую дату от II (III?) в. до н. э. до VI (VII?) в. н. э. Трудность ее датирования не только абсолютного, но и относительного заключается в отсутствии хороших стратиграфических наблюдений и незначительном количестве найденных вместе с ней более или менее определенно датированных предметов.

Эта керамика оказалась основным материалом и при раскопках нашей экспедиции в зоне затопления Керкидонского водохранилища⁴. Так как и здесь не было достаточно материала для стратиграфических наблюдений, пришлось применить метод сравнения количества и ассортимента форм сначала с поселений Керкидонской группы: Мыкты-Курган, Чун-тепе, поселение 5а, Майда-тепе, а затем привлечь материалы и других поселений Ферганской долины. Общее число учтенных форм станковой керамики в Керкидонских поселениях 820, из которых почти половина с поселения 5а.

Первый этап работы заключался в выделении форм и создании классификации станковой посуды. Внутри больших групп — миски, горшки,

¹ Б. А. Латынин. Некоторые результаты работ Ферганской экспедиции 1934 г. АС, № 3. Л., 1961, стр. 133—145; он же. Вопросы ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 15—25.

² А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДИ, 1949, № 1, стр. 107—108; он же. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 219—220; Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореф. канд. дисс. Л., 1954; он же. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.—Л., 1959, стр. 150—157.

³ ТИИА АН Уз. ССР, т. IV. Ташкент, 1951, стр. 39—40, 77, 120, 121; В. И. Козенкова. Гайрат-тепе. СА, 1964, № 3, стр. 218—326.

⁴ Н. Г. Горбунова. Раскопки древних поселений в Фергане. СГЭ, т. XXVII, 1966, стр. 85—86; Н. Г. Горбунова, Т. Г. Оболдуева. Раскопки поселений на юго-востоке Ферганской долины. АО 1966. М., 1967, стр. 309—311; Г. А. Брыкина. Раскопки на городище Майда-тепе и Кара-Булак. АО 1965. М., 1966, стр. 185—186.

кувшины — были выделены отдельные типы. Часть форм объединена в группу редких (бокалы, кружки, фляги, сосуды на крупных поддонах). Фрагментарность материала, естественно, сильно затруднила задачу выделения форм и для такой группы, как кувшины; это разделение пока весьма условно. Подобная работа была проделана и с лепной керамикой, где, правда, подсчеты очень незначительны и речь может идти в основном о сравнении ассортимента. Наибольшая точность классификации оказалась возможной для мисок (рис. 4)⁵. Сравнение керамики Керкидонских поселений показывает, что наиболее массовые формы ее встречены одинаково на всех памятниках и различия отмечаются лишь по небольшому числу форм. Это позволяет считать поселения синхронными.

Для сравнения с Керкидоном были привлечены в первую очередь материалы с поселений Сым-тепе (70 единиц)⁶ и Гайрат-тепе (970 единиц)⁷, где можно было провести подсчеты. Анализ керамики показал статистическое различие некоторых форм, в первую очередь мисок (сравни формы Iг, Iд, Iе), а также различия в ассортименте посуды с разных поселений. Особенно наглядными оказались различия в керамике Сым-тепе и Гайрат-тепе, тогда как посуда с Керкидонских поселений занимает как бы промежуточное положение между ними.

Дополнительно были привлечены также материалы с исследованных поселений Кугай, Мархамат⁸, Шурабашат⁹, Ак-тепе¹⁰ и Кара-Булак¹¹. Но так как подсчеты здесь произвести не удалось, то керамику можно было сравнивать только по ассортименту. Наиболее близкими (по станковой керамике) Керкидонским поселениям оказались Мархамат и Шурабашат. И хотя не все формы керамики Керкидона есть в Шурабашате, но все формы посуды последнего есть в Керкидоне. Необходимо напомнить при этом, что в Шурабашате станковая керамика составляет всего 2—5%, тогда как основная часть ее — лепная, крашенная, расписная, но сходная по формам со станковой. При этом «недостающие» при сравнении с керкидонской станковой посудой формы мы находим в ассортименте шурабашатской лепной керамики. Учитывая, что крашенная и расписная шурабашатская посуда по назначению, видимо, так же как красноангобированная, была столовой парадной, можно говорить о почти полном совпадении ассортимента посуды в Шурабашате и Керкидонских поселениях.

Из остальных рассмотренных поселений относительно более близким к Керкидону является Кугай, затем Ак-тепе и значительно более отличается Кара-Булак.

Таким образом, беря за основу керамику Керкидонских поселений, а также исходя из того, что более простые формы посуды скорее всего и относительно более ранние, можно на одном этапе наших знаний считать, что из рассмотренных поселений относительно более ранним является Сым-тепе, а относительно более поздним Гайрат-тепе II/4 и, видимо, Кара-Булак. Остальные поселения хронологически располагаются между

⁵ В данной статье за недостатком места приводится как пример только таблица мисок. Подобные таблицы составлены для всех групп керамики, и подробная статья подготавливается к печати.

⁶ Раскопки мои и Б. Э. Гамбурга. Материал не опубликован, хранится в Ферганском областном краеведческом музее.

⁷ В. И. Козенкова. Указ. соч. Подсчет проведен по материалам, хранящимся в Андижанском областном краеведческом музее. Приношу благодарность В. И. Козенковой, предоставившей в мое распоряжение свою рабочую документацию.

⁸ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 222—230. Использован материал из фондов Андижанского музея.

⁹ Ю. А. Заднепровский. Древнесемельдерская культура Ферганы. МИА, № 118, 1962, стр. 116—155.

¹⁰ Ю. Д. Баруздин и Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 93—100.

¹¹ Г. А. Брыкина. Раскопки замка Карак-Булак в 1968 г. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 116—122.

ними, причем Шурабашат либо синхронен Керкидону, либо немного старше его; Мархамат синхронен Керкидону; Кугай, так же как и Ак-тепе, синхронен частично Керкидону, частично Гайрат-тепе I—III/3.

Это предварительная съемка относительно хронологического соотношения керамики исследованных ферганских поселений, которую можно сейчас предложить.

Вопрос об абсолютной хронологии рассматриваемой керамики по-прежнему окончательно решенным пока быть не может, однако дата II (III) в. до н. э., на мой взгляд, для известных сейчас комплексов керамики не может быть обоснована. Эта дата появилась в связи с находкой во время работ на Большом Ферганском канале монеты — так называемом «варварском подражании Гелиоклу»¹². Независимо от даты самой монеты последняя не может служить основанием столь ранней датировки, так как найдена на городище Кайковат-тепе вне комплекса керамики, т. е. это просто подъемный материал. Предложенная мной дата — II в. до н. э. — I в. н. э. — одного из могильников с такой керамикой, основанная на находках бронзовых зеркал¹³, также не может быть убедительной, так как, во-первых, соответствие хронологии сарматских и среднеазиатских зеркал еще не доказано, во-вторых, сами зеркала рассмотренных типов могут переживать и позднее I в. н. э., в-третьих, датировка только по зеркалам, как отмечает А. М. Хазанов, может быть ошибочной¹⁴.

Для вопроса об абсолютной датировке важны были бы материалы могильников, но они не опубликованы и почти недоступны, так что рассмотреть их сейчас невозможно. В нашем же распоряжении имеются лишь железные наконечники стрел, найденные в Кугае и на Керкидонских поселениях¹⁵. Это черешковые трехлопастные с треугольным очертанием пера наконечники. Основание перьев у них либо прямое, либо тупоугольное, иногда форма перьев лавролистная. В одном случае найден трехгранный наконечник с упором у перехода к черешку.

К классификации железных наконечников стрел в Средней Азии обращались С. С. Сорокин, Б. А. Литвинский и О. В. Обельченко¹⁶. Не останавливаясь на особенностях этих классификаций, отмечу, что все авторы отнесли к числу наиболее ранних трехперые черешковые наконечники с опущенными концами перьев. Они встречаются в основном до рубежа н. э., позднее единичны. Наконечники же, подобные нашим, относят обычно ко времени не ранее II в. н. э. Очевидно, существует определенная тенденция постепенного перехода от наконечников с опущенными концами перьев к тупоугольному основанию пера, а затем к ромбической его форме. Имеющиеся в нашем распоряжении наконечники стрел отражают, видимо, относительно поздний этап этой эволюции. Т. е. комплексы керамики, найденные вместе с ними, никак нельзя относить ко времени ранее рубежа н. э. Это не означает, что керамика с красным ангобом вообще не может встречаться ранее, тем более что станковая керамика предшествующего, эйлатанского перио-

¹² Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве БФК. ТИИА АН Уз. ССР, т. IV. Ташкент, 1951, стр. 16—17.

¹³ Н. Г. Горбунова. Рец. на кн. Ю. Д. Баруздина и Г. А. Брыкиной «Археологические памятники Баткена и Ляйляка». АС, № 8, Л., 1966, стр. 116—119.

¹⁴ А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр. 69—70.

¹⁵ Уже после сделанного доклада, летом 1968 г. нами при раскопках городища Куюктепе близ ж.-д. станции Кугай было найдено в комплексе с красноангобированной керамикой 7 подобных керкидонским наконечников.

¹⁶ С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 10—13; Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, № 2, стр. 75—91; О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. ТИИА АН Уз. ССР, т. VIII. Ташкент, 1956, стр. 221—222; О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. ИМКУ, т. 2. Ташкент, 1961, стр. 137—143.

да существует, видимо, только до III (II) в. до н. э. Просто мы не знаем пока ее ранних форм. Что касается верхней границы ее бытования, то где-то в VII—VIII вв. станковая керамика Ферганы почти совершенно меняет свой облик и имеет ярко выраженные параллели в керамике согдийского типа.

Косвенным моментом для абсолютной датировки является наблюдение, сделанное Л. М. Левиной, о появлении в северо-западной Фергане керамики культуры Каунчи II (IV, может быть, конец III—V вв. н. э.)¹⁷, где она сосуществует с красноангобированной посудой¹⁸.

Исходя из всего сказанного, думаю, что рассмотренные комплексы керамики можно датировать в пределах II (I?) — VI вв. н. э., и внутри этого хронологического периода одни поселения являются несколько более ранними, другие более поздними, но данных для более точной датировки каждого из них у нас пока нет.

Городище Шурабашат, следовательно, также нет оснований относить к значительно более раннему времени.

Исследование керамики с красным ангобом позволило также поставить вопрос о существовании локальных вариантов в культуре Ферганы первой половины I тыс. н. э.¹⁹

¹⁷ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 18—19.

¹⁸ Е. Д. Салтовская. Раскопки на Тудои-Калон в 1961 г. ТИИА АН Тадж. ССР, т. XII, 1964, стр. 45—52.

¹⁹ Н. Г. Горбунова. Фергана в эпоху Кушанского государства. «Тезисы докладов и сообщений советских ученых на Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху». М., 1968, стр. 13—15; она же. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы. СА, 1970, № 1, стр. 77—86.

IV. СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

В. И. РАСПОПОВА

СОГДИЙСКИЙ ГОРОД И КОЧЕВАЯ СТЕПЬ
В VII—VIII вв.

На огромной территории от Тихого океана до Средней Европы в VI—VIII вв. были распространены сходные, а в некоторых случаях даже идентичные типы вооружения, украшений, посуды из драгоценных металлов (рис. 5). Эти предметы происходят как из памятников, связанных с кочевыми народами — тюрками, аварами, казарами и др., так и из памятников оседлых народов — персов, согдийцев, китайцев. Обычно сходство вещей, которое сразу бросается в глаза, объясняли переселениями кочевых племен. Однако их разительное сходство у разных и часто враждовавших между собой народов показывает, что они не являются признаками этнической принадлежности, тем более что на этой огромной территории засвидетельствованы разнообразные погребальные обряды, очень различные типы поселений, совершенно различная керамика.

Все три рассматриваемые категории вещей связаны с воинской, аристократической средой раннесредневекового общества.

Письменные источники VI—VII вв. сохранили восторженные описания ставок тюркских каганов, причем в оценке роскоши кочевых предводителей сходятся как византийские, так и китайские путешественники. Произведения торевтики, которые видел в ставке тюркского кагана византийский посол, не уступали произведениям византийских мастеров. На западе кочевого мира мы имеем археологические материалы, позволяющие представить образ жизни аварских и болгарских князей. Д. Ласло в своей монографии об аварском обществе¹ показал, что в княжеских могилах имеется определенный набор вещей, обязательными принадлежностями которого являлись серебряные или золотые сосуды для питья, оружие — меч, лук, колчан со стрелами, два пояса, богато украшенные золотыми бляшками. В этих же могилах встречаются предметы роскоши иноземного происхождения. Набор таких же вещей характерен и для могил воинов, причем рангу воина соответствует определенный металл — не золото, как у князей, а серебро с позолотой, бронза с серебрением. Во многом аналогичный набор вещей характерен и для богатых погребений востока кочевого мира тюрков и кыргызов.

О вооружении тюркских народов мы можем судить по археологическим находкам и изобразительному материалу (каменные изваяния, наскальные изображения и т. п.). Обязательными предметами снаряжения и

¹ G. László. *Études archéologiques sur l'histoire de société des avärs*. «Archaeologia hungarica», т. XXXIV. Budapest, 1955.

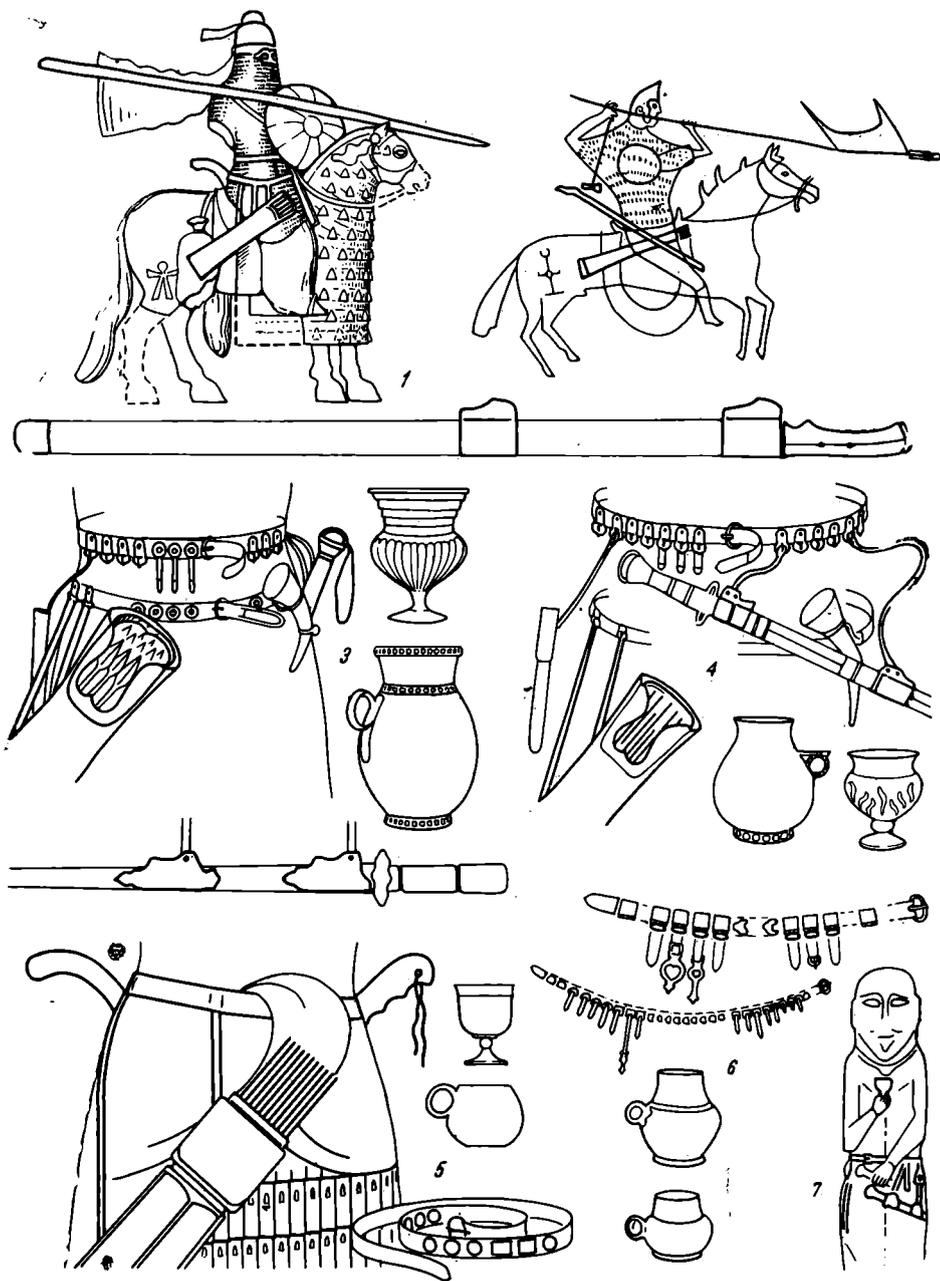

Рис. 5. Снаряжение воина и металлические сосуды VI—VIII вв.

1 — Иран, конная статуя в гроте Таки-Бустан, меч из Дейламана; 2 — Южная Сибирь, сулекская писаница; 3 — Авары (по Д. Ласло, fig. 61, tabl. XI, XLII); 4 — Перещепино (по Д. Ласло, fig. 83); 5 — Китай и Япония. Снаряжение воина по рельефу из погребения императора Тай Цзуна. Сосуды эпохи Тан. Меч и пояс из Шосонна; 6 — Алтай (по А. А. Гавриловой — «Могильник Кудымг». М.— Л., 1965, табл. XXXI, 40, 41, 55, 56); 7 — Семиречье, каменное изваяние.

вооружения всадника-кочевника были седла со стременами, сложный лук, который носили в спущенном виде в узком длинном налучье, колчан, обычно расширяющийся книзу, в который стрелы клали остриями вверх. Колчан и налучье подвешивались к поясу. Кроме этого пояса у воина был и другой, на котором висели меч или сабля и кинжал. Пояса украшались наборными бляшками. Меч подвешивался наклонно на двух ремнях с левой стороны. Часто вооружение дополнялось копьем, топориком. Оборонительные доспехи состояли из длинного пластинчатого или кольчужного панциря, шлема с бармицей и нащечниками, небольшого круглого щита, подвешенного через плечо на длинной петле (рис 5, 2).

Войска кочевников VI—VII вв. представляли собой дружины с тактикой боя, рассчитанной на индивидуальную силу и выучку. Распространение стремян и седел с твердой основой делало удар копьем тюркского воина более сильным, таранным.

Стреляли из лука с большой меткостью и силой удара по индивидуальной цели. Ношение лука в спущенном виде давало возможность сохранить всю силу лука для выстрела, а благодаря расширяющемуся книзу колчану оперение стрел не мялось и стрела имела хороший стабилизатор. Наклонная подвеска меча, колчана и налучья позволяла воину в случае необходимости вести бой спешившись. Наличие второго, стрелкового пояса, видимо, связано с тем, что в бою лук и колчан легко было сменить.

Нельзя представлять себе конницу VI—VII вв. по образцу более поздней. Недостатком конницы VI—VII вв. была невозможность быстрого перехода от рукопашного боя к стрелковому. Но для своего времени это было сильное войско.

Военное дело кочевников оказало определенное влияние на развитие военного дела государств оседлых народов в VI—VII вв. Византийский военный специалист первой половины VII в. Маврикий в своем сочинении «Стратегикон» постоянно напоминает византийским полководцам о необходимости применения опыта аваров и тюрков. Эти наставления касаются прежде всего снаряжения: «Одежда самих воинов должна быть просторна, длинна и красива, как у аваров»; «...прикрытие морд и грудей лошадей латами, хотя бы из лоскутьев, как у аваров, которые предохраняли бы тем и груди лошадей, в особенности у тех всадников, которые во время боя должны быть впереди. При седлах должно быть два железных стремени, аркан и мешок для провианта. Четыре кисточки на спине лошади, одна на голове и одна под подбородком»; «палатки хорошо шить на манер аварских или турецких, так как таковые и красивее, и удобнее»².

Маврикий так же внимательно учитывает тактические приемы кочевников. Как и древние, «располагаются в боевом порядке теперь турки и авары... Они выстраивают боевой порядок не в одну линию, как римляне [имеются в виду византийцы.—В. Р.] и персы...»³ Иранские современники Маврикия претендовали на то, что они в своем конном искусстве не уступают тюркам⁴.

В гроте Таки-Бустан имеется изображение, как полагают, Хосрова II (590—628 гг.) на коне и в полном вооружении (рис. 5, 1). Конь защищен именно так, как советовал Маврикий: грудь, шея и морда коня покрыты доспехом из мелких пластинок, прошнурованных тонкими ремнями. Хосров II одет в кольчугу, поверх которой два наборных пояса. К нижнему поясу справа на двух ремешках подвешен колчан, несколько расширяющийся книзу, открытый сверху. Из колчана торчат стрелы вверх

² Маврикий. Тактика и стратегия. Перев. капитана Цыбышева. СПб., 1903, стр. 17—18.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Р. В. Кинжалов, В. Г. Луконин. Памятники культуры сасанидского Ирана. Л., 1960, стр. 10.

наконечниками. С левой стороны было узкое налучье, от которого виден только верхний конец. На длинной петле, спускающейся с шеи, висит небольшой круглый щит. Щит, видимо, имел металлическую оковку по краю, металлический умбон и шесть полос по радиусам. Лицо царя закрыто кольчужной сеткой. На голове — царский шлем. В правой руке всадник держал копье. Меча не видно, так как он находился на левой стороне. На охотничьем рельефе Таки-Бустана тот же Хосров изображен с мечом, подвешенным на двух ремешках, и с луком в руках. Видны наборные пояса с многочисленными подвесками. Таким образом, Таки-Бустан наглядно показывает влияние кочевнического вооружения в Иране. Вооружение более раннего времени в сасанидском Иране было другим: один пояс и портупей, с помощью которой меч подвешен вертикально, колчан также подвешен вертикально на бедре, налучья не было, панцирь был коротким — доходил только до бедра; поножи — из узких горизонтальных полос металла или толстой кожи и такие же наручи, замечавшиеся иногда кольчужными.

Вооружение воинов, изображенных в живописи и скульптуре храмов Восточного Туркестана, имеет ту же тенденцию развития. Но новый тип вооружения не был принесен сюда в готовом виде, а развивался постепенно в течение V—VII вв.

Черты раннесасанидского типа вооружения засвидетельствованы в согдийской терракоте и росписях II храма Пенджикента, которые могут быть отнесены к VI в.

Интересные материалы для истории развития вооружения дают стенные росписи Афрасиаба, которые датируются VII в. На этих росписях интересно сочетание старого и нового типов вооружения. Новым являются стрелена и наборные пояса, но сохраняется еще, по-видимому, вертикальная подвеска меча с помощью портупей. К той же портупее подвешен кинжал в вогнутых в середине ножнах. Архаические черты вооружения, изображенного на афрасиабских росписях, близки к некоторым росписям Восточного Туркестана.

Важный изобразительный материал по истории вооружения дают росписи Пенджикента и Варахши, датированные в основном концом VII — началом VIII в. Здесь в согдийском вооружении мы находим все черты, отмеченные нами при описании тюркского воина, однако вооружение согдийцев имело и много своеобразных черт. Мы остановимся здесь лишь на них. Согдийская конница была более тяжело вооруженной, чем тюркская. Защитное вооружение согдийца состояло из пластинчатого (так называемого ламеллярного) или кольчужного (очень плотного плетения), или часто того и другого вместе доспехов длиной до середины голени. Грудь и плечи иногда защищены, видимо, доспехом с кожаным покрытием. Кожагато орнаментирована. Ноги и руки согдийцев защищены двустворчатыми шарнирными поножами и наручами из узких металлических пластинок. Шлемы имели каркасную конструкцию, такую же, как у многих ранних европейских шлемов. К шлему добавлялись нащечники из узких металлических пластин и кольчужная бармица. Иногда у воина была кольчужная сетка на лице. Видимо, с этим тяжелым доспехом связан и ряд особенностей военного дела согдийцев. Таковы узкие колющие мечи, которые неизвестны у других народов раннего средневековья. Развитый защитный доспех привел к распространению бронебойных наконечников стрел. В стрелковом вооружении согдийцев имеются некоторые отличия от тюркского. У согдийцев в налучье было обычно два лука. Наряду с тюркским типом колчана имеется и колчан, расширяющийся сверху, с торчащим из него оперением стрел.

Согдийская конница, как можно судить по росписям Пенджикента, атаковала в сомкнутом строю с копьями наперевес. Возможность держать строй обеспечивалась строгими удилами мундштучного типа. Часто при-

менялись металлические намордники. Такого рода мундштучные удила применялись тяжелой конницей в Иране в парфянское и сасанидское время. Тюрки, оседлые народы Восточного Туркестана и народы Юго-Восточной Европы применяли удила с псалиями. Таким образом, применение разного типа удил связано с разной тактикой боя — массированного удара сомкнутого ряда всадников и более подвижной, более индивидуальной по своему характеру тактикой кочевников. Согдийцам были известны удила с псалиями: есть их находки в Пенджикенте, они изображены на росписи Красного зала Варахши. В батальных сценах лошадь всегда изображена с мундштучными удилами.

Видимо, завоеватели Согда и Ирана — арабы заимствовали у своих врагов их вооружение. Так, в Каср-ал-Хайр-ал-Гарби найдена фреска, на которой изображен всадник с двумя поясами, луком, налучьем и колчаном согдийского типа⁵. Ноги всадника вдеты в стремяна. У лошади — удила мундштучного типа.

В Пенджикенте раскопан ряд кузнечных и бронзолитейных мастерских, в которых изготовлялись оружие и предметы украшения. Согдийцам были известны все основные типы украшений, которые носили тюрки в VII—VIII вв., а также украшения, которых не было у тюрков. Так, например, в Пенджикенте были широко распространены кольца и перстни, которые весьма редки у кочевников. И даже в таких кочевнических вещах, как поясные наборы, в Согде имеются своеобразные украшения. Согдийские бронзолитейщики работали на вкус и по заказу кочевников, обогащая эти изделия элементами земледельческой орнаментации. Наглядным примером этому являются поясные наконечники и накладки с орнаментом в виде виноградной лозы, найденные в тюркских погребениях Семиречья и Томска, а также идентичные образцы из Самарканда и Пенджикента. Эти части поясных наборов, видимо, изготавливались в мастерских согдийских городов. Как показали анализ поясных наборов Согда и сравнение их с поясами тюркских народов, пояс VI—VIII вв. не является признаком этноса. Поражает быстрая смена типов поясных украшений, которая происходит в конце VII в. на большой территории степей, и появление этих вещей в оседлых памятниках. Новые формы появляются вполне сформировавшимися и стандартизированными. Выделяются три основных ареала поясных наборов: Паннония — Аварское государство, Юго-Восточная Европа — Хазарский каганат, Центральная и Средняя Азия — возродившиеся к концу VII в. тюркские государства. По-видимому, быстрые изменения поясных наборов теснее связаны с судьбами государственных объединений, чем с судьбами отдельных племен⁶. Потребность в стандартизированных поясных наборах, когда каждый воин имел пояс, могла быть удовлетворена только при наличии развитого городского ремесла. Ремесленники могли работать как у себя в городе, так и переселяться в ставки каганов.

Политические объединения кочевников, переходивших от союзов племен к государственным объединениям, использовали опыт своих оседлых соседей и подданных в создании государственного аппарата и во многом перенимали быт и идеологию оседлой аристократии. Роль согдийцев при каганских дворах исследована С. Г. Кляшторным⁷.

Общность некоторых областей материальной культуры оседлых народов Средней Азии и кочевников-тюрков связана с известной общностью интересов согдийских городов и тюркских каганов. Колонизационная деятельность согдийцев и их международная торговля по путям, проходив-

⁵ D. Sch l u m b e r g e r. Deux fresques Omeyyades. «Syria», t. XXV.

⁶ Новый подход к культуре тюркских государств VI—X вв. как к единой системе предлагает А. Д. Грач (А. Д. Г р а ч. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени. «Тюркологический сборник», М., 1966, стр. 168—193).

⁷ С. Г. К л я ш т о р н ы й. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.

шим через степь, была политически выгодна и приносила доходы тюркским каганам, которые покровительствовали согдийцам.

Изучение взаимоотношений кочевников степей и городов Средней Азии дает возможность нового подхода к одной из сложных проблем археологии Средней Европы — вопросу о втором Аварском каганате⁸. В конце VII в. в Карпатской котловине на смену штампованным поясным наборам приходят литые, орнаментированные лозой и грифоном. В это же время в небольшом количестве появляется так называемая «желтая керамика», не имеющая аналогий в местном материале. Ряд исследователей полагают, что изменения связаны с приходом какого-то нового народа, прародину которого искали на Каме. Однако это у хронистов того времени, которые внимательно следили за событиями на своих границах, не отмечается. Археологические находки Прикамья не дают материалов для локализации там прародины второй волны аваров. Ряд исследователей отрицают эту вторую волну. Однако перемена поясных наборов имеется, и ее надо объяснить. Д. Бяликова на основании изучения «желтой керамики» ставит вопрос о среднеазиатско-аварских связях⁹. И. Вернер обратил внимание на сходство среднеазиатско-сибирских частей поясных наборов с литыми накладками и наконечниками, украшенными грифоном или лозой, с территории Дунайского бассейна¹⁰.

Ремесленные изделия с территории Карпатской котловины, находящие аналогии в среднеазиатско-сибирском материале, могут быть связаны с появлением в этой области какой-то небольшой группы мастеров из Согда. Предприимчивые согдийские ремесленники и купцы селились в весьма отдаленных от их родины областях: в Китае, Туве, Монголии. В 576 г. с посольством византийского императора к тюркскому кагану из Константинополя возвратились 100 среднеазиатских купцов. Возможно, что среднеазиатские ремесленники попали в Аварский каганат в тот момент, когда там перестали получать византийскую дань. Надо отметить, что часть пряжек, находимых в ранних аварских могилах, изготовлена в византийских мастерских. Можно предположить, что по образцам, изготовленным приезжими ремесленниками, была выпущена большая серия подобных вещей. Здесь могло иметь место такое же быстрое распространение новых типов поясных наборов, как во втором Тюркском каганате.

Постановка вопроса о взаимоотношениях города и кочевников Средней Азии важна как в связи с проблемами генезиса культуры кочевых государств раннего средневековья, так и для выяснения вопроса о культурной и экономической роли согдийского города.

⁸ См. последний обзор по этому вопросу в статье: Zlata Cilinska. Zur Frage des zweiten awarischen Kaganats. SA, XV—2. 1967, S. 447—454.

⁹ D. Bialeková. Žltá keramika z pohrebišck obdobia Avarskej ríše v Karpatskej kotline. SA, XV—I, 1967, s. 5—76.

¹⁰ I. Werner. Zum Stand der Forschung über die archäologische Hinterlassenschaft der Awaren. «Beiträge zur Südosteuropa-Forschung». München, 1966, S. 310—314.

Г. А. БРЫКИНА

К ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ПРЕДГОРИЙ ФЕРГАНЫ В VI—XII вв.

Арабский географ X в. Ибн-Хаукаль писал: «В Мавераннахре нет селений, превышающих по величине ферганские; иногда по причине многолюдства, а также из-за обилия скота и пастбищ пределы селений достигают одного дневного перехода»¹.

Плотная заселенность, отсутствие свободных земель под пашни и пастбища обусловили отток населения из Ферганской долины в горные мало-заселенные районы.

Горный рельеф района обусловил некоторое своеобразие в топографии поселений. Это выразилось в том, что с древнейших времен характерным типом поселений здесь были небольшие поселки. Они располагались на склонах и горных останцах, оставляя незанятыми земли, пригодные для возделывания.

Для предгорной Ферганы VI—VIII вв. характерным типом расселения становятся усадьбы и замки, фортификации которых придавалось большое значение. Такой тип расселения отражает определенный этап социально-экономического развития общества. В середине I тыс. н. э. в пору развития феодальных отношений усадебный и замковый тип расселения характерен почти для всех районов Средней Азии.

В юго-западных предгорьях Ферганы открыты два вида раннесредневековых сооружений:

1) Сильно укрепленные, огражденные валами и рвами четырехугольные в плане усадьбы, располагавшиеся на мысах рек,— в долине Исфаны-Сая (Курганча) и в долине р. Ходжа-Бакырган (Кайрагач). Для внутренней застройки усадеб характерно расположение хозяйственных и жилых построек вдоль стен усадьбы. В центре усадьбы находился не занятый постройками хозяйственный двор².

2) Второй вид сооружений представлен отдельными хорошо укрепленными домами или замками, часто возводившимися на высоких фундаментах, для которых использовались горные останцы (замки на скалах в долине Исфары и в Баткенской впадине) и разрушенные постройки предшествующих периодов (Ак-тепе близ Баткена). Здания разделены на две

¹ Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны Абул-Касыма ибн Хаукаля». ТСАГУ, т. IV. Ташкент, 1957, стр. 26.

² Аналогичная усадьба открыта Д. Ф. Винником в местности Кзыл-Кия в районе Андижанского водохранилища.

половины осевым коридором, по обе стороны от которого располагались хозяйственные и жилые помещения. Строения такого плана открыты нами в Карабулаке³, а Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским — в Калаи-Боло⁴. Очевидно, аналогичный план имело здание в Ак-тепе, где открыты сильно разрушенные помещения верхнего горизонта, располагавшиеся по одной оси.

Материальную культуру этого периода характеризует огрубение керамики; среди находок преобладают хумы. В трех небольших комнатах, раскопанных в Ак-тепе и являвшихся, очевидно, кладовыми, обнаружено *in situ* 17 хумов. Была кладовая и в карабулакском замке. На одном из обломков хума, найденном в Ак-тепе, имеется тюркская надпись, прямо определявшая назначение сосуда⁵. В хумах хранились мука и зерно, держалась вода.

Экономическую жизнь Средней Азии IX—XII вв. характеризует бурное развитие ремесел и товарно-денежных отношений, следствием чего явился рост городов. Экономический подъем охватил не только центральные районы страны, но и глухие горные районы. Развитию и подъему экономики изучаемого района во многом способствовало наличие прекрасной сырьевой базы: в горах добывались каменный уголь, железная руда, ртуть, серебро.

Общей тенденцией развития района является рост отдельных центров за счет сокращения числа мелких поселений. Количество поселений сократилось почти вдвое.

Только на 5 из 12 известных нам раннесредневековых поселений жизнь продолжалась в X—XII вв. Причем площадь их значительно увеличилась, а характер культурных напластований свидетельствует об интенсивности протекавшей здесь жизни.

Материалы, полученные при исследовании Карабулакского городища, наиболее полно и ярко характеризуют культуру юго-западных предгорий Ферганы в XI—XII вв.

Размер Карабулакского городища, а также характер находок, свидетельствующий о высоком уровне развития ремесел и тесных экономических связях как с соседними районами Ферганы, так и с весьма отдаленными, определяли его центральное положение в районе. Судя по отдельным находкам красноангобированной керамики, наиболее ранний период жизни города может быть отнесен к первым векам н. э. К V—VIII вв. относится небольшой замок, раскопанный на западной окраине кишлака. Наивысшего расцвета город достиг в XI—XII вв., когда он занимал обширную площадь.

Большое тепе, расположенное в центре современного кишлака, заключало в себе руины здания, возведенного на высоком глинобитном цоколе и неоднократно перестраивавшегося. Неукрепленное городище располагалось вокруг этого же здания и занимало значительную площадь в котловине и на прилегающих к ней с юга адырах.

Обилие керамических изделий и находки бракованной посуды свидетельствуют о наличии здесь местного гончарного производства. Сильно разрушенная керамическая мастерская обнаружена в 300 м к югу от тепе на склоне адыра. Здесь же, судя по находкам шлакированного железа, находилась металлообрабатывающая мастерская. Находки стекломассы и отличие карабулакских стекол от стеклянных изделий из других районов

³ Г. А. Брыкин а. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г. КСИА, вып. 108.

⁴ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955.

⁵ Надпись прочтена И. А. Батмановым и опубликована в сб. «Новые эпиграфические памятники Киргизии». Фрунзе, 1961. Надпись содержит слова: «и его внутренность мукой».

Средней Азии дают возможность предположить здесь местное изготовление стеклянной посуды.

Город имел хорошо налаженное водоснабжение. В двух пунктах зафиксировано наличие водопровода: керамические кубуры лежали в определенном порядке в направлении к тепе.

Вполне допустимо, на наш взгляд, отождествление городища с городом Асбаникат, центром самого восточного рустака Уструшаны, граничившего с Исфарой — Асбарой — рустакем Ферганы⁶.

Для изучения средневековой Ферганы большое значение имело бы стратиграфическое изучение крупных городских центров, поскольку именно они определяли культурное и экономическое развитие области. Однако раскопки, проводившиеся в Узгене, из-за незначительности вскрытой площади не дают сколько-нибудь цельной картины истории развития города. Карабулак пока остается единственным средневековым памятником в Фергане, где открытая раскопками площадь превысила 1500 м². В результате выяснено, что почти четырехметровая толща культурных напластований заключала сооружения пяти строительных горизонтов. Сооружения каждого из периодов сопровождались перестройками и существенным изменением планировки.

Материалы из Карабулака в совокупности с материалами других памятников Ферганы и восточной Уструшаны позволяют наметить эволюцию некоторых форм материальной культуры, а также проследить направление экономических и культурных связей населения района. Остановимся на керамике, основная масса которой, несомненно, местного изготовления.

Подсчет керамики по горизонтам показал, что лепная посуда составляет менее 1% от общего количества керамических изделий из Карабулака. При сравнении неполивной и поливной посуды оказалось, что обе группы представлены почти одинаковым количеством находок. В неполивной посуде количественно преобладают кувшины. На втором месте по численности находок стоят горшки, на третьем — котлы. Хумы же, столь многочисленные на памятниках раннего средневековья, в Карабулаке представлены единичными находками. Вся гончарную посуду характеризует стандартность форм, пропорций, орнаментации. Большим разнообразием орнаментации отличается поливная посуда, хотя и она выдерживает общий принцип. Изучение керамики двух памятников, расположенных в разных концах Ферганы (Карабулак в юго-западных предгорьях, Ана-Кызыл — в северо-восточных, в районе Узгена), позволяет наметить стратиграфическую колонку для некоторых форм керамических изделий.

Карабулак дал в основном материал XII в. Дата определяется по монетам узгенского чекана последней четверти XII в. Поливную посуду составляют блюда резким перегибом, чаши, миниатюрные чашечки, светильники. Выделяются три вида орнамента:

- 1) расплывчатая пятнистая роспись (гамма желто-зеленая) представлена единичными находками;
- 2) многоцветная роспись с четким геометрическим орнаментом;
- 3) пятнистая роспись в сочетании с гравировкой.

В Ана-Кызыле керамика, аналогичная карабулакской, происходит из сооружений верхнего строительного горизонта. Два нижних горизонта дали поливную посуду, отличающуюся от керамики верхнего горизонта как формой, так и орнаментацией. Поливная посуда представлена блюдами и чашами плавных очертаний.

⁶ Н. Негматов отождествил Асбаникат с развалинами городища, расположенными в пос. Исфана (Н. Негматов. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957, стр. 28). Однако при шурфовке, проведенной на городище в 1957 г. Ю. А. Заднепровским, установлено, что на городище нет слоев старше XIV в.

Выделяются три вида орнаментации: 1) роспись пятнистая расплывчатая; 2) четкий геометрический узор; 3) сильно стилизованная эпиграфика.

Совершенно отсутствует поливная посуда, украшенная гравировкой.

Монеты, найденные в слое, дают дату X — середина XI в.

Керамика XII в. из юго-западной Ферганы обнаруживает большее сходство с ташкентской средневековой керамикой, чем с согдийской. От керамики Афрасиаба ферганскую поливную посуду отличает большая скромность узора: поверхность афрасиабских блюд почти сплошь покрыта гравировкой и росписью, на карабулакских же блюдах орнамент неширокой полосой опоясывает только верхнюю часть корпуса сосуда. В XII в. в районе Самарканда распространяется посуда, покрытая голубой глазурью. В Фергане же ее находки единичны.

О. Г. БОЛЬШАКОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ГОРОДА VIII—XII вв.
В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ИСТОРИИ ГОРОДОВ
ВОСТОКА

За последнее двадцатилетие советские археологи добились значительных успехов в исследовании среднеазиатского города VIII—XII вв. Оно ведется в различных направлениях: в одних случаях проводится предварительное обследование всех городов целого исторического района (Илак, Таласская долина, Чуйская долина, предгорья Копет-Дага, долина Чирчика), в других — объектом детального исследования становятся отдельные города (Мерв, Самарканд, Ниса, Хазарасп). Можно без преувеличения сказать, что средневековая археология Средней Азии в основном связана с раскопками городов. Особенно отраднo возобновление (в небывало большом масштабе) раскопок Афрасиаба.

Несмотря на все успехи, следует признать, что прогресс в изучении города как социально-экономического явления пока еще невелик. Одна из причин этого — конечно, объективные трудности раскопок большого города, требующие огромной затраты человеческого труда (механизировать пока удастся только отвоз земли), большого количества квалифицированных археологов, работающих согласованно, по единому плану, и длительного периода работы. Даже при больших средствах и соответственно большом объеме работ лишь лет через десять можно надеяться получить первые результаты (если говорить об исследовании города, а не отдельных объектов на его территории); пример Пенджикента и Афрасиаба достаточно красноречив в этом отношении.

Второй причиной является известная приверженность к стереотипам в исторических и теоретических построениях. Нередко археологи-медиевисты стараются иллюстрировать своими материалами известные положения, а не исходят в первую очередь из информации, содержащейся в самом материале. Письменная история и сложившиеся концепции подавляют в этом случае самостоятельность археологов, хотя именно они обладают самым свежим и объективным материалом.

В качестве примера можно привести проблемы, связанные с арабским завоеванием. Известно, что арабское завоевание, сопровождавшееся многолетними военными действиями, неоднократными штурмами и разграблениями одних и тех же городов, не могло не вызвать упадок и разрушение отдельных центров. Исследование конкретной картины почти полностью ложится на археологию. Однако вместо конкретного исследования и обоснования детальной датировки, опирающейся на стратиграфические наблюдения, которая определяла бы точное время того или иного слоя разрушения и упадка, многие, найдя такой слой, примерно соответству

ющий времени арабского завоевания, любое разрушение объясняют и датируют арабским завоеванием. Так, о городах Южной Туркмении говорится, что все они в связи с арабским завоеванием либо хиреют, либо совсем замирают, а после некоторого перерыва возникают на новом месте¹. Это, вероятно, справедливо, но до сих пор не получило развернутого подтверждения в опубликованном материале. Этот вывод, по-видимому, основывается на впечатлении от предварительного обследования городищ, которое при любом опыте и интуиции исследователя позволяет датировать время их угасания лишь в пределах многих десятилетий. Между тем далеко не безразлично, угасают ли указанные города в конце VII в. (и следовательно, непосредственно в связи с арабским завоеванием области) или в середине VIII в.

В значительной мере такие общие определения зависят от распространенного представления о том, что арабы, будучи кочевниками, разрушали чуждую им оседлую культуру. Сторонники этого взгляда забывают, что значительная часть арабов, участвовавших в завоевании Средней Азии, были горожанами, пусть не ремесленниками или торговцами, но во всяком случае жителями городов Куфы и Басры, а затем горожанами в самой Средней Азии. Не случайно, что обязательным условием мирных договоров было предоставление арабам части жилищ в городах. В Мерве арабы обосновываются в последней четверти VII в., покупая дома и прочую недвижимость. Все это, конечно, не исключает того, что среди арабов было какое-то количество бедуинов, и тем более не доказывает, что завоеватели бережно относились к имуществу и культурным ценностям покоренных народов. Ограбление завоеванных областей, жестокое отношение к мирным жителям не было чертой, свойственной только арабам-мусульманам: грабежи и жестокости были в духе времени. Достаточно вспомнить увод в плен жителей целых городов, предпринимавшийся вполне оседлыми и цивилизованными Сасанидами, судьбу Антиохии и Иерусалима. И если мусульманами «двигала сура о добыче», как часто любят объяснять наши историки причину успешной экспансии мусульман, то не следует забывать, что не Мухаммед придумал раздел добычи среди солдат и что правила раздела добычи, провозглашенные этой сурой и разработанные позже мусульманскими юристами, основывались на нормах римского права². Все это следует учитывать, оценивая влияние арабского завоевания на судьбу среднеазиатских городов.

Только непредвзятый глаз археолога может выяснить истинную картину жизни городов в этот трудный период. Мы знаем теперь, что Пенджикент, сильно пострадавший в 722 г., прекратил существование на полвека позже в связи с другими событиями; дважды жестоко разгромленный Пайкенд просуществовал до XI в., а Мерв и Бухара после арабского завоевания не захирели, а, наоборот, значительно выросли. Следовательно, в каждом случае необходимы конкретные исследования, а не просто ссылка на последствия арабского завоевания.

Еще одним существенным недостатком в постановке изучения города Средней Азии является то, что оно нередко ведется в отрыве от исследований того огромного мира, частью которого была Средняя Азия и который принято называть мусульманским миром. Несомненно существование определенной культурной и экономической общности стран Халифата, порожденной не только длительным вхождением в состав одного государства, но и общностью идеологии (религии) и многих явлений культуры.

Любые факты истории приобретают больший вес и значимость, если

¹ М. Е. Массон. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорасан и в Мавераннахр (В пределах Туркменской ССР). ТЮТАКЭ, т. XIII. Ашхабад, 1966, стр. 14.

² E. Schmidt. Die Occupatio im islamischen Recht. «Der Islam», Bd. I. Berlin, 1860, S. 300—350.

их рассматривать на широком историческом фоне. Сейчас, например, нередко можно встретиться с критикой теории трехчастного деления средневекового города, которая была разработана В. В. Бартольдом и А. Ю. Якубовским. Естественно, что новые материалы изменили многое в прежних представлениях, но вряд ли можно согласиться с утверждениями, что за терминами, выявленными В. В. Бартольдом, нет какого-либо реального содержания. Термины «медина» и «рабад» не локальные среднеазиатские, они употреблялись вплоть до Испании. На Ближнем Востоке они имеют несколько иной оттенок: медина — то, что защищено стеной, рабад — незащищенный пригород. Различие в понимании одних и тех же терминов не случайно: на Ближнем Востоке не было такого интенсивного территориального роста городов, как в Средней Азии, и соотношение между старым городом и пригородами было иным.

Зато на другом конце мусульманского мира, в Испании, существовала та же структура города, что и в Средней Азии: цитадель, медина и рабад (укрепленный); кстати, последнее слово до сих пор сохранилось в испанском языке в форме *arrabal*. Современный испанский историк, не будучи знаком с трудами В. В. Бартольда и последующей дискуссией по этому вопросу, установил ту же терминологическую значимость слов «медина» и «рабад» (посвятив этому специальную статью под заголовком «Структура испано-мусульманского города: медина, рабады, кварталы») ³ с той только разницей, что в нашей науке применительно к среднеазиатскому городу это было сделано уже 60 лет назад.

Весьма интересно, что структура испанского мусульманского города совпадает со структурой среднеазиатского города, но не имеет ничего общего с городом соседней Франции. Франция не знала пригорода типа рабада, что объясняется разным социально-правовым статутом города в Западной Европе и на Востоке. В Европе город — особый социальный организм с индивидуальным правом для горожан, действие которого прекращается за стенами города; здесь житель пригорода — не настоящий горожанин. На Востоке нет принципиальной разницы между городом и пригородом, чем, вероятно, отчасти объясняется более быстрый рост городов на Востоке за счет пригородов-рабадов. Отмеченное сходство испанского и среднеазиатского городов — еще одно доказательство реальной общности стран бывшего Халифата, еще один довод в пользу необходимости учитывать ее при изучении больших исторических явлений.

Особенно интенсивный рост большинства городов Средней Азии приходится на IX—X вв. За это время Бухара вырастает в 12—15, Самарканд — в 3—4, Бинкет — примерно в 20 раз. В той или иной степени это характерно для всех городов Средней Азии с той только разницей, что периоды наиболее интенсивного роста в разных районах не всегда совпадают. Особенно заметен этот рост при сравнении с Ближним Востоком. В Сирии, например, в тот же период общее число городов не увеличивается, существующие города растут несравненно медленнее: Дамаск и Алеппо, несомненно крупные экономические и культурные центры, с VIII по XI в. выросли только на 30—40%, значительно уступая по размерам не только Мерву или Самарканду, но даже Нисе и Термезу.

Как понять этот феномен? Можно найти простое объяснение, что Средняя Азия по уровню своего развития превосходила Ближний Восток, так же как она превосходила в то время Западную Европу. Мысль о значительно более высоком уровне развития среднеазиатских городов по сравнению с европейскими высказывалась не раз ⁴. С этим следует

³ L. Torres Balb a s. Estructura de las ciudades hispanomusulmanas: la medina, los arrabales y los barrios. «Al-Andalus», v. XVIII. Madrid, 1953, p. 149—177.

⁴ Например, «История таджикского народа», т. II, кн. 2. М., 1966, стр. 146; та же мысль встречается и в других работах.

согласиться, поскольку до XII в. Европа отставала от Востока, но, к сожалению, сравнение уровня развития городов Европы и Средней Азии нередко ведется путем сопоставления уровня городского благоустройства, а не состояния экономики и тенденции развития.

Действительно, западноевропейские города XII в. в подавляющем большинстве были крохотными по сравнению со среднеазиатскими, тесными и грязными, но зато многие из них добились в это время политической автономии и более прогрессивного муниципального управления, создав предпосылки возникновения новой формации. Общий уровень культуры был ниже, но в этих городах начали появляться университеты, эти принципиально новые центры культуры.

Изучение различий в развитии социально-экономического строя средневековых городов Востока и Западной Европы — важнейшая историческая проблема, в равной мере актуальная и для истории Средней Азии. К сожалению, город как социально-экономическое явление до сих пор по существу мало изучается, идут споры о трехчастном делении города, об исторической топографии, ведутся раскопки, но все это замкнуто рамками Средней Азии, материал которой недостаточен для решения больших общен исторических проблем. Между тем в европейской науке наметился значительный сдвиг в исследовании социально-экономического строя города Востока⁵, мало отразившийся в работах, посвященных Средней Азии. То же можно сказать и о монографическом исследовании городов.

Но возвратимся к вопросу о росте городов в IX—XI вв. Нет сомнения, что он вызван скачком в развитии экономики. Убыстренный по сравнению с Ближним Востоком темп развития экономики Средней Азии может объясняться либо тем, что в силу каких-то обстоятельств там имелись более благоприятные условия и тогда экономика Средней Азии должна была перегнать Ближний Восток, либо тем, что исходный уровень был различным и население Средней Азии просто наверстывало образовавшийся ранее разрыв. Первое предположение приходится отбросить, поскольку нет оснований считать, что после X—XI вв. Средняя Азия опередила в экономическом развитии Ближний Восток. Следовательно, остается второе объяснение. И в самом деле, в VI—VII вв. среднеазиатские города, за редким исключением, были небольшими резиденциями мелких владельцев с незначительным объемом ремесленного производства, характеризовавшимся слабым развитием товарно-денежных отношений. После арабского завоевания, оказавшись в тесной экономической и культурной связи со странами Средиземноморья, Средняя Азия начала интенсивно догонять более развитые области. После нивелировки уровня, примерно в X в., темп развития экономики (а следовательно, и городов) заметно снижается. В первую очередь это происходит в наиболее развитых областях, на периферии же, на границе с кочевой степью (Южная Туркмения, Прибалхашье) этот процесс начинается и заканчивается позднее. Даже в IX—X вв. развитие городов происходит различно в зависимости от локальных особенностей. Так, в более развитом Согде число городов с VIII по X в. остается неизменным, некоторые города-резиденции даже деградируют в связи с утратой прежнего политического значения, но сохраняющиеся города значительно вырастают. В других же районах, например в Хорезме, число городов растет. К концу XII в. во всех областях Средней Азии число городов и их размеры стабилизируются, оставаясь неизменными в течение всего средневековья. Меняется лишь значение отдельных центров: хиреют одни и возвышаются другие. Даже численность населения городов первого порядка остается практически не-

⁵ C. Cahen. *Mouvements populaire et autonomisme urbain dans l'Asie Musulmane au moyen âge*. «Arabica», v. V, p. 225—250; v. VI, p. 233—260; он же. *Zur Geschichte der städtlichen Gesellschaft im islamischen Orient*, Saeculim, Bd. IX, 1958 и др.

изменной, колеблясь от 100 до 50 тысяч человек. Мало меняется и количество таких городов.

Намеченное здесь объяснение некоторых особенностей развития городов Средней Азии в IX—XII вв. требует дальнейшей детализации и обоснования. Кое-что слишком прямолинейно и требует уточнения, но необходимость исследования социально-экономической истории среднеазиатского города в тесной связи с общей проблематикой средневекового города Востока, с учетом всех достижений мировой науки не может вызывать сомнений.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А. М. Беленицкий отметил, что, судя по арабской географической литературе, с IX в. до монгольского завоевания города Средней Азии развивались особенно интенсивно. Может быть, это связано с тем, что это было время приобщения кочевых племен к городской обстановке.

Затем А. М. Беленицкий заметил, что историко-географическая работа по отождествлению руин городов с их средневековыми названиями была бы полезна как ученым, работающим с письменными источниками, так и археологам.

А. А. ИВАНОВ

О ПРОИЗВОДСТВЕ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ
В МАВЕРАННАХРЕ В ДОМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Проблема выявления бронзовых изделий Мавераннахра домонгольского времени является весьма сложной задачей, поскольку в поле зрения исследователей не попал ни один предмет, на котором было бы указано, что он изготовлен в одном из городов этой большой исторической провинции. О том, что производство бронзовых вещей в этом районе существовало, мы можем судить только по сообщениям арабских географов. Однако реальный облик этих вещей оставался до последнего времени неясным.

Во время археологических раскопок бронзовые изделия находят редко, очевидно, потому, что металлические вещи ценились, хранились и пускались в перделку в случае поломки.

Чаще бронзовые вещи обнаруживают в составе кладов и обычно случайно. Ряд подобного рода находок на территории Мавераннахра был сделан за последние десять лет, что позволило поставить вопрос о производстве бронзовых изделий в этой провинции на более реальную почву.

Таких кладов мне известно четыре: 1) в 1959 г. найдены вещи в Ахсикете¹; 2) в 1961 г. — в Шахристане, на городище Кахкаха III²; 3) кувшин, найденный тоже в Шахристане, на объекте Чил-Духтарон³; 4) в 1964 г. находки в Кетмень-Тюбе, Киргизская ССР⁴. Помимо вещей из кладов удалось выявить аналогичные предметы как в собрании Государственного Эрмитажа и Исторического музея в г. Фрунзе, так и в зарубежных коллекциях. Подавляющее большинство этих изделий было приобретено на территории Мавераннахра.

Все эти памятники сведены в таблицу, показывающую взаимную связь между ними (рис. 6). В связи с краткостью настоящей заметки не представляется возможным дать полное описание предметов и даже отметить все черты взаимосвязи между ними. Поэтому придется ограничиться минимальными сведениями.

Для сравнительного изучения необходимо привлечь некоторые бронзовые изделия Хорасана, поскольку эти последние уже до определенной

¹ А. И. Смирнов. Находки в Средней Азии. «Декоративное искусство СССР», 1963, № 5. М., стр. 37—38. Ныне вещи находятся в Государственном музее искусства народов Востока.

² Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966, стр. 179—181.

³ Там же, стр. 180.

⁴ А. А. Иванов. Клад бронзовых вещей из Кетмень-тюбе. (Статья помещена в находящемся в печати сборнике, посвященном археологическим работам в этом районе.)

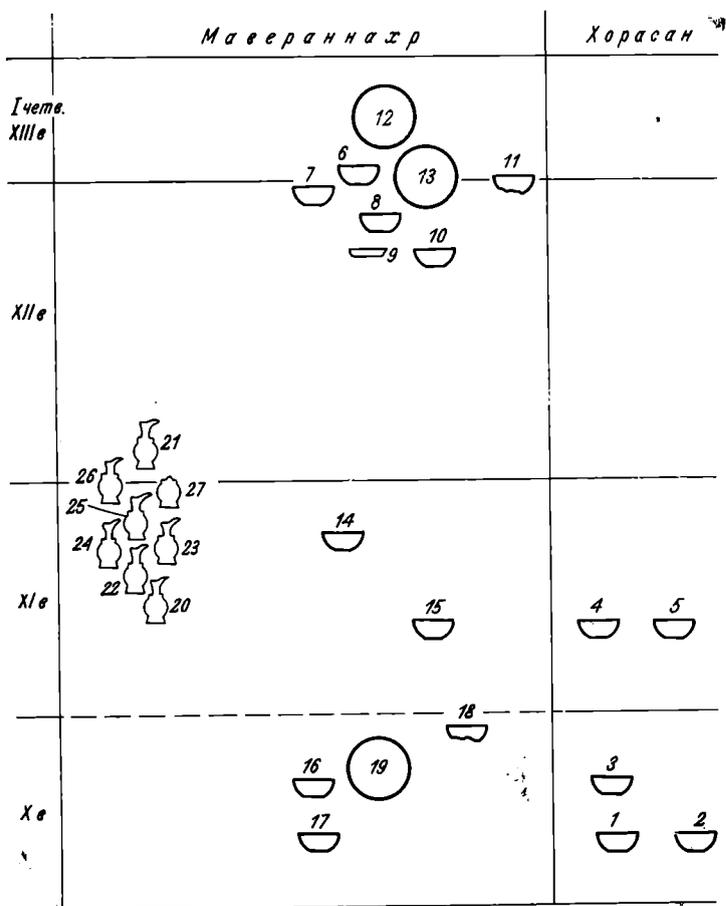

Рис. 6. Связь бронзовых изделий Мавераннахра и Хорасана

степени исследованы и, главное, связаны своей формой с интересующими нас мавераннахрскими вещами⁵.

1. Чаша из коллекции Кеворкяна (Нью-Йорк), работа мастера Абу Насра Мухаммада ибн Ахмада ас-Сиджзи⁶. Хорасан, X в.

2. Чаша из коллекции профессора Р. Эттингхаузена (Нью-Йорк⁷). Хорасан, X в.

3. Чаша из Тегеранского археологического музея⁸. Хорасан, X в.

4. Вторая чаша из коллекции Кеворкяна⁹. Хорасан, XI в.

⁵ Речь идет о больших полусферических чашах, украшенных только гравированными орнаментами и не имеющих инкрустации, которые были опубликованы в прекрасной статье проф. Р. Эттингхаузена: R. Ettinghausen. The «Wade Cup» in the Cleveland Museum of Art, its origin and decorations. «Ars orientalis» II, 1957, p. 327—366.

⁶ Диаметр 26 см, высота 10 см. См.: R. Ettinghausen. Указ. соч., фиг. H; G. Wiet. L'exposition persane de 1931. Le Caire, 1933, pl. IV.

Номера вещей (1—27) соответствуют цифрам на рис. 6.

⁷ Диаметр 21,6 см, высота 10,2 см. См.: R. Ettinghausen. Указ. соч., стр. 339, 341—342, фиг. 15—17.

⁸ Размеры, неизвестны, воспроизведений нет. Упоминается только в указ. статье Эттингхаузена, стр. 339, прим. 20.

⁹ Диаметр 40,5 см, высота 16,5 см. См.: R. Ettinghausen. Указ. соч., стр. 337—338, фиг. 13; R. Ettinghausen. Interaction and intergration in Islamic art. «Unity and variety in Muslim civilization». Chicago, 1955, p. 115—116, pl. IIIa; D. S. Rise. Studies in Islamic metalwork, VI. «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», v. XXI, pt 2, 1958, p. 243, 251—252, pl. XIII.

5. Чаша из Кабульского музея¹⁰. Хорасан, XI в.

Эти предметы связаны между собой формой и внутри веков — орнаментами, характером почерка надписей и заполнением фона. Отнесение их к Хорасану и датировка сомнений не вызывают. Необходимо отметить важное обстоятельство: эта форма чаш не зафиксирована среди бронзовых инкрустированных серебром и медью хорасанских изделий XII — первой четверти XIII в., хотя предметов этой группы сохранилось очень много.

Рассмотрение вещей, связываемых с Мавераннахром, удобнее начать в обратном порядке, ибо в этом случае легче установить хронологию памятников:

6. Чаша из музея Виктории и Альберта (Лондон), возможно, имеет серебряную инкрустацию¹¹. Конец XII — начало XIII в.

7. Чаша из Исторического музея в г. Фрунзе¹². Вторая половина XII в.

8. Чаша из Государственного Эрмитажа¹³. Вторая половина XII в.

9. Край чаши из Государственного Эрмитажа¹⁴. Вторая половина XII в.

10. Чаша из Государственного Эрмитажа (без орнамента)¹⁵, XII в.

11. Чаша из Государственного Эрмитажа (подражание по форме и орнаментам № 6—10)¹⁶. Конец XII — начало XIII в.

По своей форме эти предметы (№ 6—11) продолжают хорасанскую традицию X—XI вв. (№ 1—5). Однако по характеру орнаментов и надписей эти чаши обнаруживают некоторые общие черты с хорасанскими бронзовыми изделиями XII — первой четверти XIII в., хотя значительные отличия (почти обязательное отсутствие инкрустации, орнаменты, обработка фона) не позволяют связывать эту группу с Хорасаном.

В эту же мавераннахрскую группу XII — начала XIII в. следует включить еще две вещи:

12. Поднос из коллекции Хераманек (Нью-Йорк)¹⁷, кажется, с инкрустацией медью или серебром. Конец XII — начало XIII в.

13. Поднос из музея Виктории и Альберта¹⁸. Конец XII — начало XIII в.

К более раннему времени можно отнести следующие предметы:

14. Чаша из Государственного Эрмитажа¹⁹. Вторая половина XI в.

15. Чаша из Государственного Эрмитажа²⁰. Первая половина — середина XI в.

По своей форме и некоторым орнаментам эти две чаши связаны с аналогичными памятниками XII в., но по фактуре (более тонкостенные),

¹⁰ Размеры неизвестны. См.: R. Ettinghausen. The «Wade Cup»..., стр. 338, фиг. 10 и 14.

¹¹ A. Grohmann. Die Bronzeschale. M. 388—1911 im Victoria und Albert Museum. «Aus der welt der islamischen Kunst». Berlin, 1959, S. 125—138.

¹² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, стр. 175—178, рис. 74.

¹³ Инв. номер VC—751; диаметр 24 см, высота 11 см; куплена у кубачинца С. Магомедова.

¹⁴ Инв. номер СА—12696; диаметр 23,7 см; поступила в составе коллекции А. Л. Куна.

¹⁵ Инв. номер VC—516; диаметр 25,3 см; высота 10,5 см; поступила в составе коллекции Н. И. Веселовского.

¹⁶ Инв. номер СА—14695; диаметр 19,5 см, высота 9 см; поступила в составе коллекции Н. И. Веселовского (куплена в Чор-Пулате).

¹⁷ См.: R. Ettinghausen. The «Wade Cup», фиг. 28.

¹⁸ Инв. номер M. 31—1954; диаметр 29,2 см, высота 3,8 см; См.: A. Grohmann. Die Bronzeschale M. 31—1954 im Victoria und Albert Museum. «Beiträge zur Kunstgeschichte Asiens im memoriam Ernst Diez». Istanbul, 1963, S. 283—287. Воспроизведения нет.

¹⁹ Инв. номер СА—9995; диаметр 19,5 см, высота 9,3 см; поступила из Археологической комиссии (коллекция Краузе, Ташкент).

²⁰ Инв. номер СА—1833; диаметр 22,6 см, высота 10,5 см; поступила в составе коллекции Б. Н. Кастальского.

характеру почерка надписей и некоторым орнаментам их возникновение можно отнести к XI в.

К еще более раннему периоду принадлежат несколько вещей:

16. Чаша, найденная в составе клада в Кетмень-Тюбе (Киргизская ССР)²¹, X в.

17. Чаша из Государственного Эрмитажа²², X в.

18. Вторая чаша из клада из Кетмень-Тюбе²³ (почти без орнамента), X—XI вв.

19. Поднос из бывшей коллекции Ф. Р. Мартина²⁴, X в.

Это тонкостенные изделия, обнаруживающие в своих орнаментах связь с памятниками X в. По своей форме они подражают хорасанским чашам X в.

Рассмотренные памятники (№ 6—19) показывают стойкую традицию производства бронзовых изделий на одной территории с сохранением формы изделий почти в течение трехсот лет и постепенным изменением орнаментов.

Такой территорией может быть Мавераннахр, поскольку большинство чаш (№ 7, 9—18) и один поднос (№ 19) либо найдены, либо куплены в различных местностях этой исторической провинции (купленные вещи тоже несут следы пребывания в земле). Эти вещи не имеют четких черт, которые позволили бы связывать их с Хорасаном.

Но кроме этих предметов сейчас известны восемь бронзовых кувшинов одной формы, которые почти все (кроме одного) найдены или куплены в Мавераннахре:

20. Кувшин, найденный в 1959 г. в Ахсикете²⁵. Подпись мастера неразборчива. Середина — вторая половина XI в., поскольку в кладах были монеты 1047 г.

21. Кувшин с городища Кахкаха III²⁶. Подпись мастера: «сделал Ахмад».

22. Кувшин с объекта Чиль-Духтарон²⁷.

23. Кувшин из клада в Кетмень-Тюбе²⁸. Подпись мастера: «сделал Ахмад».

24. Кувшин из Государственного Эрмитажа²⁹. Подпись мастера: «сделал Ахмад».

25. Кувшин из бывшей коллекции Ф. Р. Мартина³⁰.

26. Второй кувшин из бывшей коллекции Ф. Р. Мартина³¹.

27. Третий кувшин (без горла) из бывшей коллекции Ф. Р. Мартина³².

Все кувшины идентичны по форме, с небольшими отклонениями в размерах. Три подписи (четвертая не видна до расчистки) одного мастера свидетельствуют о работе одной мастерской. Шесть из восьми предметов были найдены в северо-восточных районах Мавераннахра. Эти кувшины очень мало украшены орнаментом. Представляется более вероятным отно-

²¹ А. А. Иванов. Указ. соч., табл. 1—3.

²² Инв. номер ВС—139; диаметр около 22,9 см, высота 11 см; поступила в составе коллекции Н. И. Веселовского (куплена в Чор-Пулате).

²³ А. А. Иванов. Указ. соч., табл. 4.

²⁴ F. R. Martin. *Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient*. Stockholm, 1902, Taf. 31 (Бухара, очевидно, место покупки).

²⁵ А. И. Смирнов. Указ. соч., илл. на стр. 38.

²⁶ Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Указ. соч., стр. 179—180, табл. XXIII—XXIIIa.

²⁷ Там же, стр. 180.

²⁸ А. А. Иванов. Указ. соч., табл. 5.

²⁹ Инв. номер СА—12675. Кувшин куплен у жителя Средней Азии Д. М. Юсупова.

³⁰ F. R. Martin. Указ. соч., табл. 29. Под таблицей написано: «Ташкент», очевидно, место покупки.

³¹ Там же, с той же подписью.

³² F. R. Martin. *Sammlungen aus dem Orient in der allgemeinen Kunst- und Industrie-Ausstellung zu Stockholm*. 1897. Stockholm, 1897, Schrank 7.

силь к началу XII в. наиболее богато украшенный из них (№ 21), все остальные располагать в пределах середины — второй половины XI в.

По своей форме и орнаментам эти кувшины показывают особую традицию производства, отличную от той, какую мы видим на чашах.

Таким образом, выделены вещи, которые на основании места находки или покупки и по отличию в орнаментах от хорасанских можно отнести к производству Мавераннахра X — первой четверти XIII в. Дальнейшее изучение находок и коллекций музеев Средней Азии позволит проверить правильность этого вывода.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Н. Н. Негматов сказал, что в докладе дана первая попытка доказать существование среднеазиатской мавераннахрской торовтики. Е. В. Зеймаль отметил, что работа А. А. Иванова является примером обоснованной датировки вещей.

О. Г. Большаков говорил о том, что датировка вещей по эпиграфике очень относительна: датирующими являются не столько характерные особенности языка, шрифта или почерка, сколько время их возникновения. На материалах бронзы и поливной керамики прослеживается тот факт, что между X—XI и XI—XII вв. проходит грань стиля в искусстве: где-то во второй половине XI в. намечается рубеж между двумя стилями в прикладном искусстве.

V. АРХЕОЛОГИЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Я. А. ШЕР

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ
И УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Одной из традиционных особенностей советской среднеазиатской археологической школы является применение технологических и физико-химических методов изучения древностей. Об этом убедительно свидетельствуют и ранние работы М. Е. Массона, и последующие исследования археологов Средней Азии¹. Систематически применяются спектральный, химический и микроструктурный анализы. Методом научного исследования древних объектов стала аэрофотосъемка. Давнюю традицию имеет научная методика реставрации памятников архитектуры и искусства. За последнее десятилетие арсенал естественнонаучных методов пополнился датировками по радиоактивному углероду, палеогеографическими и геофизическими исследованиями.

В настоящее время собрано большое количество естественнонаучных данных об археологических материалах и памятниках Средней Азии. Период первоначального накопления этого вида информации можно считать завершенным, и следует попытаться наметить пути перехода от исследований по конкретным вопросам к постановке и решению более обобщенных проблем археологии Средней Азии. Именно эту цель в общем виде преследует данная статья.

Если идти от задач археологии, можно выделить четыре большие группы проблем, в рассмотрении которых большой вес могут иметь методы естественных и технических наук: 1) абсолютная хронология и синхронизация древних культур; 2) этнокультурные и хозяйственные связи в древности; 3) история древней технологии; 4) человек и природная среда в древности. Кратко рассмотрим каждый из этих аспектов.

Абсолютная хронология и синхронизация древних культур. В настоящее время без использования целого ряда естественнонаучных методов невозможно эффективное рассмотрение вопросов абсолютной и относительной хронологии, особенно применительно к доисторическим, т. е. к дописьменным культурам. Диапазоны методов абсолютного датирования последовательно перекрывают друг друга на отрезке времени от конца третичного периода до позднего средневековья (торий 230, калий 40—аргон 40, углерод 14, термолюминесценция керамики, дендрохронология, археомагнетизм). Помимо этого, независимую проверку данных

¹ М. Е. М а с с о н. К истории добычи ртути в Средней Азии. «Народное хозяйство Средней Азии», т. 7, № 5. Ташкент, 1930; он же. К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка. М.—Л., 1936, и др.

позволяют осуществить геолого-геоморфологические методы. Если для хронологии палеолита роль методов абсолютного датирования пока невелика в связи с недостаточным количеством данных, то для неолита и эпохи бронзы метод C_{14} приобретает решающее значение.

Неолит и энеолит. Существующая сейчас хронология мезо- и неолитических культур Старого Света строится на базе более чем 3 000 радиоуглеродных дат². Среди них значительное число приходится на древнейшие земледельческие районы Ближнего и Среднего Востока и Индии. Так, например, для Северного Ирана, непосредственно прилегающего к территории Советской Средней Азии, имеются даты по C_{14} , начиная с мезолитических слоев (пещеры Белт и Хоту) и кончая поселениями типа Хаджи-Фируз³. Ряд дат имеется по раннеземледельческим памятникам Средней Азии. Если сосредоточить усилия археологов в области упорядочения накопленного материала и обратить особое внимание на добычу новых образцов для радиоуглеродного датирования, то можно в короткий срок создать сквозную хронологию памятников Юга Средней Азии и зарубежного Среднего и Ближнего Востока. Это в свою очередь позволит навести хронологический «мост» к древнейшим культурам Кавказа и Юго-Восточной Европы, особенно к последним, хронология которых по C_{14} недавно была подвергнута тщательному анализу⁴.

Эпоха бронзы. Земледельческие культуры Юга Средней Азии можно будет «привязать» к общей хронологии оседлых поселений. Значительно сложнее обстоит дело с памятниками так называемой степной бронзы. Непосредственно они сопоставляются с соответствующими периодами бронзового века Приуралья и Южной Сибири. Но дело в том, что последние датируются в результате длинных цепочек типологических сопоставлений, уводящих в конечном счете весьма окольным путем в мир древнейших цивилизаций Переднего Востока и Юго-Восточной Азии. Такие длинные сопоставления, где невозможно учесть время передвижения самой вещи или технической идеи этой вещи, безусловно чреваты неточностями, и всякая возможность независимой проверки должна быть использована. Если бы удалось организовать сбор серийных образцов для радиоуглеродного датирования, то при довольно скромных затратах такая независимая хронологическая шкала могла бы быть построена в ближайшие годы.

Недостаток места не позволяет рассмотреть вопросы хронологии, назревшие и для других, более поздних эпох, однако указанные выше — представляются важнейшими.

Этнокультурные и хозяйственные связи. За последние 10 лет советская археология Средней Азии накопила значительное количество результатов различных физико-химических анализов древних изделий и материалов. Среди них особенно массовый характер имеют материалы по спектральному анализу. В настоящее время отработана вполне «производственная» методика, позволяющая получать в короткие сроки результаты анализов сотен металлических, стеклянных и кремневых изделий⁵. Значительная часть результатов анализов опубликована в разных изданиях в виде таблиц концентраций основных элементов и примесей. Эти таблицы сопровождаются некоторой историко-археологической интерпретаци-

² «Chronologies in Old World archaeology». Chicago and London, 1965.

³ Там же, стр. 217, 219, 248 и др.

⁴ Н. Квитта. Radiocarbonaten und die Chronologie des mittel-und südosteuropäischen Neolithikums. «Ausgrabungen und Funde», Bb. 12, H. 3, 1967.

⁵ Д. В. Наумов. Метод количественного спектрального анализа сплавов на местной основе применительно к исследованию археологических предметов. СА, 1961, № 3; И. В. Богданова-Березовская, Д. В. Наумов. О применении количественного спектрального анализа при исследовании археологических бронзовых изделий. В сб. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963; Д. В. Наумов. Опыт количественного спектрального анализа древнего стекла. СА, 1962, № 4; Г. М. Ковнурко. К изучению свойств кремня. КСИА, вып. 92, 1962.

ей. К сожалению, подобные сводки результатов не способствуют разностороннему изучению культур, которым принадлежат проанализированные вещи. Каждая отдельная публикация посвящена весьма частной группе вещей, на ее результатах не построишь культурно-исторической концепции. Поэтому необходимо переходить от частных исследований к постановке общих вопросов. Одним из таковых является изучение различных связей между культурами.

Помимо традиционных археологических методов изучения межплеменных и межкультурных связей, оказалось возможным использовать для этой цели данные о химическом составе древних кремневых и металлических вещей. Работы, выполненные на подобных материалах для Восточной Европы, обнаружили много интересных связей между племенами эпохи неолита и бронзы, ранее либо неизвестных, либо не подтвержденных другими методами⁶. Для археологии Средней Азии такая задача вполне назрела, обеспечена материалом и может быть реализована.

История древней технологии. Данная тема, как уже отмечалось, является одной из традиционных в археологии Средней Азии. Однако центр тяжести историко-технологических исследований лежит в области горного дела и керамического производства. В последнее время появились работы по функционально-технологическому изучению каменных изделий⁷. Вместе с тем история древней металлургии Средней Азии еще ждет своих исследователей. А ведь история древней металлургии в общем виде — это история технологии основных средств производства, фундамента общественного прогресса. Опыт подобных работ, выполненных для других территорий, показывает, что и здесь данные физико-химических методов исследования, методов физического моделирования древних технологических процессов могут дать ряд любопытных новых исторических данных.

Человек и природная среда. Географические особенности нашей страны позволяют рассматривать данную проблему на очень широком фоне, чего фактически лишены археологи многих зарубежных стран. Это обстоятельство хорошо видно на примере Средней Азии, где можно наблюдать почти все климатические зоны, от субтропиков на юге до суровых высокогорий Памира и Тянь-Шаня. Если успешно воспользоваться такими благоприятными условиями, среднеазиатские археолого-природоведческие работы могут выдвинуться на ведущее место в мировой науке. Это тем более очевидно, что у среднеазиатских археологов уже имеется значительный опыт подобных исследований (Хорезм, Геоксюрский оазис)⁸. Известно большое значение поставленной в работах В. М. Массона проблемы неолитической революции⁹. Одним из существенных ее вопросов является взаимодействие социальных и природных факторов в период перехода от присваивающего к производящему хозяйству.

Археология Средней Азии накопила колоссальное количество исходного материала. Это заставляет с особенным вниманием отнестись к методам, не выделенным в специальный раздел в начале данной статьи, но имеющим большое значение в любом из перечисленных разделов. Это статистико-комбинаторные методы и современные средства переработки

⁶ Г. М. Ковнурко. Указ. соч., ; А. В. Анпилов, К. А. Инина. Результаты петрографического изучения кремня с древних поселений Карелии. СА, 1966, № 3; Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА, № 132. М., 1966.

⁷ Г. Ф. Коробкова. Каменные и костяные орудия из энеолитических поселений Южной Туркмении. Изв. АН Туркм. ССР, вып. 3, 1964, и др.

⁸ Б. В. Адрианов, Н. И. Базилевич и Л. Е. Родин. Из истории земель древнего орошения. ИВГО, т. 89, вып. 6. М., 1967; С. П. Толстов, Б. В. Адрианов. Новые материалы по истории ирригации Хорезма. КСИЭ, вып. 26, 1957 и др.; Г. Н. Лисицына. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. КСИА, вып. 93, 1963.

⁹ См. статью В. М. Массона в данном сборнике.

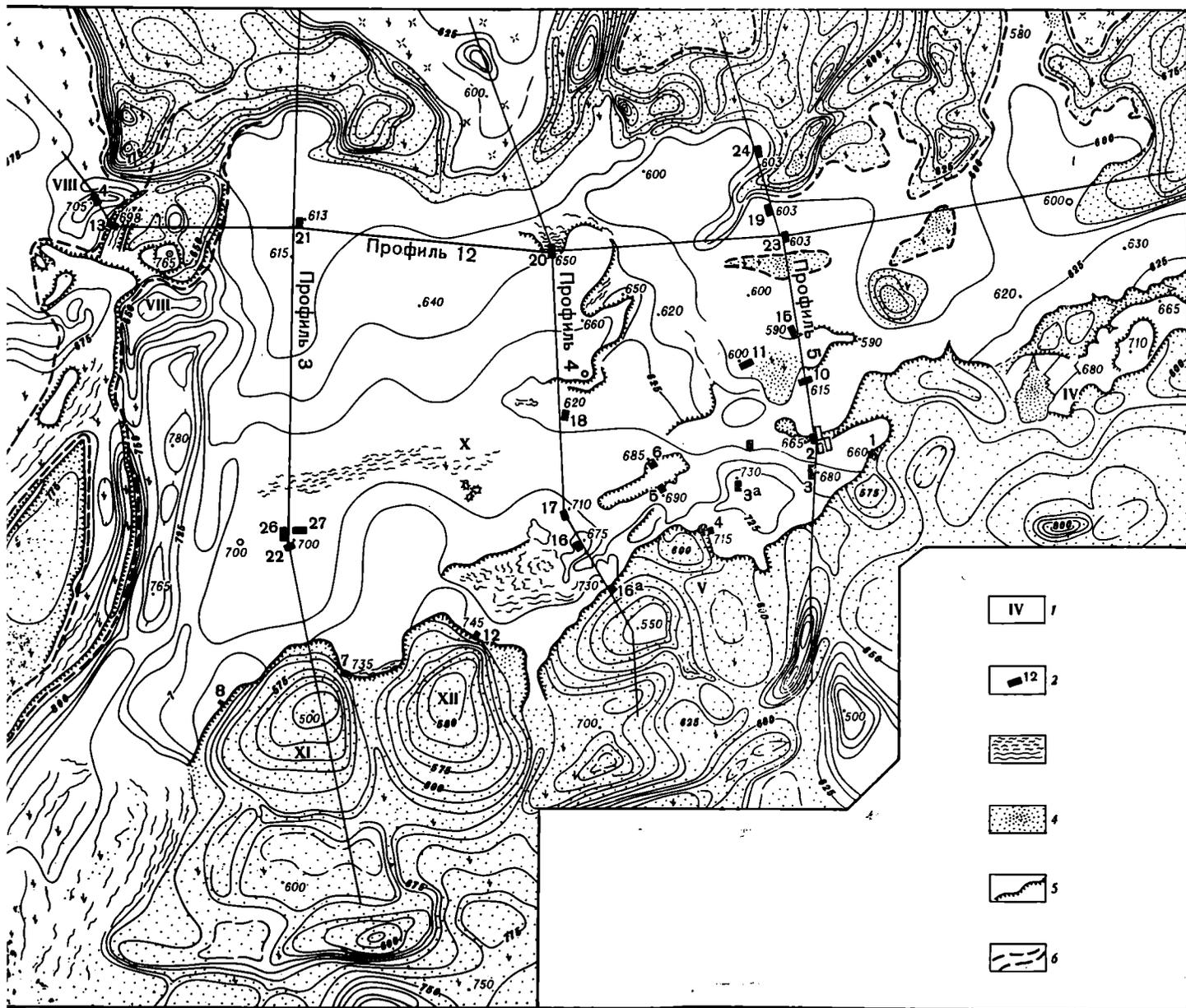

Рис. 7. Участок древней дельты Аму-Дарьи

1 — номера стоянок; 2 — шурфы; 3 — разрушенные такыры; 4 — пески; 5 — уступы; 6 — следы древнего русла

больших объемов информации. Как показали первые для среднеазиатской археологии исследования с математической обработкой данных по ранне-средневековой керамике¹⁰ и палеолитическим орудиям¹¹, необходимо провести большую «внутриархеологическую» работу по унификации системы учета и описания массовых коллекций, по разработке типологии древних вещей.

Необходимость подобных специальных разработок становится тем более очевидной, что они уже ведутся за рубежом на материалах памятников смежных с советской Средней Азией территорий¹².

Недостаток места вынуждает ограничиться лишь конспективным обзором самых общих проблем, к постановке и рассмотрению которых привлекают внимание данные естественнонаучных методов, накопленные археологией Средней Азии.

Одним из главных условий реализации перечисленных выше задач является преодоление территориальной замкнутости археологических исследований в рамках современных административных границ. Каждая из названных проблем относится к территории всех среднеазиатских республик. Поэтому нужен ряд мер, объединяющих усилия среднеазиатских археологов. Необходимы целевые межреспубликанские экспедиции, особенно по проблемам хронологии и изучения взаимодействия социальных и природных факторов в древности. Необходима единая система методики полевых и камеральных работ, без которой многие материалы, полученные на разных территориях, окажутся несопоставимыми.

Консолидация усилий, средств и научных кадров в деле широкого внедрения в археологию Средней Азии методов современной науки безусловно станет источником дальнейших, более фундаментальных и перспективных исследований.

¹⁰ Б. И. Маршак. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов. МИА, № 129, 1965; он же. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник (к методике изучения керамических комплексов). Автореф. канд. дисс. Л., 1965.

¹¹ Р. Сулейманов. Грот Оби-Рахмат и опыт математико-статистического изучения обирахматской культуры. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968.

¹² I. Christophe, J. Deshayes. Index de l'outillage sur cartes perforées: outils de l'âge du bronze des Balkans à l'Indus. Paris, 1964; J.-C. Gardin. Four codes for the description of archaeological artifacts. «American Anthropologist», v. 60, № 2, 1958; он же. Methods for the descriptive analysis of archaeological material. «American Antiquity», 1967; J.-C. Gardin, P. Garelli. Reconstructing an Economic Network in the Ancient East with the Help of a Computer. «The Use of Computers in Anthropology». La Haye, 1965.

А. С. КЕСЬ, М. А. ИТИНА, А. В. ВИНОГРАДОВ

К ПАЛЕОГЕОГРАФИИ АКЧА-ДАРЬИ

Основные этапы истории древней Акча-Дарьинской дельты Амударьи в настоящее время известны. Систематическими исследованиями на территории дельты, и в частности комплексными археолого-географическими работами 1954—1956 гг., было установлено, что формирование Акча-Дарьинской дельты происходило в основном в верхнем плейстоцене и голоцене и завершено в историческое время¹. Открытия новых археологических памятников и связанные с этим комплексные исследования в разных районах дельты позволяют в ряде случаев уточнить или по крайней мере детализировать полученные ранее сведения.

В 1965 г. комплексные работы были проведены в районе возвышенности Джанбас. Выбор участка (в 300 м от западного окончания возвышенности и в 1—1,5 км к юго-западу от крепости Джанбас-кала) был обусловлен наличием здесь на очень ограниченной территории крупного комплекса разновременных памятников первобытной эпохи. Работы были весьма детальными. В ходе их проведены обследование ранее известных памятников, шурфовка и раскопки ряда вновь открытых стоянок, изучение большого количества шурфов и составление профилей и разрезов, мензуральная съемка участка, а также маршрутное обследование окружающей территории. Широко использовались материалы разномасштабной плановой аэрофотосъемки.

В центре исследованного участка расположен неправильной формы такыр, условно названный Джанбасским (рис. 7). Поверхность такыра неровная и в целом наклонена на север. Разница в отметках достигает 1—1,3 м. Сложен он плотным суглинком и лишь в восточной и юго-восточной частях сохранил на поверхности остатки рыхлых алевритовых отложений.

В пределах такыра выделены шесть разновозрастных толщ, представленных разными осадками.

1. Серо-желтые пески, ограничивающие такыр с юга и юго-востока. Образованы в результате эоловой переработки акча-дарьинского аллювия, отложенного в верхнем плейстоцене.

2. Более молодые озерно-аллювиальные осадки, представленные светло-серыми тонкозернистыми, пылеватыми, тонкослоистыми песками и супесями, иногда сильно слюдистыми, с прослоями суглинков. Отложены медленно текущими дельтовыми протоками и старицами.

3. «Болотный горизонт» (мощностью в 10—15 см) — суглинисто-песчаная прослойка, темноокрашенная остатками перегнивших растений. В зоне

¹ «Низовья Амударьи. Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения» МХЭ, вып. 3. М., 1960.

выклинивания озерно-аллювиальной толщи он покровно залегает на древних эоловых песках. Местами в береговой полосе «болотный горизонт» раслаивается на два горизонта (верхний и нижний), между которыми прослеживается прослой перевеянного песка мощностью от 2—5 до 20 см.

4. Плотный суглинок, серый или желтоватый, слоистый, трещиноватый, местами с отпечатками растений по напластованиям. Мощность от 5—10 см до 1,5—1,7 м.

5. Тонкослойные алевриты и пылеватые пески. Толща их сильно разрушена, и они сохранились на поверхности суглинка отдельными пятнами.

6. Светло-серые слоистые, мелкозернистые пески и супеси с прослоями суглинков заполняют русло к западу от такыра.

В жизни обследованного участка дельты отчетливо прослеживаются два этапа:

1. Этап преобладающей озерно-аллювиальной аккумуляции с частичной эоловой переработкой молодых отложений. 2. Этап господства эоловых процессов, преимущественно дефляции. Заключительная часть первого и второй этап хронологически соответствуют периоду освоения человеком этого участка дельты (и дельты в целом). Следы освоения — археологические памятники и находки — позволяют с достаточной точностью установить абсолютные даты протекавших в этом районе процессов.

Непосредственно в пределах такыра и по краям его обнаружено около десяти первобытных стоянок. Наиболее ранние из них (неолит I, см. табл. 1) располагаются в верхней части серо-желтых песков, под нижним (или сдвоенным) «болотным горизонтом» (Джанбас 4, нижний слой; Джанбас 31)².

Более поздний этап неолитической культуры (неолит II) представлен находками в мало мощной прослойке перевеянного песка между верхним и нижним «болотными горизонтами» (Джанбас 4, верхний слой; Джанбас 32, верхний горизонт).

Третья, наиболее поздняя группа неолитических памятников (неолит III, развешанные стоянки Джанбас 5, 11, 12) расположена вне пределов такыра, на поверхности древних эоловых песков и на более высоких отметках.

Наконец, на поверхности такыра, среди микроостанцев алевритовой толщи и на берегу западного русла найдены остатки двух стоянок бронзового века (Джанбас 8 и 10).

Итак, наиболее ранние следы жизнедеятельности человека на обследованном участке (вторая половина IV тыс. до н. э.) приурочены к верхам серо-желтых песков и перекрыты нижним (или сдвоенным) «болотным горизонтом». Верхняя отметка толщи этих песков достигает 550—580 см³. Учитывая, что культурный слой стоянки Джанбас 31 находится на отметках 500—520 см, можно полагать, что человек поселился здесь еще до момента завершения процесса накопления толщи серо-желтых песков. Стоянка Джанбас 4 (нижний слой) располагается на несколько более высоких отметках (около 600 см). Это обстоятельство, а также расположение обеих стоянок в непосредственной близости друг от друга и на берегу одного протока (или протоков с одинаковым режимом) позволяют предполагать, что стоянка Джанбас 31 несколько старше стоянки Джанбас 4 (нижний слой). Урез воды в период их существования колебался соответственно от 450—480 до 500 см, а в конце периода был примерно на отметках 500—550 см. В это время в районе возвышенности Джанбас существовали лишь небольшие протоки и временные озера, накапливающие песчаные и супесчаные осадки.

На рубеже IV и III тыс. до н. э. уровень воды поднялся до отметок

² Подробную характеристику упоминаемых здесь и ниже неолитических памятников см. в работе: А. В. В и н о г р а д о в. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

³ Здесь и ниже отметки даны от условного горизонта.

Условия расположения стоянок на Джанбасском такыре

Возраст	Названия археологических памятников	Стратиграфические условия	Условные отметки (в см)			
			современные	Древние		
				поверхность земли	урез воды	
Бронзовый век	Середина — начало 2-й половины II тыс. до н. э.	Джанбас 8	На разрушенной поверхности алевритовой толщи	624—650	300—850	около 750
		Джанбас 10		675—700		
<i>Затопление до уровня около 850</i>						
Неолит III	2-я половина III тыс. до н. э.	Джанбас 5	На поверхности древних эоловых песков	500—700	800—850	750—800
		Джанбас 12		850—900		
		Джанбас 11				
<i>Затопление до уровня около 750—800</i>						
Неолит II	1-я половина — середина III тыс.	Джанбас 4 (верхний слой)	Между 1-м и 2-м «болотными горизонтами»	620—630	620—630	550—600
		Джанбас 32 (верхний горизонт)		620—660	620—660	
<i>Затопление до уровня около 750</i>						
Неолит I	2-я половина IV тыс. до н. э.	Джанбас 4 (нижний слой)	На древней поверхности эоловых песков, ниже 2-го или сдвоенного «болотного горизонта»	600—620	600—620	500—550
		Джанбас 31		500—530	500—530	450—500

700—750 см и обе стоянки оказались затопленными. На месте такыра существовало мелководное сильно заросшее озеро с прозрачной водой.

В начале III тыс. до н. э. уровень озера упал до отметок 550—600 см и на слое оставленных им илистых осадков (нижний «болотный горизонт»), покрывавших склон песчаного массива, вновь поселились люди (неолит II). К этому моменту нижний «болотный горизонт» был местами перекрыт маломощным слоем перевеянного песка. Люди жили здесь до середины III тыс. до н. э. когда в результате нового подъема воды освоенные ими участки были вновь подтоплены, а остатки культуры перекрыты новым слоем илистых осадков (верхний «болотный горизонт»).

Вскоре после этого существенно изменился и режим озера. Судя по характеру толщи суглинков, образующих джанбасский такыр, мутные, сильно заиленные воды прорывались сюда из ближайших протоков во время паводков и в периоды многоводья. Территориальная обособленность стоянок позднего неолита (неолит III) и отсутствие поздненеолитических находок в пределах такыра позволяют утверждать, что условий для обитания человека на этом участке уже не было. Жизнь в этот период переместилась из пределов такыра к югу, на поверхность старых эоловых песков с высокими отметками.

На рубеже III и II тыс. до н. э. или в начале II тыс. до н. э. происходит прорыв вод Акча-Дарьи на север, по Акча-Дарьинскому коридору. В районе Джанбасского такыра — это время действия медленно текущих дельтовых протоков, накопивших молодую алевритовую толщу мощностью

не менее 2-2,5 м. Возможно, в это время была затоплена и перекрыта илистыми осадками и краевая зона песчаного массива, где располагались поздненеолитические стоянки.

Последние следы обитания человека в пределах такыра относятся к середине второй половины II тыс. до н. э., когда на толще алевроитов были построены жилища двух стоянок бронзового века (Джанбас 8 и 10). Обитатели этих стоянок — земледельцы и скотоводы — пользовались, видимо, водами западного протока. Люди ушли отсюда в конце II тыс. до н. э. после отмирания дельтовых протоков. В этот период усилились и дефляционные процессы, начавшиеся еще при жизни людей, сразу же после осушения такыра. В последующее время почти полностью была разрушена толща алевроитов и материалы стоянок бронзового века оказались спроецированными на более низкую поверхность. О незначительности процессов накопления в это время (позднейшие дельтовые отложения и агроирригационные осадки античного времени) и интенсификации дефляционных процессов свидетельствует то обстоятельство, что античные сельские поселения в районе возвышенности Джанбас располагаются на тех же такырах, что и стоянки бронзового века.

Таким образом, комплексное изучение одного из небольших участков Акча-Дарьинской дельты позволило реконструировать не только главные этапы, но и многие детали изменения природных условий на протяжении довольно длительного хронологического периода. Крайне важны, полученные при этом и непосредственно связанные с природными факторами сведения о перемещениях людей на внутريدельтовом пространстве, об изменениях, происходивших в их хозяйстве и образе жизни. Материалы о развитии сравнительно небольшого участка дельты имеют не только узлокальное значение. Они являются хорошим ключом для раскрытия и уточнения истории развития и условий заселения и освоения обширных территорий низовий Амударьи в целом.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ОРОШАЕМОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В настоящее время намечается два этапа в истории становления земледелия как производящей отрасли хозяйства, которые могут быть обозначены как: а) мезолитическая эпоха — время зарождения элементов земледелия в недрах присваивающей экономики и б) раннеземледельческая эпоха — время интенсивного развития земледелия от примитивных, неполивных форм в горных и предгорных районах до простейшего орошаемого на аллювиальных равнинах.

Земледелие в своих истоках связано с горными районами или, более конкретно, с плодородными межгорными долинами, где количество годовых осадков составляет не менее 300 мм в год. Именно здесь в IX—VIII тыс. до н. э. в условиях охотничье-собираательского хозяйства эпохи мезолита начался первичный процесс возделывания растений. В ходе этой примитивной культивации происходил отбор биологических особей, обладающих наиболее ценными для человека свойствами, как, например, меньшей ломкостью стеблей, менее плотной шелухой зерен и т. д.

По мере роста численности населения увеличивались площади засеваемых земель, шел процесс доместикации основных зерновых культур — пшеницы и ячменя.

Первые оседлоземледельческие поселения, расположенные в горных и предгорных районах на территории Ближнего Востока, например, памятники типа Джармо, имели уже сложное комплексное хозяйство, сочетавшее в себе скотоводство, охоту, собирательство и земледелие¹. Земледелие здесь еще не играло основной роли, оно отличалось сравнительной примитивностью, и в целом посевы «под дождь» давали довольно низкие урожаи, которые не могли удовлетворить растущие потребности отдельных общин.

Эта примитивная стадия земледелия еще не знаменует собой начала новой земледельческой эры, это лишь прелюдия неолитической революции², которая условно может быть названа периодом простейшего неполивного земледелия.

¹ R. J. Braidwood and B. Howe. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, № 31. Chicago, 1960.

² В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка). «Доклады и сообщения археологов СССР VII Международному конгрессу донстриков и протоистриков». М., 1966, стр. 150—166.

Прибавочный продукт в условиях богары был чрезвычайно низким, а площади, пригодные для неполивного земледелия в аридных районах Передней и Средней Азии, составляли немногим более 10% поверхности. Поэтому перед населявшими эти области племенами встала проблема освоения плодородных аллювиальных долин и необходимости искусственного орошения почв.

Первоначально люди, уже имевшие определенные сельскохозяйственные навыки, стали селиться близ гор, в долинах и субэаральных дельтах небольших горных речек и ручьев и, используя их естественные разливы, сделали земледелие одной из основных отраслей своего хозяйства. Это время условно может быть названо переходным периодом от простейшего, неполивного земледелия к орошаемому. К этому периоду относятся поселения джейтунской культуры на северной подгорной равнине Копет-Дага, поселения хассунских племен в Северной Месопотамии, поселения шомутепинской культуры в Закавказье.

За этот длительный отрезок времени domesticiрованные ранее злаки — пшеница и ячмень — претерпевают сложные эволюционные изменения, значительно увеличивается количество возделываемых форм и видов. Многие биологические изменения в составе возделываемых видов происходят именно под влиянием орошения³. Так, если в предшествующий период на ряде памятников были встречены зерна только двурядного пленчатого ячменя, в отдельных случаях еще во многом близкого к дикому виду *Hordeum spontaneum* (Джармо, слои Бас-Мордох поселения Али-Кош, тепе Гуран), то в переходный период наряду с двурядными появляются уже и шестирядные ячмени, пленчатые и голозерные формы (Телль ес-Севан, Шому-тепе, Тойре-тепе).

Исключительный интерес представляют находки на древнейших оседло-земледельческих памятниках такого сложного синтетического вида, как мягкая пшеница, получаемого при гибридизации *Triticum dicoccoides* и *Triticum aegilopoides* с диплоидными видами рода эгилопс. Она была обнаружена в Чатал-Гуюке, Телль ес-Севане, на памятниках джейтунской культуры в Южной Туркмении и шомутепинской культуры в Закавказье, но нигде не встречена на памятниках, относимых к более ранней стадии земледелия. По-видимому, формирование и domestикация этого вида уже связаны с более сложными формами земледельческого хозяйства⁴.

Можно предполагать, что орошение в переходный период производилось путем регулирования паводковых разливов с помощью систем валиков и канавок. Одним из возможных вариантов мог быть так называемый «лиманный» способ орошения⁵. В то же время с большей долей уверенности можно утверждать, что в этот период еще не существовало специальных оросительных сооружений, которые могли бы систематически подавать воду на поля. Орошение было одноактным, разовым. Тем не менее этот переходный период является уже периодом становления земледелия как производящей отрасли хозяйства и знаменует начало качественно новой, земледельческой эпохи.

Постепенно люди от освоения долин и дельт небольших горных ручьев и речек стали переходить к широкому освоению долин и дельт более круп-

³ Н. Helbaek. Ecological effect of irrigation in Ancient Mesopotamia. «Iraq», v. XXII, 1960.

⁴ Н. И. Вавилов. К познанию мягких пшениц. Акад. Н. И. Вавилов. Избр. тр., т. II. М.—Л., 1960; В. Е. Писарев. История мягкой пшеницы. «Вестник с.-х. науки», 1961, № 10; Ф. Х. Бахтеев. Дальнейшее осуществление научных идей Н. И. Вавилова в изучении зерновых злаков. В сб. «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов». М.—Л., 1966.

⁵ Д. Д. Букин и ч. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3-4.

ных рек. Этот период, условно названный периодом орошаемого земледелия, делится на две фазы, из которых более древняя — фаза простейших ирригационных каналов. На юге Туркмении в это время осваиваются субаэральная дельта р. Теджен (энеолитические поселения Геоксюрского оазиса), в Месопотамии — долина р. Диялы (поселения убейдской культуры). Паводковые воды по-прежнему используются для орошения, но помимо этого у каждого поселка создаются простейшие по своей конструкции ирригационные системы.

В условиях Месопотамии выявление древних ирригационных систем сталкивается с большими трудностями, так как непрерывная тысячелетняя культура на одном и том же месте скрыла под толщей культурно-ирригационных наносов эти важнейшие документы истории земледелия⁶. И лишь в тех районах, где по каким-либо причинам жизнь в последующие, более поздние периоды не возобновлялась, удалось обнаружить древнейшие прототипы современных арыков и каналов. Таков, например, Геоксюрский оазис энеолитических поселений в Юго-Восточной Туркмении, где была исследована древнейшая из известных ирригационная сеть⁷.

Исследованная геоксюрская оросительная система, по-видимому, является универсальным примером ирригационного сооружения отдельного поселка или общины, и ее открытие позволяет по-новому взглянуть на уровень развития древнеземледельческих общин эпохи энеолита.

Весьма интересно, что именно в эту фазу простейших ирригационных каналов вырабатываются довольно стандартные размеры небольших каналов, которые бытуют в аридной зоне во все последующие исторические периоды, доживая до наших дней, как наиболее рациональная форма подобного рода сооружений. Например, из клинописных текстов Ура (середина XVIII в. до н. э.) известен канал, имеющий длину 534 м, ширину от 4 до 6 м при неизменной глубине 1 м⁸. В сасанидском судебнике упоминается глубина канала в буквальном переводе «на высоте уха», т. е. примерно 1,2—1,3 м⁹. В Гератской долине в Афганистане в 30-х годах каналы имели, как правило, 2—4 м ширины и 1,3 м глубины¹⁰. В настоящее время каналы таких размеров встречаются довольно часто как в Южной Туркмении, так и в отдельных районах Ирана, Ирака и Афганистана. Постоянное усовершенствование и усложнение систем орошения приводит в конце концов к созданию сложных ирригационных систем, связанных уже с возникновением первых городских цивилизаций и раннеклассового общества. Этот этап условно назван фазой сложных ирригационных систем. Древнейший этап этой фазы может быть охарактеризован на примере ирригационного хозяйства периодов Джемдет-Насра и Урука, а в Южной Туркмении — периода Намазга IV—V. Сложные ирригационные системы начали создаваться с концентрацией власти в руках отдельных лиц и группы лиц, способных направить усилия многих людей на создание сложных оросительных сооружений.

Таким образом, нам кажется возможным в настоящее время на примере юга Средней Азии и Ближнего Востока выделить три крупных после-

⁶ R. C. Adams. Land behind Baghdad. «A history of settlement on the Diyala Plains». Chicago and London, 1965.

⁷ Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965.

⁸ А. А. Вайман. Два клинописных документа о проведении оросительного канала Тр. ГЭ, т. IV, 1961; прорисовку текстов см.: Н. Н. Figulla and W. J. Martin. Ur excavations text, t. V. Letters and documents of Old Babylonian period. London, 1953, № 855, 856.

⁹ Эти данные любезно сообщены А. Г. Периханиян (см.: «Matakdan i hazav datastan» (MhD).— «Книга тысячи судебных решений», § 85, стр. 8—11).

¹⁰ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букиннич. Земледельческий Афганистан. Акад. Н. И. Вавилов. Избр. тр., т. I. М.—Л., 1959, стр. 145.

довательных периода в истории орошаемого земледелия субтропической зоны:

- 1) период простейшего, неполивного земледелия,
- 2) переходный период от простейшего, неполивного земледелия к орошаемому и
- 3) период орошаемого земледелия с двумя фазами: а) периодом простейших ирригационных каналов и б) периодом сложных ирригационных систем.

Выделение этих этапов является до известной степени условным, оно отражает лишь последовательный ход развития земледелия от простого возделывания хлебных злаков в условиях богары к выращиванию огромных урожаев с неоднократным поливом при помощи сложных ирригационных сооружений.

Все эти периоды не могут быть уложены в какие-либо определенные хронологические рамки, для каждого самостоятельного древнеземледельческого центра они будут различными. Более того, формы земледелия, характерные для каждого периода, могут сосуществовать на разных территориях в самое различное время. Предлагаемая схема позволяет охарактеризовать лишь общую картину развития земледелия в субтропической зоне, не исключая необходимости составления дробных периодизаций для отдельных конкретных районов.

В. В. ГИНЗБУРГ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Антропологическое, как и археологическое, изучение Средней Азии проводилось очень интенсивно после Великой Октябрьской социалистической революции. Этому способствовали быстрое развитие культуры в республиках Средней Азии и организация университетов и научно-исследовательских институтов, явившихся основой республиканских академий наук.

Много внимания антропологов было обращено на изучение современного населения республик Средней Азии. Основную роль в этом в 20—30-х годах сыграли А. И. Ярхо (Институт антропологии Московского университета) и в особенности ташкентский антрополог Л. В. Ошанин, который со своими сотрудниками провел много экспедиций, преимущественно в районах Среднеазиатского междуречья и на территории Туркменской ССР. В послевоенные годы силами антропологов Института этнографии АН СССР были проведены обширные антропологические исследования на территории Казахской и Киргизской ССР.

Палеоантропологии Средней Азии, как писал Г. Ф. Дебец в своей монографии 1948 г., в то время почти не существовало.

Но уже в конце 30-х годов и особенно после Великой Отечественной войны Советского Союза, когда в разных районах Средней Азии широко развернулись археологические раскопки и начал поступать обширный палеоантропологический материал, в изучение его включились антропологи старшего поколения: В. В. Гинзбург (Ленинград), Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова и Н. Г. Залкинд (Москва). К ним присоединилось младшее поколение антропологов: В. Я. Зезенкова (Ташкент), Н. Н. Миклашевская, О. Исмагулов, Т. П. Кияткина, Т. Ходжаев, Ю. Г. Рычков и другие.

В настоящее время во всех республиках Средней Азии наряду с опытными кадрами археологов имеются и антропологи. Тесный контакт антропологов с этнографами, археологами и лингвистами дал уже возможность сделать ряд обобщений по истории современного и древнего населения Средней Азии.

Полученные краниологические материалы позволили изучить расовые типы населения разных эпох на обширных территориях республик Средней Азии, проследить за изменениями их в процессе исторического развития ее народов, что способствовало пониманию здесь ряда этногенетических процессов. Это содействовало и приближению к решению некоторых общих вопросов расогенеза, что весьма важно для теории расоведения.

Для понимания антропологического состава современного населения Средней Азии, которое мы изучаем исследуя современников, оно дол-

жно быть сопоставлено с древними аборигенами этой страны. Последних мы можем знать отчасти по некоторым описаниям, а также по дошедшим до нас изображениям. Основным же объектом антропологического изучения древнего населения являются краниологические материалы. Но для сопоставления их с современным населением необходимо изучать его черепа. Для этого нужно собирать и исследовать костные останки из поздних заброшенных кладбищ, датируемых последними веками II тыс. н. э.

Систематический сбор такого материала начался лишь недавно, и собранное до сих пор не охватывает в должном количестве все области Средней Азии. Достаточно представительные серии уже имеются из Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Бадахшана. Совершенно нет таких материалов из Туркмении и Таджикистана.

Материалы эпох неолита и бронзы говорят о двух расовых типах населения страны в то время, соответствовавших ее этно-историческим областям. На юге Средней Азии земледельческое население, характеризовавшееся культурами расписной керамики (Анау, Чуст), относилось к долихокранному типу южной европеоидной расы (протосредиземноморскому). В более северных, степных областях Средней Азии, как и Казахстана, оседлые скотоводы-охотники и рыболовы относились к мезокранному прото-европейскому (андроновскому) расовому типу.

Уже в это время отмечается широкое взаимопроникновение северных и южных расовых типов, особенно хорошо проявившееся в Приаралье (Кокча III, Тасты-Бутак), а также в Ферганской долине и др. В эпоху неолита отмечено влияние и экваториальных элементов, шедшее через Южную и Переднюю Азию, которое прослеживается в какой-то степени и в дальнейшем (Монжуклы-депе).

В эпоху раннего железа (античное время) на территории Среднеазиатского междуречья и Семиречья появляется мезобрахикранный европеоидный тип (тип Среднеазиатского междуречья, по Л. В. Ошанину). Происхождение здесь этого типа является предметом дискуссии. Переходные формы от андроновского типа к типу Среднеазиатского междуречья прослеживаются в сако-усуньской среде на востоке Средней Азии и Казахстана и в савроматско-сарматской среде Нижнего Поволжья — к западу от нее, что отмечается до периода средневековья. В области Среднеазиатского междуречья брахикранный европеоидный тип быстро замещает более ранний здесь средиземноморский тип, хотя следы последнего можно проследить у оседлого населения даже в средневековье. Уже в эпоху железа у населения Средней Азии начинает ощущаться примесь монголоидной расы, вначале более заметная в северо-восточных ее областях и в Восточном Приаралье.

В средневековье для северо-восточных областей Средней Азии характерен южносибирский расовый тип, развившийся из смешения древнего андроновского типа с монголоидным как на месте, так и на Алтае, откуда происходят кочевые тюркские племена, приход которых еще более усилил монголоидные черты в расовом типе местного населения. Этот процесс проходил на территории Казахстана и Киргизии.

В Закаспийской области к древнему долихокранному населению пришеивается брахикранное как со стороны Среднеазиатского междуречья и, вероятно, Передней Азии, так и со стороны Западного Казахстана и Нижнего Поволжья. Начинает хорошо ощущаться и монголоидная примесь. Но долихокранный тип основного населения Закаспийской области не растворяется в пришлом населении. Так развивается население Туркмении.

В области Среднеазиатского междуречья брахикранной европеоидный тип является в это время основным, на базе которого сложилось население Таджикистана и Узбекистана.

Эти три расовых типа продолжают существовать на территории Средней Азии на протяжении всего II тыс. до н. э., все больше впитывая в себя

монголоидные черты (в меньшей степени в горах Таджикистана), и составляют три современные антропологические зоны Средней Азии.

Накопление большого палеоантропологического материала показало, что схематические построения расогенеза (как отражения этногенеза), которые удовлетворяли нас раньше, должны решаться более углубленно и с более широким охватом сопредельных стран. А для этого не по всем областям и эпохам материал представителен и достаточен.

Так, например, если Туркменская ССР располагает значительными палеоантропологическими материалами, относящимися к эпохам энеолита и бронзы, и имеет также некоторые данные по неолиту, в других республиках Средней Азии краниологических материалов периода неолита и бронзы пока совершенно недостаточно и необходимы дальнейшие их сборы.

В Узбекистане краниологические материалы раньше рубежа III—II тыс. до н. э. вообще еще неизвестны. С территории Таджикистана лишь недавно начали поступать палеоантропологические материалы, датируемые II тыс. до н. э., и только недавно открыты относительно хорошо сохранившиеся скелет и черепа из погребений эпохи неолита.

Казахстан, как и Туркмения, обладает относительно хорошими материалами по эпохе бронзы, но более ранние материалы здесь отсутствуют почти полностью.

Отсутствие материалов по эпохе неолита не дает еще возможности представить антропологический тип населения кельтеминарской культуры, распространенной на территории Средней Азии и Казахстана и имеющей далекие связи с Приаральем, Прикамьем и Приобьем, а также с Индией на юге.

Еще недостаточно разработан вопрос о происхождении сакских племен Средней Азии и Казахстана. Почти полное отсутствие палеоантропологических материалов, относящихся к сакскому времени, с территории Туркмении не дает пока возможности определить влияние скифо-сарматских племен на развитие населения Туркмении и конкретными материалами обосновать положительно принятую в свое время гипотезу Л. В. Ошанина о роли скифо-сарматских племен в происхождении туркменского народа.

Далеко не завершена разработка палеоантропологических данных о гуннах в Средней Азии. Вопрос о происхождении населения, захороненного в могильниках кенкольского типа, все еще открыт. В тесной связи с этим стоит вопрос об этнической принадлежности людей, погребенных в могилах катакомбного и подбойного типов.

Туркмения пока еще слабо освещена палеоантропологическими материалами, относящимися к времени возникновения огузского племенного союза и к периоду позднего средневековья, а также краниологическими материалами XVIII—XX вв. Нет краниологических материалов периода позднего Средневековья и XVIII—XX вв. с территории Таджикистана.

Все эти проблемы, как и некоторые другие, мешают воссозданию полной картины этногенеза народов Средней Азии и Казахстана.

Антропологам, совместно с археологами и этнографами занимающимся Средней Азией, предстоит решить еще много вопросов по этнической антропологии древнего населения Средней Азии в связи с этногенезом народов на этой территории.

Перед антропологическим изучением Средней Азии сейчас стоят сложные проблемы:

Место и пути происхождения расового типа Среднеазиатского между-речья. Участие в расогенезе этого типа протоевропейской и протосредиземноморской рас.

Конкретный путь развития долихокранного европеоидного типа туркмен и судьба многочисленного на этой территории брахикранного по типу населения в античное время и в средние века.

Удельный вес древнего местного населения в этногенезе киргизского и казахского народов.

Расовый тип раннего населения Западного Памира.

Пути развития и распространения в I тыс. н. э. обычая деформации головы у населения Средней Азии.

Расовый тип «гуннов» Средней Азии.

Решению этих и более частных и специальных вопросов мешает недостаточное количество антропологических материалов по отдельным эпохам из разных областей Средней Азии, а именно: по эпохе неолита — из Прикаспия, Междуречья, Киргизии и Казахстана; по эпохе бронзы — из Киргизии, юга Казахстана, юга Междуречья и Памира; по эпохе раннего железа — из Туркмении и всех районов Междуречья; по раннему средневековью — из Туркмении и юга Междуречья; по позднему средневековью — из Туркмении; по современному населению — из Таджикистана и Туркмении.

Сама собой разумеется необходимость поисков краниологических материалов эпохи палеолита. Получение этих материалов поможет ликвидировать белые пятна на палеоантропологической карте Средней Азии и ответить на вопросы, вставшие перед антропологами, как и археологами, в результате уже проделанной ими большой работы по изучению этногенеза древнего и современного населения Средней Азии.

Разработка вопросов этногенеза народов Средней Азии и проблемы расогенеза невозможны без широкого привлечения сравнительных материалов из смежных территорий и широких исследований в содружестве с представителями других наук.

VI. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА В 1967 И 1968 гг.

В 1967 и 1968 гг. сектор работал по проблемам, связанным с историей материальной и духовной культуры, начиная от эпохи энеолита до средних веков на территориях Средней Азии, Сибири, Нижнего Поволжья и Кавказа.

За эти годы сотрудниками сектора завершено несколько больших тем: В. М. Массон написал исследование «Неолитическая революция в Средней Азии» на основании раскопок поселения Джейтун. Коллектив авторов (А. М. Беленицкий, О. Г. Большаков, И. Б. Бентович) закончил работу «Средневековый город Средней Азии», где среднеазиатский город рассматривается как ремесленный центр. С. С. Черников закончил сводную работу по неолитическим памятникам Казахстана: «Поселение Усть-Нарым» и «Карта неолитических памятников Казахстана». В. П. Шилов работал над темой «Новоникольский могильник». В этой работе дана новая трактовка хозяйства ямных племен, выявлена граница распространения памятников полтавской ступени и обработан южноиталийский импорт. В. П. Шилов предлагает новую точку зрения на происхождение прохоровской культуры. Э. С. Шарафутдинова закончила исследование «Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на нижнем Дону», где рассматривается группа памятников — Кобяково, Хопры, Сафьяново, культурный комплекс которых, жилище, хозяйство отличаются от других синхронных поселений и выделяются в особую, кобяковскую культуру.

Результатом работ по археологии Кавказа является книга К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили «Древнеземледельческие культуры Южного Кавказа в V—III тыс. до н. э.», в которой дается сводка памятников этого периода. На основе этих памятников выявилась куро-аракская культура III тыс. до н. э. Р. М. Джанполадян закончила работу «Стеклоделие в Двине в VIII—XIII вв.» В этой работе автор разделяет местную продукцию и привозные изделия.

За 1967 и 1968 гг. вышли из печати книги: А. М. Мандельштама «Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане», А. Я. Щетенко «Древнейшие земледельцы Декана» и Э. Б. Вадецкой «Древние идолы Енисея». Сектор систематически издает сборники «Эпиграфика Востока» — вышел в свет вып. XVIII и подготовлен к изданию вып. XIX.

В секторе продолжалась работа по плановым темам. А. М. Беленицкий написал исследование «Проблема рабовладельческой формации и археологическое изучение города Средней Азии». И. Н. Хлопин в течение нескольких лет разрабатывает тему «Идеология древних земледельцев Южной Туркмении». В. М. Массон исследует большую тему «Энеолит южных областей Средней Азии» В. П. Шилов начал исследование раздела

«Хронология ямной культуры» для «Очерков по истории Нижнего Поволжья». М. П. Грязнов написал работу «Тагарская культура как заключительный этап бронзового века на Енисее». Г. А. Максименков работает над темой «Окуневская культура», а Э. Б. Вадецкая занимается «Археологической картой Минусинских котловин». А. Д. Грач продолжает тему «История Тувы в скифское время». Ряд сотрудников пишут специальные разделы для «Археологии СССР». К. Х. Кушнарера работает над научным описанием архива А. А. Иессена. Соответственно разрабатываемым проблемам сектор проводит многолетние экспедиции.

Красноярская экспедиция (руководитель М. П. Грязнов) работала в ложе водохранилища Красноярской ГЭС на Енисее. 8 отрядов ее вели раскопки памятников всех известных на Енисее эпох. Вот наиболее значительные из них. Закончено исследование верхнепалеолитических стоянок на р. Таштык (З. А. Абрамова). Открыты и исследованы первая для степной части Енисея неолитическая стоянка у г. Унюк, неожиданно давшая серию нефритовых орудий (Л. П. Зяблин), и первое афанасьевское поселение у г. Тепсей с каменными очагами (М. Н. Комарова). Раскопано 3 больших кургана родоплеменной знати андроновской культуры на Сухом озере (Г. А. Максименков). Там же и у г. Барсучиха раскопано свыше 400 могил карасукской культуры (Г. А. Максименков, М. П. Грязнов). Интересна серия курганов, исследование которых позволило выделить еще один этап, биджинский, тагарской культуры (М. П. Завитухина). Впервые детально исследованы два больших кургана с огромными коллективными могилами тесинского этапа в Нижнем Сарагаше и у г. Барсучиха (Г. А. Максименков, М. Н. Пшеницына). Серия богатых индивидуальных могил этого этапа раскопана в Каменке (Я. А. Шер). Исследовались в 5 пунктах могильники таштыкской культуры (М. П. Грязнов, Э. Б. Вадецкая). Особенно ценна находка в склепе у г. Тепсей серии многофигурных рисунков на темы героического эпоса, сохранившихся на обугленных дощечках (М. П. Грязнов). Закончено копирование наскальных рисунков на г. Тепсей и Оглахты (Я. А. Шер).

Саяно-Тувинская экспедиция (руководитель А. Д. Грач) в составе пяти отрядов ведет работы в зоне водохранилища Саянской ГЭС. 1-й отряд (А. Д. Грач) раскапывает курганы VII—VI вв. до н. э. на могильнике Алды-Бель; в долине Саглы начаты раскопки кургана скифского времени. 2-й отряд (А. М. Мандельштам) раскапывает могильник Аймырлыг с погребениями в каменных ящиках и грунтовых могилах. Некоторые погребения относятся к переходному периоду от скифского к гунно-сарматскому времени. На городище Бажан-Алак вскрыты землянки. 3-й отряд (С. Н. Астахов) открыл около 60 стоянок каменного века с кремневым инвентарем. 4-й отряд (И. У. Самбу) в долине Ортаа-Хема исследует курганы скифского и гунно-сарматского времени. 5-й отряд (Ю. И. Трифонов) раскопал уникальное коллективное погребение на могильниках Аргалыкты I и Кара-Тап IV, относящиеся к переходной эпохе от скифского к гунно-сарматскому времени.

Таджикская экспедиция (А. М. Беленицкий) работает в Панджикенте. На шахристане раскапываются жилые и ремесленные кварталы, открыт торгово-ремесленный центр. На цитадели вскрывается большой дворцовый комплекс правителя Пенджикента. В больших залах дворца найдены остатки живописи, резного дерева и т. п.

Каракумская экспедиция (В. М. Массон) на поселении Алтын-депе обнаружила остатки монументальной архитектуры, очевидно, храма. Установлено три этапа его существования.

Дельверзинский отряд (Ю. А. Заднепровский) раскопал на поселении Дальверзин оборонительную стену, относящуюся к основному периоду жизни Дальверзина.

Кроме того, работают Прикаспийский отряд (руководитель А. Н. Мелентьев), Сафьяновский отряд на нижнем Дону и др. Два сотрудника сектора (Р. М. Джанполадян и К. Х. Кушнарера) принимают участие в раскопках г. Двин (Армения).

В 1968 г. сектор организовал пятое совещание по проблемам археологии Средней Азии.

Сотрудники сектора участвовали в работах и выступали с докладами на Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (г. Душанбе).

А. М. Беленицкий в составе советской делегации принимал участие в VII Международном конгрессе по археологии и искусству Ирана.

А. Д. Грач в течение месяца находился в командировке в МНР, занимаясь материалами по археологии Монголии и Тувы. Ю. А. Заднепровский в 1967 г. три месяца провел в Индии, где ознакомился с коллекциями для установления связей и сходства культур Средней Азии и Индии в древности.

И. Б. Бентович

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия (Институт археологии АН СССР)
АС — Археологический сборник (Государственный Эрмитаж)
ВАН — Вестник АН СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ДАН — Доклады АН СССР
ИВГО — Известия восточного отделения Географического общества
Изв. АН Кирг. ССР — Известия АН Киргизской ССР
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИООН АН Тадж. ССР — Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МКТ — Материальная культура Таджикистана
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
ТИИА АН КазССР — Труды Института истории и археологии АН Казахской ССР
ТИИА АН Тадж.ССР — Труды Института истории и археологии АН Таджикской ССР
ТИИА АН Уз.ССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР
ТИИАЭ АН Каз. ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТИЭ АН СССР — Труды Института этнографии АН СССР
ТКАЭ — Труды Киргизской археологической экспедиции
ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Тр. САМГУ — Труды Самаркандского государственного университета
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
ТЮТАКЭ — Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уз Алма-АтГПИ — Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института
AA — American Anthropologist
AI — Ancient of India. New-Dehly
APAMNH — Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. New York
BASOR — Bulletin American School Oriental Research
MASI — Memoirs of the Archaeological Survey of India
PAPS — Proceedings of the American Philosophical Society
PPS — Proceedings of Prehistoric Society
SA — Slovencká archeologia
SAOC — Studies Ancient Oriental Civilization

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-----------------------	---

I. Итоги и проблемы археологии Средней Азии

В. М. Массон. Узловые проблемы археологии Средней Азии	9
П. Н. Кожемяко. Основные достижения и проблемы археология Киргизской ССР	16

II. Первобытная археология

Г. Ф. Коробкова. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии	21
Л. Я. Крижевская. К вопросу о взаимоотношении населения Южного Урала и Средней Азии в неолитическую эпоху	27
А. В. Виноградов. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов	31
М. П. Грязнов. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы	37
Е. Е. Кузьмина. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы	44
М. А. Итгина. Из истории населения степной полосы Среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы	49
И. Н. Хлопин. Проблема происхождения культуры степной бронзы	54
А. Я. Щетенко. О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистанохараппских параллелей	59
А. Аскарров. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде	64

III. Археология древнего периода

А. К. Абетекров. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней	67
А. М. Беленицкий. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии	71
М. Г. Воробьева. Археологические памятники Хорезма античного периода как источник для реконструкции социально-экономических процессов	77
Н. Г. Горбунова. О датировке ферганской керамики с красным ангобом	81

IV. Средневековая археология

В. И. Распопова. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.	86
Г. А. Брыкина. К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы в VI—XII вв.	92

О. Г. Большаков. Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города VIII—XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока	96
А. А. Иванов. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время	101

V. Археология и естественные науки

Я. А. Шер. Естественнонаучные методы и узловые проблемы археологии Средней Азии	106
А. С. Кесь, М. А. Итина, А. В. Виноградов. К палеогеографии Акча-Дарьи	110
Г. Н. Лисицына. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке	114
В. В. Гинзбург. Итоги и перспективы палеоантропологического изучения Средней Азии	118

VI. Хроника

Работа сектора Средней Азии и Кавказа в 1967 и 1968 гг.	122
Список сокращений	125

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

КСИА, № 122

*Утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор *А. Е. Сидоренко*
Технический редактор *Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 24/XII 1969 г. Подписано к печати 12/V 1970 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,375. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 1800 экз.
Бумага № 2. Т-09105. Тип. зак. 14
Цена 60 коп.

Издательство «Наука».
Москва К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10